

REDRUM

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№5
2016

СЛОВО РЕДАКТОРА

Мария Артемьева

[Пять номеров 2](#)

РАССКАЗЫ

Александр Подольский

[«Нечистые» 3](#)

Виктор Глебов

[«Кожа» 14](#)

Богдан Гонтарь

[«Возвращение» 28](#)

Денис Назаров

[«Плёнка» 42](#)

Василий Рузаков

[«Праздник» 55](#)

Валерий Тищенко

[«Шум прибора» 66](#)

Алексей Жарков

[«Стадия размножения» 76](#)

Сергей Королев

[«Ночные танцы» 87](#)

ОБРУБКИ

Юрий Погуляй

[«У вас одно новое сообщение» 89](#)

СТИХИ

Максим Кабир

[«Козодои» 90](#)

МАСТЕРСКАЯ

Виктор Глебов

[«Нечто на randevu, или отложенная встреча с ужасом» 93](#)

ЛЕКТОР

Максим Деккер

[«Сплаттерпанк, литература красных брызг» 96](#)

ДОПРОСНАЯ

Интервью с Р. Д. Уайтом

[«Думай о зле. Пиши о зле. Смотри на себя» 105](#)

УЖАСЫ В КАРТИНКАХ

Михаил Артемьев

[«Детские страшилки»
\(по рассказу А. Шолохова\) 109](#)

RedRum, № 5, август 2016 | Альманах литературно-художественный, 18+

Главный редактор: Мария Артемьева

Заместитель главного редактора: Алексей Шолохов

Дизайн, верстка: Денис Назаров

Иллюстрации в номере: Александр Павлов

Оформление: Екатерина Богданова

Оформление обложки: Елена Станикова

Издание: группа ВК vk.com/redrum_mag

Москва,

типография «Белый ветер».

Подписано в печать: 11.08.2016 г.

Тираж 70 экз.

ПЯТЬ НОМЕРОВ

Снаружи незаметно, но иногда это действительно напоминает цирковой номер — под куполом и без страховки. Найти, собрать, организовать, напомнить, уговорить, обсудить, решить, отредактировать, подготовить, вычитать, записать, сверстать, еще раз вычитать, сверить, еще раз... И еще. Собрать, записать, залить, переслать. Заказать, оплатить, предупредить, созвониться, приехать... Чтобы, наконец, победно сияя, вывезти из типографии пачки с готовыми книжками альманаха и... Организовать доставку их читателям.

И все это — в свободное от основной работы время каждого участника процесса. На спонсорские средства и возможности, предоставляемые исключительно самой редакцией, авторами и нашими любимыми читателями!

Только не подумайте, что я жалею. Нисколько!

Вообще-то я горжусь. Тем, что нам это удастся — этот цирковой номер. Волшебный трюк. Опасно непредсказуемый и полный непредсказуемых опасностей. И ужасов.

Ради ужасов-то все и затевалось, так ведь? ;)

И вот — наши ужасы радуют наших читателей.

И мы тоже радуемся. Снова и снова — вместе с вами.

Мария Артемьева,
главный редактор

АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ

«Однажды на глаза мне попался фотоотчет о деревне Церковище, и так меня заворожили тамошние пейзажи, что я решил рассказать в этих декорациях какую-нибудь историю. Вроде бы ничего особенного: все деревни похожи... Но именно эта дала толчок творческому процессу. В голове всплыли образы героев — детей и ведьмы. Оставалось только столкнуть их друг с другом...»

НЕЧИСТЫЕ

Убить ведьму предложил Юрец. Вот так просто, невзначай, будто комара расплющил. Мы сперва подумали, что он шутит. Юрец вообще много болтал, особенно о девчонках, и верить всем его рассказам могли только полные идиоты. Но потом он достал нож, воткнул его в стол, глянул на нас серьезно так и сказал, что видел, как бабка Софья потрошила курицу во дворе и умывалась кровью. И бабка Софья видела, что Юрец видел. После этого стало как-то не до смеха.

Юрцу было семнадцать, и он был крутой. Ездил на мотике, жил один, неделями пропадал на заработках где-то в области. В Церковище он появился год назад — примчался на красной «Яве». Весь такой важный, хоть и сильно побитый, в клевом шлеме и кожаной куртке. Занял свободный дом прямо на берегу Усвячи — в том месте, где из реки друг за другом торчат три островка. Деревня у нас тихая, считай что заброшенная наполовину, хотя до границы с Белоруссией всего ничего. Люди тут сами по себе, если ты человек хороший, то и вопросов лишних задавать не будут. Вот и Юрцу не задавали, хотя тот и сам рад был почесать языком. И от бандитов он прятался, и в кругосветное путешествие собирался, и от богатой бабы скрывался, которой тройню заделал. В общем, брехло, что твой пес.

Из-за трех лет разницы мы с Арбузом были для Юрца мелкотой, но он все равно дружил с нами. В Церковище народу осталось немного, человек пятьсот, и для пацанов примерно нашего возраста развлечений тут считай что и не было. Кто помладше — рыбу ловили, тритонов, гоняли мяч и бродячих котов. Кто постарше — девок в кустах щупали, самогонку пили, ходили в соседние деревни раздавать тумачов и их же огребать. Ну и какое-никакое хозяйство у всех: двор, огород, птица, животное. Дела найдутся всегда. Школа еще была, куда без нее. Старое деревянное здание сгорело четыре года назад, а новое забабахали там, где когда-то давно церковь стояла. Из кирпича забабахали, не хухры-мухры — к нам ведь еще и с соседних деревень учеников сгоняли. Школу я, понятное дело, не любил. То ли дело каникулы! Никаких занятий, а главное — приезжает Арбуз.

Я дружил со всеми понемножку, но ни с кем по-настоящему. Кроме Арбуза и Юрца. Даже не знаю, как так получилось. Не, с Юрцом-то понятно, мне хотелось стать таким же, сбежать куда глаза глядят, самостоятельным быть,

деньги зарабатывать и девчонок на мотике катать. Ну, а Арбуз был просто Арбузом. Прикольным таким балбесом из города. Во время каникул он жил в дачном поселке неподалеку и почти все свободное время лазил с нами по окрестностям. В Церковище ведь такая природа, что городскому и не снилось. Мы мастерили ловушки для слепней, кормили лошадей, лазили в заброшенные бани... И следили за ведьмой.

Я не знаю как где, но у нас, у деревенской ребятни, любая странная бабка считалась ведьмой. О каждой ходили легенды, каждую хоть кто-нибудь видел на метле или у чугунка с варевом из детских пальчиков и крысиных хвостов. От звания ведьмы старух избавляла только смерть. С годами... А вот бабка Софья в мир иной уходить не хотела.

У нас на нее накопилось целое досье. Она ни с кем не разговаривала, но все время что-то бубнила под нос. Словно заклинания какие-то. Она разводила только черных кур и почти каждый день что-то жгла на участке. Шептали, что во время пожара в школе бабку Софью видели рядом — всю в золе и в обгорелой одежде, точно черт из печки. Ей было лет двести на вид, но она легко таскала по два полных ведра воды в горку, рубила дрова и куриные головы, копала огород. А еще бабка Софья портила реку. Вываливала туда непонятное трюсево, бормотала что-то, палкой расчерчивала землю на берегу, изображая зверей и разные фигуры. Мы думали, что старуха совсем двинулась на голову, но потом пришло лето, а вода в Усвяче осталась ледяной — как в проруби. Опустить ногу, и по телу пупырышки до самого горла выскакивают. Уже и июль почти кончился, дачников навалом, а никто не купается. Девки только загорают, пацаны кругами ходят, пляжуют и труссы поправляют. Окунаются разве что закаленные, тут проще в бочку нырнуть. Самое интересное, что в год пожара было то же самое. Как будто солнце до речки не досвечивает.

Бабка была страшной, сгорбленной, всегда завернутой в черные тряпки. Только косы и не хватало. Пройдешь мимо — и сразу все зачесется, заколется, жуть всякая мерещиться начнет. Ты быстрее ходу давай, пока в таракана не превратился, а она вслед смотрит, губы жует. Ведьма и есть. Но убивать? Я, бывало, лягушек разрубал, когда траву косил. Признаю. Мышей давил в погребке, одну даже поленом по крыльцу размазал. Ну и все, не считая рыбы и всякого гнуса. Про Арбуза и говорить нечего.

— А чего мы-то? — спрашиваю. — Сама помрет.

Старый дом поскрипывал деревянными костями, в щелях выл ветер. Наши тени липли к стенам, вокруг свисающей с потолка лампочки кружила мошкара. Пахло сливовым вареньем. Мы сидели у Юрца и под чай жевали пирожки с капустой, которые принес Арбуз. Здесь он попадал в лапы бабушки, и его кормили на убой. С каждым летом он становился круглее, еле-еле влезая в любимые полосатые футболки.

Юрец вытащил ножик из стола, ковырнул грязь под ногтем. Глянул на нас.

— Потому что надо, — говорит. — Я тут в городе шуры-муры крутил с одной, поняли, да? Про Церковище проболтался. А она такая: «Это ж проклятая деревня!» Врубается? Умирает здесь все. Самая пора пришла.

Я не очень врубался. Деревня умирала, потому что вокруг умирало хозяйство. Молочная ферма, совхоз, льняной завод — все позакрывали. Вот люди

и разъезжались по городам. Деньги зарабатывать, детей учить. Батя мой на-шел работу электриком в райцентре, сутки через трое трудился. Укатил на велосипеде, смену отпахал, потом день с мужиками пропьянствовал — и назад, отсыпаться. Продукты привозил, деньги, генератор бензиновый упер где-то. В общем, нормально жили.

— Я ее потискал, пощекотал, поняли, да? Все рассказала. Нечистая сила тут живет, серьезная. Городские просто так трепать не будут. Потому и утопленников летом много, и другие смерти странные.

Утопленников не то чтоб много было, но случались. Оно и ясно, если пьяным в Усвячу влезть, особенно когда та ледяная. Сразу можно ко дну пойти, что твой топор. Если бог пьяных и бережет, то точно не в воде. Ну, а странные смерти... Кое-чего вспоминалось, было дело.

Юрец поднялся и подошел к окну, которое с той стороны подсвечивал ма-линовый закат.

— Я даже знаю, как эту нечистую зовут, — говорит. — А теперь она за мной придет. Тут верь, не верь, а придет.

Арбуз заерзал на месте, доедая пирожок. Его задница с трудом помещалась на табуретке. Он подавился, запил пирог чаем и пробормотал:

— Я фильм про ведьму смотрел. Она там в летучую мышь превращалась.

Юрец взял с дивана куртку и шлем, звякнул ключами.

— Мотоцикл не догонит, — говорит. — Я студенточку одну подвозил на днях, у нее сегодня родителей не будет. В гости позвала, поняли, да? И сиськи у нее, как у Арбуза. Что надо сиськи, да, Арбуз?

Арбуз оттянул футболку, чтоб она не слишком облегала рыхлые тела, и показал средний палец. Я хохотнул. Юрец открыл дверь, остановился на пороге.

— У нее подружки есть, сестры-близняшки. Взял бы вас, но мелковаты еще. Женилки не выросли.

— Иди уже, заливала!

— Пойду. — Он постучал шлемом о дверной косяк. — А ведьму надо убить. Прикиньте план пока. Я завтра вернусь.

Дом давно стал нашей штаб-квартирой. Юрец не возражал. Мы знали, где что лежит, могли приходить в любое время, брать что угодно, и были такими же хозяевами. Убирались, приносили еду, заросли во дворе стригли. Всего по-немножку.

Арбуз забрался на печь, устроился на лежанке и стал глядеть в потолок, почесывая живот.

— Мих, а Мих, — говорит, — думаешь, Юрец струсил? Бабки Софьи испугался? Она же может ночью прийти сюда, да?

— А черт его знает. Ты б не испугался, если б ведьма на твоих глазах кровью умылась, а потом зыркнула в твою сторону?

— Я бы? Я бы — нет.

— Ну да, как же. Рассказывай тут.

— Спорим?

— Брехло.

— Сам брехло.

Мы молчали. За окном стрекотали насекомые, шумела речка. Под полом

шуршали мыши.

— Мих, а Мих.

— Чего?

— Думаешь, это правда все?

— Про сестер-близняшек?

— Да нет. Про ведьму. И про проклятую деревню.

Через три дома от нас завыл Джек. Он на той неделе цапнул дядь-Славу, так что теперь сидел на цепи. Вот и жаловался.

— Мих.

Я вспомнил вопрос.

— Мож и правда. Тебе-то чего? Укатишь в свой город, маманька с папанькой защитят. Да и не водятся у вас там ведьмы.

Моя маманька повесилась, когда мне шесть было. С утра приготовила оладьи, подмела в комнатах, ковер выбила. А потом пошла в сарай, сделала петлю на балке, на ведро перевернутое залезла и шагнула. Мы с батей так и не поняли, почему.

— Мих, а Мих.

— Ну, чего тебе?

— А было бы круто здесь переночевать, да?

Я всегда любил дурацкие затеи.

Сначала мы двинули к Арбузу. Бабушке сказали, что у меня заночуем. Костер во дворе жечь будем, картошку запечем, хлеба пожарим. А батя за нами проследит. Бабушка разрешила, снарядив нам с собой пакет еды и заставив Арбуза взять ветровку.

Батя был на смене, так что ко мне мы забежали, только чтоб взять одеяла. В штаб-квартире мы ночевали и раньше. Лежали кто где и слушали истории о похождениях Юрца. Было весело, считай что кино смотрели. В жанре фантастики.

Мы перетащили в дом две охапки поленьев и растопили печь. С Усвяти тянуло холодом, стены были хлипенькими, так что ночью можно было и задубеть. Да и как-то спокойней с печкой, уютней или типа того.

Решили нести дежурство у окон. Домик был маленький — одна комната с прихожей, зато выглядывать можно и на реку, и на улицу. Лампочку мы не включали, запалив несколько свечек и убрав их вглубь дома, чтоб снаружи не так заметно было. Когда солнце закатилось за ельник, и Церковище окончательно накрыла темнота, стало чуточку не по себе. Шорохи сделались громче. Голосила ночная живность, хлопали крылья. На вой Джека будто откликался кто-то из леса.

Надолго нас не хватило. Торчать у окон оказалось страшновато — вдруг и впрямь кого за стеклом увидишь? На словах-то все здорово, а вот на деле... Да и в сон клонило, чего уж там. Мы разбрелись по лежанкам, поболтали ни о чем и стали засыпать. О плане по убийству ведьмы никто даже не заикнулся.

Глубокой ночью меня разбудил шум. Это Арбуз проверял щеколду на двери, словно та могла спасти от настоящей ведьмы. Кажется, ему было совсем не круто. Он обернулся со свечой в руках, и полоски на его футболке зашевелились. На лицо легли неровные тени.

— Мне в туалет надо, — говорит. — А там темно совсем.

— Ага. И силы зла уже ждут. Видал, как крыжовник разросся? Теперь там кто

угодно схорониться может.

— А тебе не надо?

— Не-а, — отвечаю. Хотя мне было надо.

Арбуз замолчал. Подошел к окну. В реке что-то плескалось, квакали лягушки. То и дело сверху прилетали крики сычей.

— Надо бы еще поленьев принести, — говорит. — Мало осталось.

— Нормально осталось.

Арбуз гляделся в черноту снаружи. Вздохнул, поставил свечку на подоконник и вышел на улицу. Я с трудом сдержал смех.

Но через минуту веселье как рукой смахнуло: Арбуз ввалился обратно в дом и тут же запер дверь. Я вскочил.

— Она? — спрашиваю.

Арбуз кивнул. Я вдруг почувствовал холодок. Такой противный, с душком сырого подвала.

— У дома дяди Славы ходит. Лампа над калиткой горит, а она... Потому Джек и воет.

Из меня словно весь воздух выбили. Руки вмиг вспотели.

— Тебя заметила?

Арбуз пожал плечами. Я погасил свечи и подошел к окну. Кроме дядь-Славиного дома рядом только брошенные — слишком темно, чтоб чего-то разобрать. Фонари здесь давно не работали.

— Мих, зря мы, наверное...

Зашелестела трава под окном со стороны реки. Кто-то продирался через крапиву. Мы затаились. Свет в штаб-квартире давали только пунцовые угольки в печной пасти. От сильного порыва ветра задрожал дом, и снаружи потянуло гарью.

По стеклу заелозило, точно мокрым пальцем грязь стирали. Арбуз медленно отодвинулся от окна. Закряхтела половица, выдавая его с потрохами. С той стороны стены послышалось бормотание. Мокрый палец уткнулся во второе стекло.

— А если Юрец прикалывается? — спрашиваю.

Арбуз не ответил — он тихонько подгрел к себе кочергу. Вокруг дома кто-то шнырял. Пыхтел, ворчал, дотрагивался до ставен, под его весом опускались доски крыльца. Но дверь никто не трогал.

Все затихло. Полная луна выкатила из-за туч, и возле дома чуть посветлело. Я подобрался к окну и разглядел на стекле черные рисунки. Какие-то символы, вписанные в круги звезды, фигурки зверей.

— Мих, Миха...

Арбуз стоял у самой двери.

— Если вдвоем выбежим, то не поймает, да? Не поймает же?

Я зачем-то кивнул, хотя в голове уже прикидывал, кого из нас бабка Софья схватит. Арбуз был толстый, неповоротливый, но у него кочерга. Я мог вылезти из любой дырки, мог за десять минут сбегать до магазина и обратно, но у Арбуза-то кочерга. Сидеть в доме было нельзя, я как будто чувствовал, что колдовские рисунки смотрят на нас из темноты. А вместе с ними смотрит кое-кто еще.

Мы хотели выждать момент, когда зашуршит и заскребет в другой части дома, но ведьма затаилась. Договорились выбежать на счет три. Дернули дверь, припустили вперед... и тут же наткнулись на бабку Софью. Она

поднялась с земли возле крыльца, перемазанная и жуткая. Я махнул через перекладину над ступеньками, но зацепился за нее и так вывернул ногу, что боль прошла от пальцев до самого копчика. Рухнул в кусты и застонал. А потом увидел, как Арбуз, пытаясь протиснуться между перилами и ведьмой, умудрился врезаться и туда, и сюда. Бабка Софья вскрикнула, теряя равновесие. Из ее рук выпала банка, раскололась о доски, и ноги Арбуза окатила темная жижа. Кочерга свалилась в траву, бабка — следом за ней. Арбуз подбежал ко мне, помог подняться, и мы дали деру куда глаза глядят.

Но далеко уйти не получилось. Ступня болела и как будто сделалась на пару размеров больше. Мы еле доковыляли до забора дядь Славы. Я оперся на него, чтоб отдышаться, и увидел знаки. Увидел их и Арбуз.

— Чего это? — спрашивает.

Я сполз на траву и стал тереть ногу. Сперва было очень больно, потом просто покалывало, а теперь ниже голени начало неметь.

— Чего-чего, — говорю, — отметины колдовские! Вот почему деревня пропадает! Юрец же говорил! Из-за этой все!

«Эта» не показывалась — растворилась в темноте у штаб-квартиры. Арбуз глянул вглубь деревни. Здесь жилых домов было мало. Какие-то на треть провалились в землю, какие-то ссохлись и впустили в себя растения. Можжевельник, папоротник, дикие розы оплетали брошенные избы со всех сторон. А впереди над домами поднимался огромный столб черного дыма.

Арбуз всхлипнул.

— Мама...

Дым напоминал колдовской смерч. Казалось, сейчас он сорвется с места и проглотит нас со всей деревней. Вокруг него бесновались вороны — они каркали, налетали друг на друга и бросались прямо в черное марево, будто пытаются оторвать от него кусочек.

Арбуз застучал по забору, стал звать дядь Славу, но замолк, оказавшись у калитки. Лампа гудела, высвечивая заляпанные ноги, пятна на пальцах, знаки на досках...

— М-мих, это что, кровь?

В темноте у дома Юрца шевельнулось, закричало.

— Надо двигать, — говорю. — Быстро!

Двигать оставалось только в одном направлении — к дачному поселку. Не в глухой же лес подаваться, не говоря уже о дымящем участке старой ведьмы. Арбуз помог мне встать, я обнял его за шею и запрыгал на одной ноге.

Мы ковыляли по узкой тропе сквозь ивняк у реки, а за нами следом трещали ветки. Бормотание и шамканье могло б нас подгонять, если б у Арбуза не кончались силы, а я все больше на него не наваливался. Ведьма догоняла.

У старого лодочного причала стало ясно, что дальше я не ходок. По крайней мере, без отдыха. Одна нога как будто потерялась по дороге, как будто и не было ее вообще, а вторая болела так, словно я месяц не снимал батин кирзовый сапог.

— Все, хана, — говорю. — Дальше если только по воде.

Травы на берегу было по колено, на склоне лежали останки сгоревшей лодки. Сколоченный из старых досок настил уходил в воду и пропадал в тине.

Вокруг плавали кувшинки, в лицо и глаза лез гнус. Арбуз посмотрел в холодную черноту под ногами и поморщился. Он тяжело дышал, держался за бок и явно не хотел открывать купальный сезон.

— Ты б дальше двигал, — говорю, — я сам как-нибудь.

— Один я не могу. Погоди... — Он глянул в сторону зарослей у болотной заводи, подпрыгнул и сорвался с места. — Сейчас!

Я улыбнулся, потому что тоже вспомнил. Прошлым летом мелкие в индейцев играли и где-то здесь бросили свое корыто. Лишь бы никто не упер.

Из кустов взлетела выпь с лягушкой в клюве. Арбуз вскрикнул, что тот индеец, и чуть не упал. Но вскоре запыхтел, волоча по земле маленькую лодчонку. Каноэ не каноэ, дырявая или нет, но хотя бы дно на месте.

В этот момент из ивняка вышла бабка Софья.

Мы кое-как сбросили лодку на воду и угнездились внутри. Вообще говоря, это было натуральное корыто, которое дядя Олег, батя одного из «индейцев», приспособил под игры в лягушатнике. Я отломал от настила доску и оттолкнулся. Лодку подхватила Усвьяча, по дну тонкой струйкой поползла вода.

Бабка Софья стояла на берегу и смотрела на нас. Потом медленно опустилась на колени, подобрала прутик и стала выводить на земле свои каракули. Мы старались двигаться аккуратно, чтоб сразу на дно не пойти. Я подгребал к основному течению, а Арбуз вычерпывал воду.

Бабка Софья резко выпрямилась, насколько могла быть прямой горбатая карга. Мы отдалились от нее метров на тридцать, когда из Усвьячи поднялись рога. Арбуз охнул и дернулся, едва не перевернув лодку. Меня скрутило холодом, но не из-за ледяной воды, которая пробивалась к нам снизу. На берег выходил огромный человек-козел. Мохнатый, что твой полушубок, рога — с полметра каждый. Он выбрался уже по пояс, а потом вдруг обернулся к нам.

— Мама! — простонал Арбуз.

Черт — а как его еще назвать? — двинулся обратно. Громадные рога рассекали воду, пока не исчезли на глубине. Берег тоже был пуст. Бабка Софья схоронилась в темноте. Усвьяча потянула нас вниз по течению, по прочерченной луной дорожке.

Мы проплыли всего ничего, но уже продрогли насквозь. Прямо под нами текла черная вода, то и дело окатывая борта лодки волнами. Просачиваясь сквозь дно, хватая за ноги. Руки посинели, пальцы долбились друг об дружку. Арбуз стучал зубами и говорил как заика из моего класса. Вычерпывать воду становилось все труднее.

Столб черного дыма, вороны и колдовские знаки — все это оставалось позади. Но теперь меня волновало кое-что другое. Кое-что рогатое и косматое.

— М-мих, а Мих...

— А?

— Она, п-получается, выз-звала этого?

— Получается.

На такой конструкции далеко мы б не уплыли. Сколочена она была крепко, но наш вес для нее казался перебором. Да и вода все прибывала. Нужно было грести к берегу и надеяться, что бабка Софья не пошла следом.

— Мих. Это... д-дьявол? Я смотрел ф-фильм один...

— Достал ты со своими фильмами! Я что, в этой чертовщине должен разбираться?!

— Н-не знаю. Ты ж местный. Слыш-шишь, что народ говорит.

Луна спряталась. Тучи вспыхивали по очереди, но дождь сквозь них пока не просачивался. Нас прибывало к камышовому берегу, наверху сквозь черноту выплывало пепелище старой школы.

— Дед Макар чертей каждый вечер видит, у него спроси. Он тебя и познакомит заодно.

Руки отваливались. Я передал Арбузу доску, которая у нас была вместо весла. Лодка уже ползла через трясину, выбравшись из течения. У бортов всплывала трава, бегали водомерки. Рядом плескалась рыба. Можно было б попробовать доплыть до другого берега, но с щелями в днище мы б скорей ушли под воду посередине Усвячи и утопи в ледяной воде. Ну и поселок-то с бабкой Арбуза на этом берегу, на ведьмовском...

Рога поднялись справа по борту. Арбуз заорал, вскочил и повалился в воду. Ну, а я просто застыл. Точно в ледышку превратился. Это как сидишь зимой в уличном туалете, тужишься над ямой, мерзнешь, а оттуда вдруг ветром в самое ого-го дунет. Вот такое же чувство. Страх уже не было, вышел весь.

Арбуз захлебывался, лупил руками по воде, звал меня, а я смотрел за тем, как рога болтаются на волнах. Никакие черти за нами не увязались, просто мы проплыли по ковру из речной зелени и оттуда вылезли поломанные ветки.

— Нормально все, Арбуз! Не кри...

Бабка Софья вынырнула из камышей, подцепила Арбуза и потянула в прибрежные заросли. Шмыг — и нет его, только круги на воде и кроссовок один. Я сиганул в воду и взвыл от холода. Ноги не слушались, меня затягивало в ил. Рядом на волнах болталась доска. Я подобрал ее, воткнул в ил, как опору и выбрался на берег. Думать времени не оставалось. Увидел ведьму над другом, увидел скрюченные пальцы на шее и груди, услышал вопли Арбуза — и махнул доской со всей силы. В стороны разлетелись щепки. Бабка Софья охнула, схватилась за голову и повернулась ко мне. Поднялась, забормотала. Я махнул доской еще раз, потом еще и еще, пока не хрустнуло. Ведьма оступилась, ее зашатало. Она пыталась что-то сказать, во рту надувались пузыри. Глаза на грязном лице казались мертвыми, слепыми. Она шагнула вниз по берегу, мимо меня, протягивая руку к воде. Вздогнула всем телом последний раз и рухнула в реку.

Арбуз откашлялся, отплевался и встал рядом. Мы смотрели на тело ведьмы, которое утаскивала Усвяча. Река принимала ее в себя, чтоб пережевать и выплюнуть далеко-далеко, ниже по течению. Провожали ведьму склонившие головы ивы да камыши. Над водой, словно похоронное эхо, множились крики ночных птиц. Небо вновь сверкнуло, и в реку ударили первые капли. Бабку Софью

забрала черная вода, и на поверхности Усвячи осталась болтаться только крохотная полузатопленная лодка.

Мы шагали по поляне у сгоревшей школы. После Усвячи дождь казался нагретой на печи водой. Я хромал вперед, опираясь на доску — настоящую палку-выручалку, как в том мультфильме — и все время оборачиваясь к реке.

— Мих, а Мих.

— Чего тебе?

— Прикинь. Мы правда убили ведьму. Юрец обалдеет.

— Да не то слово.

Я не хотел пугать Арбуза, но в камышах мне померещился рогатый. Он не двигался, просто смотрел нам вслед. Когда я повернул голову опять, его уже не было.

— Наверное, теперь все ее заклинания не работают, да? Ну, знаки эти, с кровью.

Молния подсветила здание школы, и в окне второго этажа появилась рогатая тень. Я зажмурил глаза так сильно, как мог. Пытался выкинуть из памяти все, что сегодня случилось. Ведьму, страшилки от Юрца, черта из воды, убийство... Следующая вспышка высветила уже пустое окно. Потому что рогатый стоял в дверях первого этажа.

— Мих.

Я обернулся к Арбузу. Рогатый рос над ним мохнатой тушей и длинными пальцами гладил по волосам. По лицу Арбуза текли слезы.

— Мих.

Козлиная голова наклонилась, из пасти вывалился язык и лизнул Арбузу лицо. Я перестал дышать. Рогатый шагнул ко мне, оставляя в дорожной колее следы копыт. На небе вновь вспыхнуло, но на этот раз погасло не все. Полоска горизонта будто нагрелась, накалилась. Где-то там, за лесной чащей, поднялся солнечный диск. Запели петухи. Я моргнул, и рогатый исчез.

Я упал в грязь, отбросил доску и разревелся, как девчонка. Одна ночь, прошла всего лишь одна ночь. А для меня считай что лет десять.

— Мих.

Арбуз поднял доску. С одного края у нее торчал гвоздь. Арбуз ткнул в него пальцем, на землю капнула кровь.

— Ты прости, Мих, — говорит. — Он из меня все забрал. Слизнул. Я пустой теперь.

Он поднес гвоздь к горлу, с силой надавил и вытащил. Брызнуло, потекло по шее, по футболке.

— Арбуз!

Я бросился к нему, попробовал отнять доску, но получил такой удар, что рухнул назад в грязь. Арбуз глядел прямо перед собой. Туда, где темноту вокруг заброшенных изб еще не прогнал рассвет. Где стучали о землю копыта, где когти скребли стекло, где рога царапали гнилые доски. Арбуз всматривался во мрак и видел свою смерть.

— Не надо...

Но Арбуз не послушал. Он превратил свою шею в решето и умер. А я просто сидел рядом с телом лучшего друга, испачканный в его крови. Дрожал, всхлипывал и молился, чтобы солнце скорее залило каждый уголок этой проклятой деревни.

Через час или два я ковылал по разбитой асфальтированной дороге, которая уходила из Церквище. Шагал вперед и надеялся, что меня кто-нибудь

заметит, подберет. Батя со смены, Юрец, мужик на продуктовом грузовике — кто угодно. Лишь бы выбраться из этого кошмара.

Утренний туман плыл по земле, укутывая основания столбов вдоль дороги. На их верхушках в гнездах ворочались аисты. Просыпались лесные обитатели.

Мотоцикл я узнал сразу. «Яву» Юрец прислонил к старому колодцу у дороги, а сам встал посреди развалин дома, от которого сохранилась только печь. Он смотрел в лес.

— Високосный год, понял, да?!

Я сошел с дороги и двинулся к нему.

— Ламес! Праздник урожая!

Я поравнялся с ним и наконец увидел его лицо. Юрец плакал.

— Каждый високосный год. Ламес. Вот когда нечистым раздолье.

Юрец говорил, не поворачивая ко мне головы. Он смотрел в чашу, где в темноте кто-то большой пробирался через листву.

— У студенточки сиськи все-таки лучше, чем у Арбуза. Мы с ней поиграли немного, понял, да? Она тоже Церковище знает. Показала мне статьи в компьютере. В високосный год всегда смерти, понял, да? С Ламеса начинаются, тринадцать дней.

Юрец повернулся и сунул мне шлем.

— Зачем? — спрашиваю.

Юрец покачал головой. Моргнул. У него были совершенно пустые глаза.

— Не надо было шлем снимать, — говорит. — Как бы он тогда лизнул? Может, не забрал бы все, понял, да?

Юрец доковылял до колодца, сел на мотоцикл и оглянулся к дороге. Вдалеке, за пригорком шумела машина.

— Смотри, как умею, — говорит.

Заурчала «Ява». Юрец выкатился на дорогу, отъехал подальше и развернулся.

— Понял, да?!

Он погнал «Яву» вперед и на полной скорости влетел в дерево. Мотоцикл смяло как консервную банку, а голову Юрца вывернуло в обратную сторону. В чаще все стихло. Я так и стоял с его шлемом в руках, когда рядом затормозила машина и все закончилось...

...Я правда думал, что все закончилось. Потому что ничего не знал. Прошло четыре года, а я помню все до детальки. Хотел бы забыть, но никак. После той ночи бату моего нашли в петле там же, где повесилась мама. Тогда в Церковище много кого нашли, в газетах писали о двух сотнях. Кто на косу упал, кто дом по пьяни спалил, кого собаки загрызли. И все из-за меня.

После интерната я вернулся. Теперь это мертвая деревня, жилых домов наберется десятка полтора, да и те используют только как летние дачи. Я занял нашу старую штаб-квартиру. Юрец бы не возражал, да и Арбуз тоже. Ради них, ради родителей, ради всех мертвых и всех, кто еще живет в ближайших деревнях, я и приехал. Потому что пришел очередной високосный год, праздник урожая. Ламес. И вода в Усвяче такая же ледяная, как и четыре года назад.

В доме бабки Софьи я нашел книги и дневники, по ним и готовился. Из них узнал, что рогатые выходят из проклятых водоемов по всему миру, и везде

есть те, кто их сдерживает.

В высокосные годы после Ламеса в Церковище умирало по пять-семь человек, а рогатому семь душ за весь цикл — только аппетит нагулять. Но четыре года назад он попиrowал знатно.

У меня все было готово. В комнате среди берегов стояла и фотография бабушки Софьи. Той, которая рисовала на домах защитные символы, спасала тонущего Арбуза из воды, в одиночку держала рогатого в Усвяче, но не смогла довести ритуал до конца, потому что я убил ее.

Солнце закатилось за ельник, Церковище накрыла темнота. Шорохи сделались громче. Голосила ночная живность, хлопали крылья. Все, как тогда. Но теперь будет по-другому.

Я умылся кровью черной курицы, запалил костры, взял все необходимое и отправился к реке. Вокруг стрекотали насекомые, квакали лягушки. Полная луна светила мне в спину.

Я шел встречать нечистого.

ВИКТОР ГЛЕБОВ

«Как-то на просторах Интернета попался социальный ролик в защиту прав животных. В нем посетители бутика рассматривали кожаные изделия... А я вспомнил рассказ старой знакомой, дизайнера одежды, о том, как выращивают крокодилов на фермах, чтобы потом сделать из них сумки, чемоданы и портмоне. Потом в голову пришли кадры из фильмов Кроненберга. Возникшие ассоциации соединились в хоррор-сюжете».

София ненавидела веганов. Даже больше, чем борцов за права животных. Последних, по крайней мере, она могла понять: люди, конечно, в состоянии обходиться одеждой из искусственной кожи или тканей. Но еда, в том числе мясо, необходима для человеческого организма — в этом она была убеждена, и никакие доводы Максима, что можно подобрать заменители животного белка, на неё не действовали. Когда он заказывал в ресторане или приносил домой творог и «траву», как называла София овощи, фрукты и зелёный салат, её буквально перекашивало. Она пыталась делать вид, что нормально к этому относится, но стоило ему, скривившись, поглядеть на отбивные, которые она поглощала, как вся её терпимость улетучивалась и хотелось сказать что-нибудь этакое. В общем, совместные трапезы были не тем времяпрепровождением, которое она предпочитала. Возможно, это и было первым «звоночком» того, что они не подходят друг другу. Вторым стало то, что Максим подался в защитники прав животных. Наверное, это было для него логичным шагом: от вегетарианства к борьбе против жестокого обращения с «братьями нашими меньшими». Хотя почему меньшими? Такое снисходительное словцо в устах Максима звучало странно, однако сам он этого не замечал.

В любом случае, всё это больше Софии не касалось. Она порвала с этим занудой и ничуть об этом не жалела. Тем более что жалеть было попросту некогда: через день она вылетала в Бангкок на модный показ новой коллекции Сомбуна Сакды.

Этот молодой, но уже известный дизайнер представлял вниманию публики одежду из кожи экзотических животных — в основном, аллигаторов, кайманов, крокодилов, ящериц и жаб. Готовясь к этому мероприятию, София, наконец, узнала, чем отличается крокодил от аллигатора. Теперь зубы, форма головы и фактура кожи были для неё такими же опознавательными знаками, как разметка на дороге или буквы на бумаге. Она чувствовала себя почти экспертом, и ей это нравилось.

Софию наняли в качестве режиссёра подиума. Она отвечала за дефиле, и в её распоряжении отдали двадцать моделей, которых нужно было организовать, научить ходить и показывать одежду так, как этого хотел Сомбун Сакда. София пока не видела ни самого дизайнера, ни

моделей, а времени на подготовку в Бангкоке оставалось немного, поэтому она волновалась. Но это волнение было, скорее, приятным и больше походило на предвкушение.

— О чём задумалась? — спросила Наташа, заметив, что подруга задумалась и перестала слушать её болтовню.

София подняла глаза на коротко стриженую блондинку с агрессивным макияжем и пирсингом в обеих губах. Наташа работала визажистом и была убеждена, что «творческий человек» должен выглядеть именно так. «Неформальность — мой бог!» — любила повторять она, потягивая мартини с водкой из V-образного бокала на каком-нибудь съезде рекламщиков.

Наташа тоже ехала в Бангкок. Они с Софией часто работали вместе. Вот и теперь ей предстояло придать моделям «хищный» и «дикий» вид, как было указано в информационном письме от Сомбуна Сакды.

— Давай по делу! — сказала София. — Надо обсудить макияж. Какие есть варианты?

Наташа кивнула и достала из пластиковой папки несколько фотографий.

— Вот я тут прикинула пару вариантов, — сказала она, протягивая их через стол. — Взгляни. Что касается цветовой гаммы, можно сочетать с цветами одежды или поиграть с контрастами. Как ты считаешь?

Разговор перетёк в деловое русло. Ещё дважды заказывали кофе, а потом, собрав все материалы, отправились в офис. Следовало прибыть в Бангкок в полной боевой готовности, чтобы уже ничего особенно не решать, а просто делать. Так сказать, с корабля на бал. Вернее, с самолёта — на подиум.

Бангкок Софии понравился, хотя город она видела только по дороге из аэропорта, из окон такси. Наслаждаться достопримечательностями было некогда.

С Сомбуном встретились после обеда — девушка успела заселиться в гостиницу, перекусить и посмотреть зал, где будет проходить дефиле. С моделями не познакомилась: их собирались привезти около четырёх.

Дизайнер оказался невысоким, худощавым тайцем лет тридцати. Точнее определить возраст по его гладкому восточному лицу не удалось. Коротко стрижен, чисто выбрит, и от него слегка пахло крепким мужским парфюмом. Одетый в джинсы и футболку с абстрактным принтом Сомбун производил впечатление человека, который делает моду только для других, сам же предпочитает удобство и непритязательность. Только часы в его облике привлекали внимание — большие, с несколькими циферблатами и отливающим синевой стеклом, на армейском брезентовом ремешке. Они сразу бросались в глаза.

— Я хочу, чтобы на подиуме была животная страсть, — говорил Сомбун по-английски с характерным акцентом. Он произносил слова медленно, так что София легко его понимала. — Но не похоть! Это важно. Страсть должна быть на уровне инстинкта, причём охотничьего. Этакий вечный голод. Вы читали сказки Фрэнка Баума? — спросил он вдруг, уставившись на Софию тёмными миндалевидными глазами. Взгляд у него был пристальный, что особенно подчёркивалось ещё манерой Сомбуна крайне редко моргать.

Девушка призналась, что с творчеством Баума не знакома.

— Там был такой персонаж, — сказал таец, — Вечно Голодный Тигр. Он постоянно хотел есть, но не ел, потому что знал: ничто не насытит его. Вот я хочу видеть на подиуме что-то в этом роде: неутолимый вечный голод, поиск добычи, азарт преследования! Все животные, из чьей кожи пошита моя одежда, были при жизни хищниками. И модели должны буквально превратиться в них. Сможете так сделать?

— Постараемся, — ответила София. Она делала пометки в блокноте и, кажется, действительно понимала, чего хочет Сомбун. Примерно так она и сама видела этот показ.

— Постарайтесь, — сказал таец спокойно. — Я на вас рассчитываю.

— Конечно, — кивнула девушка. — Нужно обсудить макияж. Это моя коллега, она визажист. У вас есть свои идеи, или мы можем предложить...

— Я посмотрю, что у вас есть, — Сомбун подался вперёд, чтобы изучить то, что ему намеревались показать. — Но вообще я бы не хотел делать ничего особенно бросающего. Одежда и так достаточно яркая, не стоит рассеивать или перетягивать внимание с неё на лица моделей.

Переговоры длились недолго. Казалось, дизайнер вполне доверял тем, кого нанял, и не собирался вмешиваться в каждый этап подготовки. Это радовало, хотя одновременно заставляло и волноваться: а вдруг потом окажется, что Сомбун ожидал совсем иного? Но София была уверена, что они поняли друг друга, и всё пройдёт на ура. В конце концов, если модельер не контролировал какие-то моменты, значит, они не имели для него решающего значения. Главное — уловить концепцию, осознать, чего он хочет от дефиле в целом. И уложить детали в эту парадигму.

София встретилась с моделями в арендованном для показа зале. Это были двадцать девушек совершенно разного типа — азиатки, чернокожие, европейки и так далее. Сомбун отобрал их сам и, похоже, руководствовался при этом только одним критерием: лишь бы черты лица не повторялись. Что ж, это позволит Наташе попробовать больше мейков, решила София, разглядывая девушек и их портфолио, где они представляли в разных образах.

— Вы когда-нибудь работали с Сомбуном Сакдой? — спросила она моделей прежде, чем начать распределять одежду между ними.

Оказалось, что все девушки были приглашены на дефиле тайца впервые. До этого они работали, в основном, в азиатских странах, но Сакда нашёл их теперь через три разных агентства.

— Как вы думаете, почему выбрали именно вас? — спросила София. У неё было предположение, но она хотела услышать мнение девушек.

— Насчёт остальных не знаю, а я трижды участвовала в показах одежды из кожи, — сказала чернокожая девушка с коротко стриженными волосами.

— Я тоже, — подхватила другая.

Через минуту выяснилось, что все модели хотя бы дважды либо носили на подиуме, либо рекламировали кожаную одежду, сумки или аксессуары. Видимо, для Сакды этот критерий был таким же важным, как и разнообразие внешностей. Хотя это как раз могло оказаться совпадением.

— Ладно, давайте распределим вещи, — сказала София, делая знак помощникам, которые дожидались возле столов с куртками, штанами, платьями,

пальто и пиджаками — все это сверкало, блестело и переливалось чешуёй всевозможных фактур. — Вас двадцать, а предметов одежды пятьдесят. Значит, всем достанется по два, а некоторым — по три.

Девушки подходили и брали то, что им давали, не споря. Это было хорошо, потому что являлось признаком профессионализма.

— Мы посмотрим, как вещи будут на вас смотреться, а потом окончательно решим, кто что будет показывать, — сказала София, когда одежда была распределена. — Пока что наденьте по одной вещи, и начнём.

Работали до вечера. Подобрать подходящую вещь не так просто, как может показаться. София была вполне удовлетворена тем, как прошёл первый день.

— Завтра я начну подбирать им мейк, — сказала Наташа, когда девушки ушли. — У меня уже есть кое-какие задумки. Шмотки, кстати, потрясающие, согласна?

— Не стану спорить. Вещи шикарные.

— Я бы заимела парочку. Плащ из крокодила точно. Только мне не по карману, — вздохнула Наташа, доставая пачку тонких сигарет. — А мне бы пошло, как думаешь?

— Было бы потрясно, — искренне сказала София, собирая записи, которые делала по ходу подборки вещей. — Я бы тоже кое-что приобрела, но... Представляю, сколько всё это стоит!

Одна куртка из кожи игуаны особенно запала Софии в душу. Она была уверена, что ей бы пошло, но даже примерять не стала, чтобы не мучать себя искушением. Впрочем, если Сомбуну понравится дефиле, возможно, он сделает ей скидку?

— Даже удивительно, что человек, который никогда раньше не шил из натуральной кожи, создал такую великолепную коллекцию из непривычного для себя материала, — заметила Наташа, закуривая. — Я читала, что его вообще все считали чуть ли не «зелёным».

София вспомнила, что, изучая предыдущие показы тайца, действительно не видела ни одной вещи из натуральной кожи — только из синтетики или натуральных тканей.

— Ну, талант на то и талант, — пожала она плечами.

— Это да, — согласилась, выпуская через ноздри дым, Наташа. — А сам он кожу не носит.

— Я заметила. Может, просто не надел сегодня.

— Посмотрим. Но уверена, что мы его в коже не увидим.

— Ладно, пошли в отель. Надо поужинать и выспаться. Завтра рано вставать.

— Можно, я хотя бы докурю?! Я и так держалась несколько часов.

— Подожду тебя в машине. Не выношу этот запах...

Наташа криво усмехнулась:

— Хорошо, неженка. Вали!

Первый прогон состоялся через два дня. Приехал Сомбун Сакда на чёрном «Мерседесе» в сопровождении дюжего охранника и какой-то девицы европейской наружности, затянутой в сверкающую синтетику. Любовница?

Коллега? Подчинённая? Блондинка не проронила за всю встречу ни слова, но следила за дефиле очень внимательно и, кажется, даже сделала несколько пометок в телефоне. Сакда советов и мнения у неё не спрашивал, сидел, глядя на подиум через большие матовые очки и лишь иногда менял позу. Наконец, когда модели закончили выступление, повернул голову к Софии.

— Мне нравится, — сказал он кратко. — Макияж тоже хорош. Однако не хватает кое-чего.

София ждала этой фразы. Она просмотрела все предыдущие показы Сомбуна и знала, что в конце каждого происходит какая-нибудь неожиданная, эпатажирующая публику сцена. У неё было несколько на примете, и две даже отрепетировали, но она не хотела выкладывать все сразу. И весьма кстати. У дизайнера оказалась собственная идея, как закончить дефиле.

— Нужно, чтобы в финале, — сказал он, вставая, — из числа зрителей выскочило несколько человек, забрались на подиум и сорвали с моделей одежду. Разумеется, мы наймём актёров, для которых не составит труда справиться с подобным перформансом.

— Это вроде как зрители не удержались и, не дожидаясь, пока вещи поступят в продажу, решили ими завладеть? — спросила София.

— Вроде как, — слегка улыбнувшись, ответил Сомбун.

— А под кожаными вещами на девушках будет что-нибудь надето?

— Разумеется. У нас не эротическое шоу. Обойдёмся без стриптиза.

— Хорошо, я поняла. Значит, когда все модели выйдут на подиум, с них сорвут одежду?

— Именно.

— Со всех?

— До единой.

На том встреча и закончилась. Осталось только отработать дефиле и добавить сцену, о которой сказал Сомбун. На следующий день блондинка привезла в микроавтобусе нескольких крепких девиц, по виду напоминавших завсегдатаев фитнес-клубов, и заявила, что они будут изображать экзальтированных зрительниц. На актрис они походили мало, но София решила, что уж сорвать шмотки они сумеют, а чтобы пронзительно при этом верещать — вживаться в образ по Станиславскому тоже не обязательно.

Номер был добавлен и отрепетирован. Девушки действовали сначала неуверенно, однако быстро освоились и стаскивали с моделей куртки, платья, пальто и юбки с большой сноровкой. А главное — они научились делать это быстро: финал должен был стать мгновенной шокирующей вставкой, а не затянутым бардаком на подиуме. Чтобы зрители сразу поняли, что это часть выступления, а не грубое вмешательство в шоу. На этом София настаивала и была уверена, что Сомбун ожидает того же самого.

— Он даже не взглянул толком на макияж, — в который раз пожаловалась Наташа, которая считала, что, если её работу не покритиковали, значит, не обратили на неё внимания. — Ни слова не сказал!

— Я думаю, ты просто прекрасно справилась с задачей, — терпеливо повторила уже в третий раз София. — Как и всегда.

— Не может быть, чтобы заказчика устроило абсолютно всё! — убеждённо

возразила визажистка. — Если бы он внимательно посмотрел, если бы для него это было важно... — Она махнула рукой. — Некоторые не придают мейку особенного значения, а были случаи, когда...

София не слушала. Она давно привыкла к всевозможным проявлениям неэтичности людей, готовящих нечто, как им кажется, грандиозное. И привычки своей подруги изучила давно.

Она думала об акции местных «зелёных», развернувшейся в Интернете. Об этом ей рассказала Наташа, а той — кто-то из моделей. Собирали подписи к петиции, требующей отмены проведения дефиле. Конечно, на показ это никак не повлияет, однако порождает... беспокойство. Да, именно это слово подходит лучше всего. Беспокойство.

Защитники прав животных призывали людей, принимающих участие в организации дефиле, бойкотировать его. Некоторые даже получили по электронной почте письма с призывами, но София не заметила, чтобы кто-то уволился или не вышел на работу. Сама она, конечно, подобных посланий на своём ящике не обнаружила: в Таиланде её e-mail не был никому известен.

А если бы она и получила призыв отказаться от подготовки шоу Сомбун Сакды, неужели это заставило бы её подвести клиента? Как «зелёные» всерьёз могут рассчитывать, что их пропаганда повлияет на людей? Да, животных жалко, но один человек или десять, или даже сто, ничего не могут изменить. В этом София была убеждена. Всё равно найдутся тысячи тех, кто готов платить за одежду из кожи, и пока так обстоят дела, крокодилам придётся умирать во имя моды.

И потом, от Софии не зависело, состоится ли показ. Дело-то решённое, она — всего лишь наёмный работник, который принимает участие в подготовке мероприятия. Главный же — Сомбун Сакда. За ним последнее слово.

Да и что она могла бы сделать, даже если бы решила пойти на поводу у «зелёных»? Поговорить с тайцем? Но очевидно, что он не отменит столь важное событие, на которое потрачена куча денег, а вот на Софию наверняка посмотрит как на паникёршу. Для сферы, где она работает, это равносильно приговору. Кому нужен подиумный режиссёр, если он боится скандала? Такого ни Сомбун Сакда, ни мир моды в целом не простят! Человек на её должности обязан источать уверенность даже когда её и близко нет!

При мысли, что она может остаться без работы, что многие двери, открытые для неё сейчас, закроются, София невольно содрогнулась. Она слишком долго шла к тому положению, которое занимала сейчас, чтобы рисковать! Конечно, она позаботится о надёжной охране: вдруг «зелёные» не ограничатся петицией и рассылкой писем, а решат устроить прямо на показе какую-нибудь публичную акцию вроде обливания моделей краской?

Но руководит ею вовсе не страх, а благоразумие.

Накануне дня показа Сомбун пожаловал на последнюю репетицию. Он по-прежнему был небрежен в одежде, и его снова сопровождала блондинка. Только теперь, внимательно рассмотрев её, София поняла, что та совсем недавно делала пластические операции: кое-где виднелись едва заметные шрамы. Возникла даже мысль: женщина ли это или леди-бой? Правда, выступающего

кадыка София не увидела, да и плечи, вроде, были у девушки достаточно узкие.

Зато стало ясно, кто эта блондинка. Фотограф! В этот раз у нее была с собой профессиональная камера, и расположилась девица у конца подиума — там, где модели останавливаются, принимая статичную позу, чтобы дать возможность репортерам сделать снимок.

Девушки ходили по подиуму, за сценой мгновенно переодевались, музыка была подобрана и утверждена. Всё шло идеально. Впереди был ещё один выход и затем — финальная сцена.

— Почему вы решили создать коллекцию из кожи? — спросила София Сомбуна. Они сидели рядом, справа от сцены. — Говорят, вас считали раньше противником... использования продуктов животного происхождения? — Она выразилась, насколько могла, деликатно.

— Я никогда не заявлял ничего подобного, — ответил Сомбун, повернувшись к Софии. — Ни в интервью, ни на показах.

— Знаю, но слухи, знаете ли...

— Да, они имеют привычку рождаться и расползаться.

Повисла пауза, и София уже решила было, что разговор окончен, когда таец сам обратился к ней:

— Вам нравится кожа?

— Да, пожалуй.

— Чем?

София задумалась, но ненадолго.

— Ну... её запах, тактильное ощущение, внешний вид... Даже скрип — во всём этом что-то есть, — сказала она.

Сомбун кивнул, словно ждал ответа в таком роде.

— А больше ничего? Только то, что характеризует кожу как готовый продукт?

— Что вы имеете в виду?

— Ведь это не ткань. Это часть живого существа, причём важно, какого именно. У каждого зверя, с которого сняли кожу, есть мифология. Например, если человек выбирает укороченную куртку из крокодила, он делает это не просто так. Он как бы сообщает окружающим: я опасен и богат, у меня есть мотоцикл, и я обожаю ощущение адреналина в крови! Это хищник, и всем становится понятно, почему он носит одежду из крокодила.

— Да, вы правы, — София слегка улыбнулась. — Но ведь кожа любого хищника послужит подобным сигналом.

— Всё нет, — возразил Сомбун. Он сидел вполоборота, глядя на сцену, но обращаясь при этом к девушке. — Кожа буйвола с грубой фактурой скажет нам, что человек, который её носит — агрессивен, упрям и привык добиваться своего. Он предпочитает элегантности брутальность, а интригам — прямоту.

— Я кожа ящерицы?

— Утончённый вкус.

— И наличие крупной суммы на банковской карте, — пошутила София.

— Безусловно, — серьёзно кивнул в ответ таец. — Но не обязательно иметь деньги, чтобы обладать подобной вещью, — добавил он через несколько секунд. — Иногда она может достаться даром.

— В качестве подарка, — отозвалась София. — Конечно, богатые мужчины

вполне могут преподнести плащ из аллигатора своей...

— Нет, не любовнице, — перебил Сомбун. — Просто другу. Или тому, кто хорошо поработал и оправдал ожидания. Я люблю делать подарки на память тем, с кем работал, если между нами было взаимопонимание, и результат меня не разочаровал. Думаю, вам я тоже преподнесу сувенир, — на этот раз он повернул голову и взглянул на Софию.

— Мне? — этого девушка не ожидала.

— Выберите любую вещь из коллекции, и точно такая же подходящего размера станет вашей.

— Выбрать прямо сейчас? — брякнула София, растерявшись от радости.

Таец улыбнулся, продемонстрировав идеально ровные и белые зубы:

— Конечно. Не торопитесь, подумайте хорошенько.

К такому делу следовало подойти серьёзно. София усталилась на сцену, хотя прекрасно помнила все вещи, входившие в коллекцию. Она уже присмотрела себе несколько, но ведь выбрать можно только одну. Значит, надо не прогадать!

Вон та умопомрачительная мотоциклетная куртка из кожи аллигатора выглядит просто супер! Или плащ с вставками из кожи ската — сразу видно, что стоит кучу денег. Куртка из игуаны, запавшая ей в душу с самого начала, не стала за эти дни хуже. Впрочем, как и укороченный жакет из кожи питона.

София придирчиво разглядывала всё, что демонстрировали девушки, — словно её попросили оценить все, чтоб вручить главный приз.

В конце концов, как любила говорить мать, первая любовь самая верная. Прочь сомнения — решено!

— Куртка из кожи игуаны. Вот эта! — София указала на девушку, которая как раз возвращалась, проходя мимо них.

— Вы получите её завтра утром, — пообещал Сомбун. — И я прошу вас быть в ней на показе. Это будет... аутентично.

— Хорошо.

— Вот и договорились.

— Вы, наверное, тоже будете в коже? Интересно, какого животного?

Таец улыбнулся:

— Посмотрим. Я ещё ничего не решил.

Они посидели пару минут молча, затем Сомбун повернулся.

— Знаете, как снимают кожу с животных?

— Что? — удивилась София. Она не ожидала, что дизайнер поднимет эту тему.

— Откуда берётся материал для такой вот одежды? — Сомбун кивнул в сторону подиума.

— Примерно представляю, но в детали не вдавалась. Говорят, иногда кожу снимают с ещё живых крокодилов. Хотя не представляю, для чего это нужно.

— Наверное, иногда случается и такое.

— Но ведь кайманов, аллигаторов и крокодилов разводят на специальных фермах именно для того, чтобы получить кожу, — София старались говорить осторожно: мало ли как относится к этому Сомбун. Хотя, раз он создал такую коллекцию...

— Конечно, — легко согласился таец. Даже едва заметно улыбнулся в своей маловыразительной манере. — А вы хотели бы увидеть процесс снятия кожи

с живого существа?

— Не думаю. Вряд ли.

— Обратная сторона медали не всегда сверкает, да?

— Пожалуй.

Сомбун Сакда кивнул так, словно услышал то, что хотел.

— Мир моды жесток и не знает пощады, — сказал он.

София так и не поняла, к чему он затеял этот разговор, но была рада, что её ответы не вызвали у дизайнера неудовольствия. В конце концов, одно дело использовать натуральную кожу, а другое — излишняя и неоправданная жестокость по отношению к животным.

София решила лечь пораньше, чтобы выспаться к показу.

Она приняла ванну с морской солью и эфирными маслами, а потом вытянулась на кровати и приготовилась отправиться в царство Морфея.

София лежала на спине с закрытыми глазами, когда на улице раздался какой-то скрежещущий звук. Девушка прислушалась. Звук повторился — в этот раз чуть ближе к отелю. Было в нём что-то зловещее — София не могла понять, почему ей так подумалось, но по телу пробежали мурашки. Захотелось встать и подойти к окну, чтобы выяснить, что происходит. Но она сдержалась. В конце концов, ее это не касалось. Но звук повторился и, кажется, прямо под её окном. Номер находился на втором этаже, так что до земли совсем недалеко. София села на кровати, глядя на занавески. Затем встала и подошла. Осторожно отодвинула одну из штор, выглянула на улицу.

Перед отелем была небольшая асфальтированная площадка, по обе стороны которой стояли машины постояльцев. Дальше росли узловатые деревья с какими-то причудливыми мясистыми листьями. София понятия не имела, как они называются. Над крышами домов висела полная луна, окружённая чётко видимыми звёздами.

Что делалось под окнами, было не разглядеть. Для этого пришлось бы открыть окно и высунуться, а поступать так София не испытывала ни малейшего желания. Она подумала, что надо просто лечь спать, и плевать, что там снаружи скрежещет, однако в этот момент на площадке перед отелем показалось нечто тёмное и бесформенное. Сгусток мрака медленно продвигался от фасада в сторону дороги. По сравнению с припаркованными автомобилями он выглядел довольно большим — метра три в длину и два в ширину. Нечто ползло прочь, издавая скрежещущий звук — словно бы волокно по асфальту невидимую железяку.

София замерла, не в силах оторвать взгляд от удивительного явления. Что это вообще такое?! Ночное животное? Но как такой крупный зверь может разгуливать по городу?

Сгусток мрака вдруг остановился и приподнялся. И начал оборачиваться. София чётко осознала: он почувствовал её пристальный взгляд, и сейчас они встретятся глазами — если у этого существа они есть. Она хотела быстро задрнуть штору, но не могла пошевелиться.

Нечто повернулось, и София увидела лицо Сомбуна Сакды. Таец смотрел

на неё, словно проступая из зыбкого чёрного тумана. А может, он сам и был этим туманом. Во всяком случае, девушка ощущала присутствие тайца, и сгусток мрака больше не казался ни призрачным, ни зыбким — он обрёл плотность и даже форму.

Сомбун приоткрыл рот, обнажив два ряда белых зубов. Только теперь они были треугольными и длинными. Раздался громкий скрежет, и пасть разомкнулась. Из неё вылез толстый язык и заметался между острыми клыками. София почувствовала исходящий из желудка Сомбуна смрад, хотя окно оставалось плотно закрытым. В ушах у неё пульсировало, сердце колотилось в груди, как сумасшедшее. София вцепилась в занавеску и не сводила глаз с существа, которое глядело на неё снизу, задрав косматую голову. Чёрный туман теперь больше походил на длинную шерсть или даже мех. Косматая тварь с лицом Сажды и безумным взглядом спрятала язык, скрипнула зубами, и вдруг прыгнула прямо на окно второго этажа!..

Софию разбудил собственный крик. Тело покрылось испариной, хотя кондиционер в номере работал исправно — она видела, как светятся в темноте синие цифры табло, и воздух был прохладный.

Сон! Всего лишь сон. Обычный кошмар, и не более того. София заставила себя усмехнуться. Но каким реальным он ей показался! Просто удивительно. И откуда вдруг такой странный образ тайца, который ни разу не показался ей агрессивным?

Вспомнился недавний разговор с Наташей.

— Что ты знаешь о Сомбуне? — спросила как-то подруга во время обеденного перерыва, пока они сидели в уличном кафе, поглощая лапшу с густым коричневым соусом.

— То же, что и все, — ответила София. — А что?

— И всё-таки?

— Перспективный дизайнер одежды, любит эпатировать публику. Прежде никогда из кожи не шил.

— А почему?

— Почему не шил?

— Да.

— Его считали одно время «зелёным», но, видимо, напрасно. А в чём дело? Что ты пытаешься мне сказать?

Наташа пожала плечами.

— Здесь поговаривают, что его отец был колдуном. Он общался с фи.

— С кем?

— Так здесь называют духов.

— Кто тебе это рассказал?

— Девчонки.

Наташа имела в виду моделей.

— Некоторые из них довольно суеверны и даже слегка побаиваются Сомбуна.

— Господи, какая чушь! — фыркнула София. — Ну, во всяком случае, они не имеют с ним непосредственных дел, так что им не о чём беспокоиться. Надеюсь, ты не прониклась этими... суевериями.

— Нет, — ответила Наташа, не поднимая глаз. — Конечно, нет.

— А что именно наговорили тебе девчонки?
— Якобы Сомбун кое-чему научился у отца.
— Типа он обязан своей популярностью общению с духами? С этими... фи? Как-то напоминает легенду о Фаусте, тебе не кажется?

Наташа не улыбнулась. Может, не читала Гёте, а может, относилась к болтовне моделей серьёзней, чем хотела показать. Только вот с чего бы? Хотя Наталья всегда была склонна к фантазированию. Наверное, это свойственно творческим личностям.

— Не знаю, — ответила она, — но говорят, что один из его конкурентов умер страшной смертью. Его... Я не знаю деталей... Полиция квалифицировала произошедшее как несчастный случай, однако ни одно дикое животное не могло бы сделать с человеком такое. Я видела в Интернете фотки, и это просто ужас!

— Слушай, ты же понимаешь, что всё это полный бред? — серьёзно спросила София. — Просто сплетни, которые окружают популярную личность Сомбуна.

— Ясное дело, — кивнула Наташа. — Это я так... К слову, — она натянуто улыбнулась, — Надо же о чём-то болтать за обедом.

София решила больше эту тему не развивать. В конце концов, даже если бы она верила в колдовство и прочее мракобесие — чего нет и никогда не будет, само собой — с какой стати ей было бы беспокоиться на свой счёт? Сомбун доволен её работой, он даже подарил ей одну из своих замечательных, дорожных вещей!

Так София подумала тогда и вспомнила теперь, лёжа в темноте. Вот ведь чёрт! Из-за Наташкиной болтовни приснилась такая дрянь! Надо же, какие фокусы выкидывает подсознание: ты слушаешь что-то, чему не придаёшь значения, а мозг потом превращает это в кошмар.

Она легла на правый бок и закрыла глаза. Велела себе не вспоминать то, что увидела. Надо подумать о приятном и постараться скорее заснуть. Завтра ответственный день, так что она должна быть свежа и полна сил.

Показ начинался в три часа, сразу после обеда — в данном случае, после торжественного открытия с фуршетом. Шампанское было приготовлено на потом — несколько ящиков дожидались в холодильнике экспо-центра.

София за кулисами контролировала подготовку к дефиле. К счастью, ни одна модель не заболела, и не пришлось никого заменять в срочном порядке. Такие вещи всегда выводили Софию из себя. Наташа накладывала последние штрихи грима, диджей проверял аппаратуру.

Через полчаса начали собираться представители прессы и модных домов — для них отводились первые ряды. Явилась блондинка-фотограф с камерами и осветительными приборами.

Сомбун настоял на том, чтобы в показе не использовались цветовые контрасты. Он предпочитал белый. Подиум, задник, даже кресла — всё было белым. Лишь несколько чёрных полосок оттеняли их. Прожекторы тоже будут источать белый свет, придавая залу холодность, а моделям — мертвенность.

София представила, как таблоиды завтра напишут, что Сакда представил

зрителям метафору: художник наносит свой рисунок на чистый лист, только рисунок — это мода, а лист — подиум! Что ж... Должно быть, на то и расчёт.

Неподалёку толпились по-разному наряженные «актёры», которые готовились участвовать в финальном номере — срывании одежды. Им нужно было расположиться неподалёку от подиума, чтобы по сигналу, которым послужит смена музыкальных композиций, быстро оказаться рядом с моделями. «Актёров» распределял один из помощников Софии, выделенных организаторами дефиле.

— Кажется, это вам, — незнакомый таец со свёртком в руках окликнул Софию.

— Мне?

— Вы София?

— Да.

— От мистера Сакды, — посыльный протянул ей свёрток и слегка поклонился. Должно быть, обещанная куртка из игуаны!

— Спасибо!

София стащила целлофан и увидела полированную чешуйчатую кожу! Просто класс! Она тут же примерила вещь возле вертикального зеркала во весь рост, перед которым крутились модели. Куртка сидела, как влитая. София провела ладонями по коже, ощутив её причудливую фактуру. Потрясающе! Этот приятный бонус к гонорару сделал её день. Надо будет поблагодарить Сомбуна Сакду после показа.

Где он, кстати? София взглянула на часы. Осталось совсем мало времени. Зрители почти все собрались. Она выглянула в зал. Вот журналисты с бейджиками и камерами, вот критики, вот модельеры. Вот местный бомонд, так называемое селебрити Бангкока.

София перевела взгляд на Сомбуна. Тот стоял в стороне, напряжённый, полный ожидания и... предвкушения. Должно быть, он делал большую ставку на эту свою новую коллекцию. Всё должно пройти идеально — от этого зависит напрямую и её, Софии, собственная карьера: если «заметят» коллекцию, то и организатора дефиле вниманием не обойдут. Под ложечкой засосало приятно и волнительно. София на миг представила: Париж, Нью-Йорк, Милан... Как это было бы здорово! Совсем другая жизнь. Новый уровень!

Она одернула себя: дефиле должно вот-вот начаться, и модели осаждали её, уточняя последние детали, большую часть которых с ними оговорили уже сотни раз. София знала: девушкам это нужно для успокоения, и терпеливо отвечала на их вопросы.

Наконец, врубили музыку, и зал озарился софитами. Сомбун Сакда проскользнул за сцену, чтобы выйти в конце дефиле вместе с моделями. София видела, как он разговаривает с работниками сцены. Затем дизайнер подошёл к монитору, на котором было видно, как модели ходят по сцене. Он не обращал внимания на девушек, возвращавшихся за кулисы и переодевающихся — его взгляд был прикован к экрану. Софии показалось, что таец чего-то ждёт. А может, просто переживает? Сколько бы показов он ни провёл, волнение должно оставаться, ведь непредвиденные обстоятельства всегда могут возникнуть.

Каждый раз, когда девушка-модель подходила к краю подиума и останавливалась, приняв выигрышную позу, её тут же освещала белая вспышка фотографа.

София наблюдала за происходящим и на, и за сценой, постепенно проникаясь

ритмом, задаваемым диджеем. Всё вокруг пульсировало, содрогаясь в едином темпе, — словно в зале билось чьё-то огромное возбуждённое сердце!

Наконец, наступил момент, когда актёры, рассаженные среди зрителей, должны были выскочить на подиум и сорвать с моделей одежду. София видела, что некоторые из них уже поглядывают на часы. Сомбун подал знак диджею, тот кивнул.

Девушки, переодевшись в последний раз, собрались возле выхода. Сакда занял место позади них, он должен был замыкать шествие.

София дала отмашку, и модели со счастливыми улыбками двинулись на подиум. Таец вышел последним, и зал взорвался бурными аплодисментами. Зрители ликovali, некоторые даже встали. Всё вокруг осветилось вспышками фотоаппаратов.

В этот момент София почувствовала, что курка, подаренная Сомбуном, стала ей тесна. Она повела плечами, но легче не стало: вещь словно обтянула её со всех сторон. Неужели села? Но отчего? Задумываться об этом Софии было некогда — наступала кульминация шоу. Диджей, повинаясь заранее утверждённому плану, выждал десять секунд, позволив зрителям насладиться видом моделей и дизайнера, а фотографам сделать снимки, и сменил музыкальную композицию.

Тотчас актёры пришли в движение. Сорвавшись со своих мест, они полезли на подиум, издавая дикие вопли, — в какой-то миг Софии показалось, что она стала свидетельницей взятия приступом средневековой крепости!

Актёры принялись срывать одежду с девушек, и зал огласился воплями! Модели верещали, словно их резали, некоторые падали, когда с них стаскивали куртки, пальто и плащи. Зрители застыли с выпученными глазами, кто-то отступил, кто-то побежал, опрокинув стулья задних рядов. Кто-то потерял сознание.

Белоснежный подиум стал красным. Изумление на лицах актёров сменилось ужасом. Недоумевая, они застывали столбом, глядя на то, что оказалось у них в руках — липкое, мокрое, болтающееся!

Модели, лишившиеся одежды, оказались в чём-то блестяще-красном! И это что-то сочилось, капало, падало на подиум, оставляя алые следы.

Внезапно София поняла: она видит плоть, лишённую кожи! Девушек ободрали, как кайманов, ящериц, крокодилов и змей — всех тех, из кого Сомбун Сакда создал свою экзотическую коллекцию!

София задохнулась от ужаса. И эта проклятая куртка! Она так плотно обхватила тело, что просто не давала дышать. София схватилась за язычок молнии... Ее пронзило ужасное предчувствие, но она уже не могла остановиться. Она дернула молнию вниз и, как только края курки разошлись, грудь пронзила резкая боль — словно по ней полоснули бритвой. Вскрикнув, София глянула вниз. Там, где молния разошлась, виднелось обнажённое мясо... Кровь текла по чешуйчатой коже игуаны. Мышцы, прожилки, капилляры — всё это теперь сочилось, блестело и пульсировало, как в фильмах Дэвида Кроненберга. Кожа игуаны наливалась кровью.

Страдая от боли, София подняла глаза и увидела Сомбуна Сакду. Таец стоял в середине подиума и озирался с торжествующим видом. На его губах змеилась тонкая, недвусмысленная улыбка человека, у которого получилось все, что

он задумал! Его окружали умирающие в муках освежаванные модели, актёры с окровавленной кожей в руках, ошеломлённые зрители. Финал удался на славу!

«В Таиланде поговаривают, что его отец был колдуном», — вспомнились Софии слова подруги.

Несмотря на отсутствие заточенных зубов и чёрной косматой шерсти, Сомбун походил сейчас на ту тварь, которая привиделась Софии во сне: то же кроважадное безумие в глазах и сознание собственной мощи и власти, способной управлять другими.

Последнее, что увидела София прежде, чем её накрыла тьма, была блондинка-фотограф, продолжавшая фотографировать. Она тоже торжествовала.

Фотографии с окровавленными моделями и залитым кровью подиумом будут открыты миру уже сегодня!

Ведь мир моды не может ждать дольше.

Он жесток и не знает пощады!

БОГДАН ГОНТАРЬ

«Изначально „Возвращение“ не было хоррором. Более того, в нем не было фантастических допущений вообще. Это был просто грустный и мрачный рассказ про одинокого старика, доживающего свой век в пустой квартире. И уже по мере написания появилась мысль: а какие демоны могут одолевать человека, живущего остаток жизни пусто и бесцельно, по инерции? И одного ли его эти демоны преследуют?»

Ночь мягко и незаметно вползла в старую хрущевку, распустив по паркету языки теней. Тени бесшумно осели в углах, заklubились в коридоре и замерли вязкой, почти осязаемой стеной; ринулись было на тесную кухню, но отпрянули, испуганные тусклым светом потрескивающей лампочки, и в ожидании застыли на пороге.

Николай Савельевич поставил на плитку алюминиевый чайник и сел на покосившийся табурет, подкрутив громкость радио, вещавшего о новостях далекой и призрачной столицы. Старик со скучающим видом слушал, подперев подбородок кулаком и глядя через мутное стекло во двор. На детской площадке с ракетой посередине собралась компания молодых ребят из соседнего дома. Молодежь пила дешевое пиво, слышалась музыка из переносного магнитофона, изредка сквозь далекий, ропот их бормочущих голосов прорывался залиvistый девичий смех и визг. Пенсионер, слыша эти полные радости и жизни звуки, угрюмо вздыхал и почесывал тыльную сторону ладони с наколотыми солнцем и чайкой, вспоминая свою молодость, подернутую плотной дымкой прожитых лет. Он вспоминал жену, веселых и резвых детишек, которых он по очереди катал на шее в этой же квартире, а они бегали вокруг него, смеясь. Дети давно выросли. А жена... Валентину Николай Савельевич похоронил четыре года назад на ее родине.

Маленькая деревенька, вдали от крупных городов и асфальтированных артерий, когда-то выпустила из своих материнских объятий маленькую, еще несмышленную, белобрысую Валушку, а спустя шестьдесят лет приняла обратно Валентину Степановну, навсегда забрала ее, бледную, безмолвную и холодную, в свой жирный и податливый чернозем.

Металлической трещоткой заверещал телефон. Николай Савельевич, чертыхнувшись, поднялся со стула и, ковыляя, нырнул в залитый тенями, пропахший кислым борщом и старческим потом коридор. В темноте он наощупь побрел вдоль стены. Аппарат звенел, не умолкая, и было что-то в этом назойливом звуке до глубины души противное Николаю Савельевичу. Каждый раз, поднимая трубку, он испытывал омерзение, схожее с чувством, когда берешь в руку склизкий клубок рыбьих внутренностей. Но не ответить нельзя — иначе будут названивать без конца. Всю ночь, пока заспанное солнце не прогонит тени из

квартиры. В такие моменты Николай Савельевич жалел, что старость забрала у него только зрение, заставив носить очки со стеклами толщиной едва ли не в палец. Иногда у него возникали мысли, что было бы лучше потерять слух, чтобы не слышать этих вечерних звонков. Нашупал угловатые изгибы трубки, снял ее с рычажков и поднес к уху. В трубке звенела тишина.

— Да? — гаркнул он, и от его резкого, как вороний крик, голоса тени шарахнулись в разные стороны.

— Коля? Привет, Коленька! Как дела у тебя? Почему не звонишь совсем? Забыл про нас? — затараторила трубка голосом Клавы, младшей Валиной сестры, тучной тетки с вечной широкой улыбкой, обнажавшей плотный ряд удивительно белых для ее возраста зубов; с сильными, не по-бабьи, руками и озорным характером. Она делала всю мужицкую работу по дому с тех пор, как погиб зять — разбился пьяный на машине, оставив вдовой жену с двумя дочками на руках. Клава тогда переехала к ним — помогать воспитывать девчонок да поддерживать дом в порядке. И справлялась со своей задачей с удивительной легкостью. В свои шестьдесят пять она и дрова колола, и таскала ведрами воду из далекого колодца, и водила коров на выпас, по вечерам загоняя их хворостиной во двор, и успевала помогать внукам с уроками до возвращения Татьяны, своей дочери, домой с работы. Николай Савельевич с женой раньше частенько ездили к ним в гости — всего ночь пути на поезде. Особенно старику помнился Клавин самогон, настоящий на одной ей известных травах. Самогон был тягучим, цветом темнее коньяка, пился легко, оставляя легкий привкус шоколада на языке.

Голос в трубке не унимался:

— Николай, это не дело! Мы тут, значит, переживаем, волнуемся, как ты там, а ты и в ус не дуешь! Хотя разочек бы позвонил или письмишко начеркал, скажем же по тебе. Ну, чего молчишь-то? Внуки, так те вон постоянно спрашивают: «Где дед? Когда позвонит?», а ты... Эх, Коля, Коля, стыдно должно быть, не чужие ведь люди тебе, должен понимать. Я ж тебе сто раз уже предлагала: приезжай к нам жить, что тебе в том городе-то? Дети с внуками, небось, и дорогу к деду забыли, не навещают ведь. Можешь не врать, что навещают, знаю я все. У самих уже семьи, куда им до тебя, старика-то. Так я ж чего говорю: приезжай к нам, вместе с тобой тут уже и доживем свой век, можно подумать, долго осталось. Тут-то хоть старость встретишь в тепле и уюте, а не в квартире своей холодной. У вас там уже, поди, холодно, за хлебом не сходишь. А у нас тут и зимой не шибко дует, только снежок ляжет, а морозов-то и нет. А летом — так вообще красота: солнышко, зелень, тепло, птички поют. Летом на речку ходим купаться каждый день. А у вас что? У вас и лета-то нет, ветрище дует круглый год, и дождь хлещет. Я-то знаю, сама там жила. То ли дело у нас в деревне. Да и помрешь когда, похоронят по-человечески. А там, случись что, так и всполошатся твои родственнички, только когда соседи вонь трупную почуют, прости господи. Грех, конечно, такое говорить, но ведь так и есть. Дети поразбежались, кто куда. Дай Бог, внуки навещают, да и то я сомневаюсь. И жизнь у вас там — не сахар. Загазованность и климат опять же — в нашем с тобой возрасте, Коля, по поликлиникам бегать замучаешься в таких условиях. А ты ведь сам знаешь, какие нынче поликлиники — не лечат,

а калечат. У нас всяко лучше: и воздух чище, и климат мягче. А еда? Ты ж там что ешь? Консервы с яйцами? Ты ж и готовить-то себе не можешь, а тут дом полон баб, всегда сыт будешь, да и у нас домашнее все: яички, молочко парное, мяско, курица. Я на днях сала засолила килограммов пять. Хочешь, тебе посылочку отправлю? Меня Танюха в воскресенье на почту повезет за пенсией, тогда и отправлю. Но ты все равно лучше приезжай, Коль. Скучаем мы по тебе. Да и тяжело нам тут. Забор покосился, подровнять некому. Три дня назад Ваську-комбайнера просила, так он, зараза, деньги вперед взял, а теперь пьет четвертый день где-то, жена уже все ноги истоптала, ищет его. А еще крышу покрыть надо, подтекает на веранде, но это дело не срочное, найдем, кто поможет. А ты все равно приезжай. Мы ж родня с тобой. А ты у нас один остался. Девки-то мелкие без отца растут, Танюха о замужестве и думать не хочет. А девочкам надо, чтобы мужчина был в семье, чтобы защитник был, да и просто свою долю воспитания давал. А то вырастут в мать — я ж ее тоже одна растила, вот она у меня и избалованная. А тебя любят и слушаются во всем, сам помнишь. Нужен ты нам, Коль. Да и мы тебе нужны, чего уж там. Стареть вместе сподручнее, понимаешь? Приезжай, бросай свою квартиру, или детям отдай, нехай делят. Хотя нет, они там за нее глотки друг другу поперегрызут, ей-богу. Можешь завещание заранее написать и с собой взять. А можешь продать ее, мы на те деньги пару свинок еще возьмем, да девочкам на учебу отложим, сейчас образование дорогое больно, а нам с тобой деньги-то и ни к чему уже. Хотя, что это я? Твоя квартира, тебе и распоряжаться! Но я советую, как лучше. Да и черт с ней, с квартирой. Ты, главное, сам приезжай, Коль! Ну что ты как ребенок, в самом деле? Всё мы тебя уговаривать должны. Собирайся, ждем тебя. Так всем лучше будет. Все, Коль, целую, буду прощаться. Передаю Лариске трубку.

Что-то зашуршало, щелкнуло, и на секунду сердце старика замерло от радости — связь оборвалась. Но нет, в трубке уже слышался голос Лариски:

— Деда, деда, привет! Как ты там? Ты приедешь? Деда? А ты научишь меня на велосипеде ездить? Ну, когда приедешь. А на рыбалку будем ходить? Червей мы с Ленкой будем копать, ты только ходи с нами, тебе понравится, мы окуня ловим, а бабушка жарит его потом — вкуснотища. Только, деда, вставать рано надо, мы засветло аж встаем и с мальчишками едем на великах на речку или на пруд. Ну, точнее, они нас на багажниках возят. А так и ты с нами будешь ездить. Будешь, деда? А я хотела котенка у Сашки взять, он отдавал, а мама не разрешила. А ты разрешишь, да? А ты же будешь помогать нам уроки делать? Такие задания сложные в третьем классе, я математику не понимаю, умножение особенно. А ты же умный, ты все знаешь, правда? Приезжай, пожалуйста, ну, деда...

И Николай Савельевич, облокотившись на тумбочку, окруженный вязкими тенями, ответил внучке:

— Иди к черту, тварь! И бабка твоя пусть идет, и мать!

Трубка замолчала. Через несколько секунд снова раздался Ларискин голос, испуганный и недоуменный:

— Деда? Ты чего, деда? Не ругайся, пожалуйста, я боюсь, когда ты ругаешься...

— Бойся, сука, бойся!

— Деда... — в трубке послышались всхлипы и сдавленные рыдания. — Деда, ну не ругайся, пожалуйста, мне страшно. Почему ты ругаешься, я тебе ничего не сделала... — всхлипы перешли в громкий плач.

Старик стоял, тяжело дыша: горло сдавила тяжелая ярость. Когда плач чуть поутих, он прохрипел в трубку:

— И никогда больше сюда не звоните. Никогда.

Плач разыгрался с новой силой. Губы Николая Савельевича растянулись в довольной улыбке. Он стоял, усмехаясь, а тени ползли по его плечам. Тем временем рыдания в трубке не прекращались, но что-то в них неумовимо изменилось. Пропали всхлипывающие звуки, а сам плач замедлился, потек визгливыми нотками, и старик понял, что Лариска смеется. Громко, истерично смеется в трубку. Со злости он ударил трубкой по столу, но потом снова поднес ее к уху:

— Над чем ты, гнида, скалишься?

И вновь из трубки раздался тоненький голосок:

— Над тобой, деда, над тобой. Старый хрыч, а все надеешься напугать кого-то. Ты приедешь, деда, обязательно приедешь. Мы тебя ждем. И баба Клава, и мама, и мы с Ленкой. И Валентина твоя ждет, хоть и ходить не может — ноги сгнили. Бабка-то ее все на горбу таскает. Приезжай, деда. Нам тут холодно. Тут север, земля не прогревается. И черви холодные. Знаешь, каково это — холодные черви в животе? Не знаешь ты ни хрена, старый. А я знаю, мы все тут это знаем. Приезжай, деда, — снова жалобно проскулила она. — Приезжай, мы тебя ждем. Здесь твое место. Тут такой вязкий чернозем, такой тяжелый! Когда сломалась крышка гроба, мне грудь продавало, теперь ребра внутрь растут, такой вот чернозем. Без мужика не справиться никак. Приезжай, деда. Приедешь?

— Да вот хрен вам, — прохрипел Николай Савельевич.

— Хрен тебе, а не нам. Приедешь, как миленький. Мы тебе уже год звоним. Ты не выдержишь. И лучше приезжай сам. Мы можем начать звонить твоим детям и внукам, если ты к нам не хочешь. Приезжай, деда, пожалуйста, приезжай, — трубка вновь разорвалась диким смехом. — Видишь, деда, как мы тебя любим? Ты нас год уже как похоронил, а мы все равно звоним, посылку, вон, тебе выслали. Наш любимый дедушка, старый дурачок! — Новый взрыв истеричного хохота заставил его отнести трубку подальше от уха, и тени вокруг старика словно тоже отпрянули назад при звуках этого смеха.

Николай Савельевич повесил трубку и долго стоял, глядя на красный телефонный аппарат с болтающимся обрезком кабеля. Подмывало взять его в охапку и вынести на помойку, да без толку. Вернут. Одолеваемый тяжелыми мыслями, Николай Савельевич поплелся в спальню.

А через неделю пришел курьер. Николай Савельевич долго рассматривал его в глазок. Курьер уходить не собирался — видимо, слышал, как пенсионер тяжело и громко ступал на скрипучие половицы. Парень стоял, держа в одной руке объемный сверток. Каждые несколько секунд он нажимал кнопку звонка, предварительно нервно глядя на часы. Николай Савельевич сдался и открыл

обитую дерматином дверь. Из подъезда резко пахло мочой и сигаретами.

— Левченко Николай Савельевич?

— Да, я, — нехотя прокряхтел старик.

— Вам посылка.

— Сам вижу. Где расписаться?

— Вот тут, пожалуйста, — парень протянул пожелтевший шуршащий бланк. Николай Савельевич нацепил висевшие на шее очки, заполнил его убористым почерком. Курьер, нахмутив лоб, осмотрел бланк, кивнув, убрал его в карман, после чего протянул старику посылку — квадратный сверток промасленной бумаги, перехваченный крест-накрест бечевкой. Николай Савельевич в растерянности уставился на посылку, теряя последнюю надежду:

— А что же, платить за нее не надо?

Но курьер уже не слышал его — бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

Старик закрыл дверь и остался в темном коридоре один на один с посылкой. Весу в ней действительно было килограммов пять, и от того еще меньше хотелось ее открывать. На приклеенной бумажке был от руки написан его адрес. Посылка оттягивала руки, а он никак не мог решить, что с ней делать. В конце концов он двинулся на кухню, вышел на свет из погруженного в тени коридора и положил сверток на стол. Пальцы после промасленной бумаги стали жирными, старик брезгливо вытер их кухонной тряпкой для посуды, и тут же выкинул ветошь в мусорное ведро. Посылка лежала посреди стола, и у него мелькнула запоздалая мысль, что на стол надо было что-то постелить сперва, ему же еще с него есть.

Сверток притягивал взгляд, угловатые изломы словно манили — срезать бечевку, развернуть бумагу и достать содержимое на свет. Николай Савельевич даже потянулся было за ножом, но в последний момент отдернул руку от перемотанной изолентой рукоятки. Поразмыслив немного, он взял посылку, вышел с ней в подъезд, и, спустившись по ступеням, выкинул ее в черное жерло мусоропровода. Было слышно, как она ударилась несколько раз о стены шахты и с шуршанием приземлилась в кучу отходов. Старик облегченно вздохнул и вернулся в квартиру, утирая пот со лба.

Сердце, бешено колотившееся в груди, унялось, когда старик присел за стол. Потянувшись включить радио, он посмотрел во двор и увидел там ту же компанию молодежи, что собиралась под окнами каждый день. При виде их, беззаботных и веселых, Николая Савельевича охватила бессильная отчаянная злорада, и, повинувшись мимолетному порыву, он вскоре критически рассматривал разложенную на столе скромную закуску и наливал в стакан тягучую водку. Часы показывали полтретьего, значит, солнце сядет часов через шесть. Раньше этого времени звонков можно не ждать, и эта мысль приподняла ему настроение. Он даже начал с улыбкой поглядывать на молодых разгильдяев с пивом во дворе. Усевшись на свое привычное место у окна, вооружившись питьем и закуской, старик отсалютовал правой рукой и прокрипел:

— Ваше здоровье, молодежь херова! — после чего, поморщившись, проглотил водку и понюхал бутерброд, поднеся его к носу.

По радио играла музыка. Современную эстраду Николай Савельевич

категорически не воспринимал, не чувствуя в ней ни души, ни таланта, однако сделал чуточку громче. Тепло в груди и шипение магнитофона в эфире приводили старика в благостное расположение духа, приближали его к некоей, с трудом им ощущаемой гармонии с окружающим холодным миром.

Тревожной трелью затрещал дверной звонок. Николай Савельевич замер и покосился в сторону погруженного в полумрак коридора. Через несколько секунд в дверь снова позвонили, уже настойчивее. Чертыхнувшись, он поднялся и побрел открывать.

В глазок никого не было видно, только дверь соседа напротив, но старик на всякий случай каркнул:

— Кто там? — Ответа не последовало.

Выждав еще с полминуты, он развернулся и пошел обратно. Когда уже поворачивал к своей узкой кухоньке, в дверь снова позвонили. Он обернулся и враждебно уставился на дерматиновую обивку. Еще звонок. Николай Савельевич, закипая, двинулся по направлению к двери, бормоча проклятия на ходу. Глазок показывал ровным счетом то же самое, что и в прошлый раз: пустую лестничную клетку, соседскую дверь и царапины на поверхности самого глазка.

— Кто там? — крикнул он, но ему не ответили и в этот раз. — Суки, — резюмировал Николай Савельевич. Потянулся, нащупал за динамиком над дверью ручку громкости и выкрутил вниз до упора.

— Хулиганье, — бормотал он.

Настроение опять упало, радовало только то, что водки была почти полная бутылка, и впереди были длинные шесть часов спокойствия.

На кухне он снова занес бутылку над стаканом, холодная водка заструилась по граненым бокам, на радио заиграло что-то знакомое, из прошлого десятилетия, когда он еще не был так стар, и жива была Валюшка. Присаживаться не стал и в раздражении стоя выпил и откусил от бутерброда.

Когда горячий поток прокатился вниз к желудку, радио зашипело стеной помех. Песню было слышно некоторое время — голос певца выныривал из шумов, искажался и пропадал вновь, а потом исчез окончательно. Осталось только неровное шипение.

Николай Савельевич недоуменно посмотрел на старенькую «Сонату», опершись на стол, потянулся к антенне, однако попытки пошевелить ее не дали никакого результата. Динамик продолжал издавать только шум помех. Старик выкрутил ручку настройки вправо. Ничего не изменилось. На пути влево шипение стало громче, забило, меняя тональность, а потом пропало вовсе, оставив лишь тихое потрескивание эфира. Как ни пытался старик, но вернуть приемник к жизни не получалось. Николай Савельевич обессиленно опустился на табурет. Прекрасное настроение вмиг улетучилось вместе с потерей последней вещи, которая скрашивала тоскливые будни. Вскоре прекратился и треск, повисла звенящая тишина. И в этой тишине совершенно посторонним звуком раздался щелчок, сухой и приглушенный, как стук по дереву. Николай Савельевич перевел взгляд от окна на радио. Динамик молчал. Ни треска статики, ни помех. Еще щелчок. И через десять секунд снова. Старик склонился над «Сонатой». Щелчки шли из динамика. С равными перерывами,

словно за ним таился запущенный метроном.

Щелк! Десять секунд тишины.

Щелк! И снова тишина.

Николай Савельевич уже раздраженно потянулся к розетке, чтобы раз и навсегда оборвать мучения отжившей свой век магнитолы, когда в промежутке между щелчками услышал еще один звук на самой грани восприятия. По спине пробежал холодок. Радио помолчало, потом издало щелчок, и старик поднес ухо к динамику. Из динамика звучал еле слышный детский смех. Николай Савельевич отчетливо уловил знакомые нотки Ларискиного повизгивания. Раз от раза смех не менялся, начинался на самой высокой ноте через секунду после щелчка и затухал за секунду до следующего. В последней надежде на то, что все это ему кажется, старик напряженно вслушался в эфир.

Щелк! Тишина. Смех исчез. Прошли бесконечные десять секунд, но, кроме вязкой, почти осязаемой тишины, ничего не было.

Щелк! Снова тишина.

Николай Савельевич облегченно поставил радио на стол и потянулся за стаканом, когда динамик, хрипя, разразился визгливым, истеричным смехом, теперь на всю громкость. От неожиданности старик вздрогнул и опрокинул тарелку с закуской на липкий паркет. В сердце закололо, перед глазами на миг поднялась багровая пелена, но Николай Савельевич совладал с собой, протянул заскорузлые пальцы к розетке и вырвал из нее штепсель. Схватил «Сонату» и, глухо взревев, швырнул в угол кухни. Магнитола ударилась о стену и рухнула на пол немой грудой пластмассы. Николай Савельевич стоял, тяжело дыша. Лицо его раскраснелось от ярости, руки дрожали.

Наступившее спокойствие ударом ножа разорвала трель звонка из прихожей. Николай Савельевич угрюмо обернулся в сторону темного коридора. Малодушную мысль, что он забыл выключить звонок, отмел сразу. Звонок верещал на пределе мощности, не замолкая ни на секунду, словно кнопку впавили в паз намертво. Некоторое время старик стоял неподвижно в расколотой наползающим хаосом кухне, собираясь с духом, потом решительно шагнул в коридор. Тени привычно облепили его со всех сторон. Сквозь звон, проникавший, казалось, прямо под сухую бумагу старческой кожи, нарастал шум дождя за окном.

Николай Савельевич быстро пересек залитую тьмой прихожую, но повернул не к двери, а к покосившемуся шкафу, стоявшему у противоположной стены. Открыв рассохшуюся дверцу, он впотьмах нащупал ручку маленького топорика и, упрямо наклонив вперед голову, направился ко входу. Когда оставался последний шаг, звон оборвался, словно с другой стороны резко одернули руку. Старик вслушался во вновь обрушившуюся на него тишину. Из-за двери не проникало ни малейшего шороха. Он сделал аккуратный шагжок, минув скрипучую половицу у коврика перед входом, и прильнул к глазку. На этот раз в глазок не было видно вообще ничего. Заблаговременно прикрытый чем-то, он показывал только чернильное пятно. Николай Савельевич уже протянул руку к замку, как услышал снова зарождающийся в пыльной пластмассовой коробке над дверью шум. Дальнейшие его действия не заняли и трех ударов бешено колотившегося в груди сердца: пальцы обхватили ручку

и прокрутили ее на один оборот влево, плечом он навалился на дверь, выскакивая след за ней в подъезд с топором в правой руке, отведенной за спину для замаха. Трель над головой смолкла, не успев начаться, а сам старик выпрыгнул на пустую лестничную клетку. Не было никого ни этажом выше, ни этажом ниже. Не стучали частой дробью по лестнице шаги убегающего хулигана. Единственным звуком были отголоски пьянки, звучавшие из-за двери соседей, и тянуло все так же мочой и сигаретами.

Глазок оказался залеплен жвачкой. Николай Савельевич, раздраженно матерясь, отковырял и отскоблил ее, оставив на выпуклой стеклянной поверхности несколько царапин, а потом вернулся в квартиру, неся подмышкой то, что ему положили под дверь. Увесистый сверток в промасленной бумаге, перехваченный бечевкой и с его адресом на прикрепленном бланке. Теперь от бумажной упаковки нестерпимо смердело гнильем.

Старик отнес посылку на кухню, как и в прошлый раз. На ходу наступил босой ступней на осколки тарелки. Осмотревшись, сделал единственный возможный выбор и отправил сверток в морозилку.

Зазвонил телефон. Николай Савельевич угрюмо пошел в коридор к аппарату, попутно глянув на часы — полпятого. Что-то рановато сегодня. «Крепчают суки, раньше только с наступлением темноты могли звонить», — мелькнула мрачная мысль. Но он был настолько вымотан, что не придал этому никакого судьбоносного значения. Значит, будет отвечать на звонки и днем — какая, собственно, разница уже?

— Деда? — Радостно зазвенел Ларискин голосок. — Как здоровье, дедуля? Мы так соскучились по тебе, ты даже не представляешь. Тут столько всего произошло нового! Недавно на рыбалку ездили на пруд, так я там целую щуку вытянула, вот такую большую! А с тобой мы еще и не столько наловим, когда приедешь. Ты же приедешь, деда?

— Да заткнись ты, ради Бога, — пробурчал в трубку Николай Савельевич.

— Опять ты ругаешься, дедуль... Будешь ругаться — на языке бородавки вырастут, — и она рассыпалась мелким ехидным бисером, но в этот раз помимо смеха старик услышал еще приглушенный хрип на фоне.

— Во, слышишь, деда? Это Ленка говорит, что у тебя еще и зубы выпадут. У ней горло сгнило, ее тут только я понимаю, — и снова смех вперемешку с хрипящим клеткотом.

— Когда вы уже меня в покое оставите...

— А сам-то как думаешь, черт старый? Засиделся ты в жильцах. Посылочку-то уже получил, небось? — В ее голосе засквозили злорадные нотки. — Открывал посылочку-то? А ты открой-открой, там ведь не только сало. Там еще и Валентина твоя гостинцев положила, порадовать тебя, мудака.

— Да идите вы в жопу со своей посылочкой! — прорычал старик.

— Дед, ну что ты вот опять за старое, а? Приехал бы уже давно, и дело с концом. Ты же наш, весь наш, с потрохами и дерьмом. И нужен ты только нам. Приезжай, давай, не тяни кота за яйца, они у него не резиновые, — в этот раз Лариска не смеялась, и хриплый лай Леночки стал слышен отчетливее. Старика передернуло от отвращения, когда он представил младшую внучку, ее бледную кожу с трупными пятнами. — Деда? Ты меня слышишь, деда?

— Слышу, слышу, — он утер рукавом рубашки выступившую на лбу испарину.

— Ладно, деда, не будем тебя больше сегодня тревожить, так и быть. Можешь выпить водочки, развернуть, не спеша, гостинцы и подумать о переезде. Целую, дедуля, пока! — и она положила трубку.

Теперь они звонили каждый день. Звонили утром, когда он был в ванной. Звонили в обед, отрывая его от еды. Звонили ночью, когда он уже спал, но все равно вставал, разбуженный назойливым телефоном. Они говорили с ним такими родными и привычными голосами, и каждый раз теперь на фоне звучал надсадный нечленораздельный хрип Леночки. А потом ему позвонила Валентина.

— Алло, Коленька, родной, слышишь меня? Коленька? — от звуков ее голоса, такого близкого и любимого, на глазах у старика выступили слезы. — Коленька? Слышишь? Коля, ну приезжай уже, в конце-то концов. Столько баб тебя уговаривать еще должны. Приезжай, родной, я соскучилась по тебе безумно. Мы тут с тобой отдохнем, наконец, как в молодости. Тут такое лето чудесное, Коленька! Природа, воздух свежий, озера, пруды, речки! Будем купаться с тобой ходить каждый день! Мы же с тобой вместе этого хотели! Ты же сам, Коля, говорил: детей, мол, на ноги поставим, и уедем в деревню старость доживать. Коленька, милый, приезжай, я ждалась уже. Будем каждый-каждый день на озеро ездить на велосипедах, на пляже загорать! Помнишь, как тогда, в Гаграх? Когда

я обгорела на второй день, и ты потратил треть получки, купил мне платье закрытое, чтоб солнце не напекало. Как сейчас помню: атласное платье, изумрудного оттенка, болгарское! Дорогущее же было! Я тогда тебя ругать начала, что ты столько денег-то на тряпку ухайдакал, а ты сказал, мол, ничего страшного, зато я теперь самой красивой у тебя буду. Это ведь мой любимый подарок от тебя был. Помнишь, Коленька? Вот было время-то, а? Чудесное время. Приезжай давай, не томи, сколько можно тебя упрашивать. Старые мы уже, нам ведь вместе надо держаться, помогать друг другу. Приезжай, любимый. Скучаю сильно-сильно. Да мы все тут по тебе скучаем. И по деткам нашим я соскучилась. На днях Виталику звонила, а его, видать, дома не было, так трубку Алешка взял. До чего славный мальчонка растет, хочу я тебе...

— Что ты сказала? — перебил ее Николай Савельевич. — Повтори! Что ты сказала?

— Как что... — Растерянно залопотала Валентина. — Виталику, говорю, звонила... С Алешкой пообщалась. Тоже в гости звала. Он сказал, что скучает по мне и по девчонкам...

У старика на секунду перехватило дыхание, но он дрожащим от ярости голосом выдал сквозь сомкнутые зубы:

— Как ты смеешь звонить моим детям? Ты...

— Знаешь, что, Николай?! Это такие же мои дети, как и твои, понял? Я их вынашивала, я их рожала, я с ними сидела, я их воспитывала. И я буду им звонить. Да и еще, — за ее елеиным голосом в трубке снова послышался хриплый вой Леночки. — Я ведь и им посылку собрала. То же, что и тебе. На днях вышлем. Так что, Коленька, лучше приезжай ты. А то Алешка побольше твоего скучает. Его уговаривать долго не придется.

— Ты что? Ты не понимаешь? Ему же всего десять!

— Ну и что, Николай. Ну и что, что десять. Девочкам, вон, тоже одной семь, другой девять. С ними и будет дружить. Так что решай уж, наконец. Глава семьи, тоже мне, — и она положила трубку, а старик остался стоять в темном коридоре один, окруженный безмолвными тенями, слушая гулкие гудки на линии и удары дождя по стеклу.

По телефону сын сказал, что им звонили, когда ни его самого, ни жены Алены, рыжей, веснушчатой и вечно улыбающейся, дома не было — только маленький Алешка вернулся со школы, и именно он ответил на звонок. Мальчишка обмолвился, что звонили, но на вопрос, кто это был, наотрез отказался отвечать, не поддаваясь на уговоры обоих родителей. Большого Николаю Савельевичу ждать не было ни нужды, ни сил, и он собрался за два дня.

На рынке взял консервов в дорогу, отварил яиц и завернул в фольгу курицу, запеченную в дышащей на ладан духовке. Вымыл накопившуюся посуду и аккуратно сложил ее в шкафчик над раковиной. Подмел везде пыль растрепавшимся веником, ссыпал ее в мусорный пакет и отнес его к переполненной урне во дворе.

Радио, так и лежавшее в углу кухни, он бережно подобрал вместе с разлетевшимися осколками и деталями, сложил в ящичек, сколоченный из фанеры, и ранним утром, еще до рассвета, понес за дом. Там перешел узкую грунтовую дорогу, пробегавшую под его окнами, и спустился по запыленному косягу к быстрой речке, несшей холодные мутные воды к далекому морю. На каменистом берегу он долго сидел, глядя на бурлящий перекатами поток, держа радио на коленях, а потом встал, что-то прошептал ему, прощаясь, и отправил своего последнего друга в плавание вниз по течению. Бурлящий поток подхватил ящичек, закрутил его в пенном водовороте, но, перенеся через шипящий порог, выровнял на середине русла и уже более бережно повлек к серым волнам океана. Старик долго смотрел вслед, а после, понуриив голову, поднялся к рокошущей грузовиками грунтовке и вернулся в дом.

Из шкафа, где хранились их с Валентиной вещи, которые он ни разу не доставал после ее смерти, старик извлек свой побитый молю темно-серый шерстяной костюм, голубую застиранную рубашку и галстук, который надевал трижды в жизни: на свою свадьбу, на свадьбу сына и на похороны жены. Николай Савельевич сложил вещи на кровати и встал над ними, затаив дыхание, как пловец, готовящийся к прыжку с вышки. На улице в затянутом облаками небе проклеивалось солнце. Холодный утренний свет падал внутрь между тяжелыми бордовыми шторами, и старик стоял, замороженно глядя на танец пылинок, выпорхнувших из шкафа в комнату, в этой светло-серой полосе. Сквозь тюль он видел скамейку во дворе, испанскую и изрисованную, на которой уже обосновался молодой парень, забритый наголо, в кепке с лихо заомленным козырьком и помятом спортивном костюме. У ног его стояла бутылка

пива, уже початая, а со всех углов еще не проснувшегося двора к нему начинали слетаться товарищи, как чайки к выброшенной на берег рыбе. Когда бутылка пошла по кругу, Николай Савельевич услышал через закрытое окно столь ненавистный ему всегда разнузданный и непринужденный смех. Кто-то при- тащил гитару и, слегка фальшивя, затянул песню. Старик смутно узнавал и мелодию, и слова, но до этого он никогда не вслушивался в нее столь жадно и неистово. Что-то неведомое доселе наполнило его грудь, словно раздвигая ребра и заполняя легкие; что-то, давно забытое и похороненное под годами серости и одиночества, расправило в нем крылья, и впервые за много лет старик улыбнулся, глядя на молодежь.

Он облачился в костюм, медленно и вдумчиво застегивая каждую пуго- вицу. Закрывая дверцу шкафа, мельком увидел уголок атласного платья, про которое говорила Валентина. Болгарское, густого изумрудного оттенка. Повинуясь сиюминут-

ному порыву, он вытащил его из-под груды других вещей покойной жены и поню- хал. От ворота и разреза на груди

даже после стольких

лет по-прежнему

пахло ее духами.

Запах был сла-

бый, он почти

выветрился, со-

скользнул с мяг-

кого атласа и осел

вместе с пылью по

темным уголкам шка-

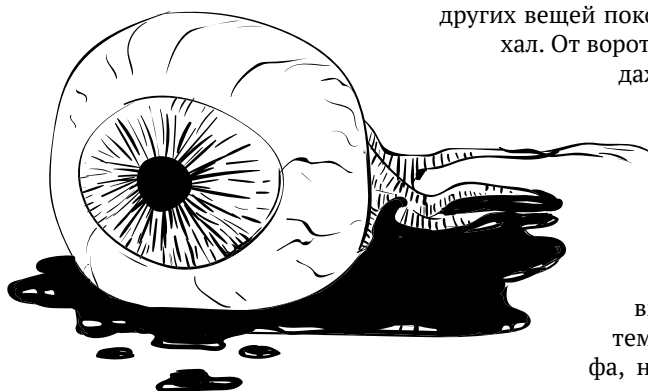
фа, но Николай Савелье-

вич чувствовал его, как и

много лет назад, и потускнев-

ший мир вокруг него распустился на секунду красками молодости. Платье он аккуратно сложил и убрал на самое дно объемного брезентового вещмешка, сверху поместил присланную родственниками посылку, чтобы ее случайно не обнаружил сын, когда придет искать его. В самом верху он уложил про- визию на пару дней и пристроил стоймя вдоль правой стенки рюкзака топо- рик, после чего перетянул горловину потрескавшимся кожаным ремешком, обул начищенные до блеска туфли, натянул на глаза козырек кожаной вось- миклинки, закинул вещмешок на плечо и вышел из квартиры. Ключ занес соседу напротив, такому же старику, попросив передать сыну, когда тот при- едет. Спустился по выщербленным ступеням, вышел из темного пропахшего подъезда в хмурый, но непривычно теплый день и направился по медленно пробуждающимся пустым улицам к железнодорожному вокзалу.

В темном и грязном здании вокзала его подхватил шумный людской по- ток мужиков из деревень с тяжелыми мешками на плечах, женщин с малень- кими ребятишками, таксистов, сверкающих золотыми фиксами, и шумных смею- щихся цыган. Этот водоворот покрутил его по залу и вынес, посмурневшего

и матерящегося сквозь зубы, к кассе. Он купил билет на ближайший поезд на запад у напوماженной кассирши и стал пробираться к выходу на платформу. На перроне остановился в стороне, пропуская гомонящую вереницу других отъезжающих, отмахнулся от женщины, попытавшейся продать ему не то чебурек, не то кроссворд, и подкурил беломорину. Горький дым заполнил рот, проник в легкие, и Николай Савельевич с непривычки разразился приступом кашля. «С Валюшкиной смерти ведь не курил, подольше пожить хотел» — мелькнула ехидная мысль, и старик горько улыбнулся. Глядя под ноги, сделал еще пару затяжек, бросил бычок на рельсы и зашагал к подошедшему, нетерпеливо шипевшему поезду, на ходу доставая билет.

Уже через полчаса он сидел на жесткой шконке, обитой красным дерматином, и выуживал из рюкзака свои скудные припасы. Проводница, заглянувшая в купе, предложила постельное белье, но он вежливо отказался. Денег с пенсии оставалось совсем чуть-чуть, а последний свой путь можно проделать и без особого комфорта, не страшно. Разложив вещи, он сел у окна и стал смотреть, привычно подперев кулаком подбородок, на медленно проплывавший мимо пейзаж. Сначала побежал перрон, потом длинный изрисованный забор, сложенный из бетонных блоков. За забором лениво чадили трубы завода. Когда они проехали под темным, позеленевшим от сырости мостом, промзона кончилась, уступив место тесному скоплению частных домишек, лепившихся вплотную друг к другу, а они, в свою очередь, сменились длинным перекопанным пустырем, заваленным разноцветными пакетами с мусором, среди которых копошились стайками рябые бродячие псы. А потом за окном потянулся лес, нетронутый и бескрайний. Вековые деревья стояли вдоль рельсов плотной темной стеной, под порывами ветра шевеля размашистыми хвойными лапами. Лес мелькал за окном час, другой, третий, а старик все так же сидел, глядя в стекло и словно сквозь него, все силясь увидеть что-то затерянное за густыми зелеными макушками в далеких туманных годах его молодости.

Прошла уже неделя, как не звонили. Каждый раз Алешка приходил домой и первым делом бежал в комнату к телефону, чтобы снять трубку и положить ее на стол. Так не дозволятся. Бабушка не будет уговаривать его приехать, если он снимет трубку до того, как она позвонит. Ему не говорили, но он знал. Бабушка давно умерла. Он тогда маленький был совсем и не помнил ее почти, но теперь она позвонила и позвала его в деревню, а он с испугу согласился. По ночам, вспоминая этот звонок, Алешка зябко заворачивался в пуховое одеяло и подтягивал его края под себя, чтобы ненароком не выскользнули наружу пальцы ног, коленка или рука. Просыпался он, как и любой другой ребенок, разметавшись по кровати, и уже без одеяла, и каждый раз обещал себе, что этой ночью не будет ворочаться. Но попытки совладать с собой во сне были бесплодными, поэтому ему оставалось только радоваться, что не проснулся ночью. Алешка был уверен, что, если проснется в темноте, а одеяла не будет, он просто умрет от страха. Родителям он не мог сказать о бабушкином звонке, и на папины вопросы просто упрямо мотал головой и пожимал плечами. Отец тогда как-то грустно посмотрел на него, спросил, в кого же он такой упертый растет,

и, не дожидаясь ответа, оставил его одного делать уроки. И с тех пор Алешка приходил домой, закрывал за собой дверь и, не скидывая рюкзак, обутый бежал в комнату, где на столе стоял красный телефонный аппарат с круглым диском посередине. Только после этого он мог спокойно раздеться, разуться и идти греть приготовленный мамой обед, закинув рюкзак в угол комнаты. Но сегодня он задержался на два часа после школы — Витька из «Б» класса и Саня с пятого уговорили его пойти с ними на стройку. Там они побросали портфели и долго лазили по грязным и местами подтопленным помещениям, играя сначала в пиратов, а потом в бандитов и Шварценеггера. В итоге Саня подвернул ступню и побрел домой, хныча и подволакивая ногу. А вдвоем играть было скучно, поэтому они с Витькой тоже попрощались и разбрелись. На пути к дому, в тенистом сквере Алешка заметил, что у него вымазан рукав — обтерся все-таки об изрисованную мелом стенку — и припустил уже бегом, чтобы успеть промыть куртку под краном в ванной и высушить на батарее, а то уж больно неохота было получать нагоняй от мамы. А нагоняй был бы неизбежен — куртка новая совсем, Алешке ее папин друг привез из Америки, так что мама могла бы очень расстроиться, а то и разозлиться. Это папа добрый — посмотрит с прищуром, поцокает языком, потреплет небрежно по вихрастой голове, а после улыбнется и простит. Так много раз было: и когда Алешка джинсы новые порвал, и когда колонки японские сломал — продавил пальцем динамик, а тот порвался — и много еще когда, всего и не упомнишь. А мама не такая — как начнет причитать, а там и до ругани недалеко. Все грозит выпороть его, но Алешка-то знает, что не выпорот, она же его любит. А вот ругаться будет, и он не хотел огорчать маму.

Залетев маленьким разгоряченным вихрем в квартиру, он метнулся в ванную, кое-как покидав ботинки в прихожей и стягивая на ходу куртку. Включил воду, нашарил под ванной щетку, натер ее смоченным мылом и принялся тереть цветные разводы на рукаве и на спине. Он увлекся занятием, мел кое-как поддавался, хотя щетку постоянно приходилось снова мылить. Сперва с куртки бежала желтая, розовая и синяя пена, но она постепенно светлела, и дело шло к концу. Алешка раскраснелся, то и дело утирал пот со лба и от усердия даже высунул кончик языка. И когда он уже собирался промыть щетку от мыла и выключать воду, в комнате зазвонил телефон. Щетка выпала из рук вместе с курткой. Снова звонок. Алешка на цыпочках вышел из ванной и заглянул в комнату. Телефон мелко тряся на столе, не переставая трещать. А может, это не бабушка? Он уже неделю обводил ее вокруг пальца, и она, должно быть, уже сдалась, он сам на ее месте точно не стал бы звонить, если бы неделю не мог дозвониться. Да, точно не бабушка. Она звонила раньше, в два, а уже четыре. Значит, не она. Наверное, папин друг, дядя Толя, они же договаривались с папой сегодня встретиться и поехать вместе к дедушке, посмотреть, что с ним, а то он трубку не берет. А может, и сам дедушка. Алешка любил деда, тот всегда был ласков с внуком, несмотря на свою вечную сварливую ухмылку и колючий взгляд. Мама говорила, что дед такой злой специально, чтобы его не тревожили, и Алешка был с ней согласен во всем, кроме одного — дед и злым-то не был, просто старым, а старые все такие. Наверное.

Тяжело вздохнув, Алешка прошлепал мокрыми ногами по полу и замер у стола, протянув руку к телефону. Когда очередной звонок оборвался, и повисла секундная пауза, он снял трубку и поднес к уху.

— Алло? Кто это?

— Алешенька, это ты, злодей? Привет! Соскучился, небось, а? Как там папа? Как мама? Двоек напучал в школе, сорванец? — заскрипел в трубке знакомый голос.

— Дедунь, это ты? Я не злодей, сам злодей! — Радостно засмеялся Алешка, и на другом конце провода мертвенно-синие губы, покрытые крошками сырой могильной земли, растянулись в улыбке.

ДЕНИС НАЗАРОВ

«Все началось с желания поставить эксперимент: что, если историю будут рассказывать несколько персонажей, ни одному из которых нельзя доверять до конца? Симбиоз этой идеи и моих юношеских воспоминаний помогли „Пленке“ появиться на свет».

Виктор Иванович

...Не мог этого сделать. Ты же друг его, сам понимать должен! Он-то парень порядочный и честный. Деду с бабкой помогал всегда, хоть дед и не подарок был. Шкодил конечно, куда без этого? Да еще и любопытный был чертенок — жуть! Вечно лез, куда не следует. Помню, лет в шестнадцать надрался он изрядно с местными, да по пьяни лицо разбил, на углу у магазина. Там бетоном у основания залито... Бабка думала, что упал с калитки. Он же когда домой возвращался, через калитку перемахивал. Старики ночью на засов запирались, боялись кого, что ли? Да, чего там... У нас полдеревни на Ивана Купала крапивой заборы обвешивают. Бабка все переживала, что башку при падении повредил. Звала Гальку, чтобы та ему голову поправила. Вот и говорю тебе: не он это устроил. Ну, а зачем приехал? Так ведь на могилку к бабке да деду сходить. Он хоть деда и не особенно жаловал, так ведь кровь одна...

Я оставил машину во дворе и, попрощавшись с Виктором Ивановичем, вышел за калитку. Утро стояло туманное и промозглое. Трава под ногами угасала, теряя последние следы зелени, а на опавшей листве поблескивала тонкая корочка инея. Застегнув ветровку, я побрел в сторону леса.

Мое предложение вместе поехать на машине Виктор Иванович сразу отверг: дескать, дорогу там размыло после недавних дождей, и на моей старенькой «Тойоте» есть риск завязнуть в грязи.

Уговаривать я не стал, да и он ясно дал понять, что в лес — ни ногой. Но почему я вообще решил, что Семен прячется в лесах? Может, он уехал из деревни? Единственное, что у меня было — слова самого Виктора Ивановича, сообщившего, что утром, до того, как наткнуться на место бойни, он видел Семена направляющимся в лес. А там искать — что иголку в стоге сена. Однако я надеялся, что старый друг мой не ушел далеко и двинулся по тем тропкам, что проторены местными ягодниками и грибниками — Виктор Иванович, как смог, объяснил, в какой стороне лучше искать.

Если бы Семка уехал, он нашел бы способ со мной связаться. Мобильник в деревне ловил очень плохо, но в крайнем случае Семен мог

позвонить кому-то из местных или отправить телеграмму. Благо, почта в деревне еще работала. С самого приезда меня не покидало ощущение, что я попал в прошлое. Все здесь казалось неживым, а редкие люди, которых я встречал на улице, смотрелись призраками на фоне покосившихся избушек и поваленных заборов. Мир забыл об этом месте. Пока в городах кипела жизнь, деревня медленно умирала, замкнутая внутри своего странного мира, даже несмотря на близость — всего-то в тридцати километрах отсюда — районного центра.

Больше всего мне хотелось убраться отсюда поскорее.

Света

...А им какая печаль? Все свернуть по-быстрому, да виновным его выставить. Он-то уж слова против не скажет! Может, вообще кто из деревенских замешан? Почему мне знать — кто?.. И не пьялся так, сама знаю, что странно все это! Но тут и не такие странности случались. Мне мать рассказывала, как они однажды ночью на пруд ходили с подругами. Не купаться, так — у костра посидеть, пока минутка есть... Ну, и увидели они эту ведьму.

— Какую ведьму?

— Ту, что по ночам здесь бродила, да девок крала молодых... А вы не смейтесь, не смейтесь! Бог маму уберег. Девки как увидели, что ведьма смотрит на них из-за деревьев — сразу поняли, зачем она пришла. Они костер даже не затушили, бегом оттуда. И заплутали. Вот как, скажите мне, товарищ-всезнайка, они заплутали среди двух улиц? Да тут всю деревню вмиг обойдешь! А они — потерялись... Черт попутал, видать. Бродили среди одних и тех же домов. В калитки, в окна стучались: никто не ответил. Все будто вымерли. Даже собаки — и те молчали.

А потом ведьма эта запрыгнула на девушку одну, остальные испугались и разбежались кто куда. И вот что странно. Как по одинешеньке остались — так сразу путь домой отыскали. Девку ту утром повстречали, только она не помнила уже ничего, даже как на пруд ходили. Одно заладила: мол, дома спала всю ночь. Они с тех пор её стороной обходили. А спустя год повесилась девка. Видать, ведьма доконала её...

Грунтовка кончилась, и под ногами захлюпала размытая дождями липкая земля. Слева тянулась ограда деревенского кладбища, теряясь среди бесчисленных сосен. Я оглянулся. Мертвой деревни за пеленой тумана не видать, зато хорошо проглядывается другое кладбище — расположенное в низине место упокоения старых комбайнов и тракторов. Кабины и мотовила частично ушли в землю и ржавели, всеми позабытые.

Я двинулся по траве, чтобы не месить грязь. В оглушающей тишине леса я мог, наконец, спокойно подумать. Два дня назад Семен позвонил и сообщил, что он в деревне. Сказал, что попал в беду и просил помочь. И бросил трубку. Дозвониться до него мне не удалось. Это все было очень странно. Ведь мы с Семкой не общались уже лет восемь — с тех пор, как жизнь развела нас по разным

дорожкам. Познакомились мы когда-то в институте, близко дружили, но после выпуска, когда я переехал в другой город, общение сошло на нет. Да я и не проявлял особого желания узнать, как у него дела. И сейчас не до конца понимал — чего вдруг решил сорваться и приехать сюда? Наверно, все дело в его голосе. Семен был по-настоящему напуган. Во мне что-то словно переключилось. Не могу похвастаться развитой интуицией, но тут сразу почувствовал, что Семке действительно нужна помощь. Только почему он позвонил именно мне? Неужели за те годы, что мы не виделись, он не завел новых друзей? Или он был уверен, что уж я-то точно приеду? В конце концов, я не раз приходил ему на выручку в студенческие годы. Как и он мне.

Семен когда-то много рассказывал об этой деревне. Каждое лето родители отправляли его сюда к бабке с дедом. Здесь он наловчился разбираться в грибах, собрал тучу ягод, вырыл море картошки, впервые крепко напился и познал первую близость с девушкой, хоть, по собственному признанию, не чувствовал к ней особенной симпатии.

Семен я в деревне не нашел. Только пугающие новости.

Марина Ефимова

...Знамо, кто это сделал! Уж не скажу, есть ли тут Семы рука, но точно говорю, что у Лешки совесть не чиста. Вы вообще видели его? У него же на теле места живого нет — весь в наколах этих... Да ему жизни не хватит грехи искупить! Только и делает, что пьет да бедокурит. Мать с отцом в могилу свел. А Семка... Может, он и был с Лешкой, да только тот его порешил, когда время пришло.

— А как вы объясните тот выжженный кусок земли?

— А я почему знаю? Может, они следы скрыть хотели?

— Но тела ведь не тронуты были. Их позже туда перенесли.

— Чего вы меня-то спрашиваете? Будто я причем!

— Почему все так уверены, что Семен погиб?

— Да... а где же ему еще быть?

— Тело же не нашли.

— Ой, дружок. Да иди ты с Богом уже...

За день до моего приезда старый друг, изрядно потрепанный и будто бы давно не спавший, явился в дом Виктора Ивановича и попросился переночевать. Хозяин по старой памяти принял парня, но расспросить хоть о чем-нибудь не успел. Едва поужинав, Семен рухнул на кровать и уснул. Успел сказать лишь, что хочет навестить могилу деда с бабкой, на которой не был с тех самых пор, как те померли.

Утром он ушел. Проснувшись, Виктор Иванович вышел за калитку и успел увидеть Семена, бегущим в лес со стороны свалки комбайнов. Старик направился следом, но заметил впереди дым. Виктор Иванович направился туда. Пока дошел, дым на пустыре почти рассеялся, и он увидел выгоревшую ровным кругом траву. А внутри круга — шесть мертвецов. Все не местные. Молодые люди, судя по одежде — городские. Четыре девушки и два парня. Тела

не сгорели. Убийца, похоже, и не собирался их сжигать — притащил в круг уже мертвых. Виктор Иванович бросился за помощью, и вскоре на месте трагедии собралась вся деревня. Кое-кто узнал повзрослевших внуков местных стариков. Сами те старики давно покинули этот мир, кроме одной бабушки, подслеповатой, но, тем не менее, опознавшей своего внука.

Полиция и скорая из районного центра прибыли только спустя пять часов. Место осмотрели. Тела убитых увезли. Долго расспрашивали жителей, прочесали окрестности, посетили каждый дом, сеновал, сарай... Побывали на сгоревшей ферме и даже прошли по лесу. Следов убийцы, как и пропавшего Семена — не нашли. Впрочем, Семку как раз не искали. Взмолвленный Виктор Иванович как-то забыл сообщить, что Сема ночевал у него в доме, а затем направился в лес.

Я приехал на следующий вечер после случившегося. Полиция уже отбыла и было не ясно — планируют ли они продолжать поиски виновного. Пустырь же никуда не делся, и я побывал на нем. Местные старики, вообразив, что я имею какое-то отношение к властимущим, накинулись на меня со своими бедами и жалобами на жизнь, словно бы ничего более страшного в их деревни и не происходило. Битый час я доказывал им, что всего лишь ищу пропавшего друга. Мальчика Семку Фролова они хорошо помнили, однако о его приезде никто, кроме Виктора Ивановича, почему-то не знал. Их мнения разделились. Одни вдруг решили, что Семен замешан в случившемся, другие же стали доказывать, что он всегда был хорошим парнем и ничего подобного сотворить не мог. Дело от этого не прояснялось. учитывая давнюю и довольно странную историю, в которую он тут был когда-то втянут... Я решил сам расспросить местных.

В одном я был уверен: не мог Семен убить этих людей. Но каким-то образом он знал, что должно случиться и боялся, что ему тоже угрожает опасность — потому и позвонил мне. Возможно, теперь он был единственным, кто мог бы объяснить, что здесь случилось.

Максим

...Вы уж простите наших, они люди недалекие. Обижать не хочу никого, но мозги свои они давно пропили. Я вам так скажу: это точно провернул кто-то приезжий. Наши такого ужаса бы не сотворили... Это же руками бесов сделано, не иначе! Нет, вы не подумайте, что я вам тут сказки рассказываю. Но... Кое-что было пару месяцев назад. Ночью как-то выбрался я на двор, по нужде. По ночам такая тишина стоит! Слышно как кролики мои копошатся в клетках. И вдруг — шепчет кто-то. Вроде как в палисаднике двое, между собой... Я было решил, что ребятня забралась потискаться. Я не против, сам молодым был, да и молодых-то в нашей деревне — раз-два и обчелся. Но ладно бы они на скамеечке по-тихому сидели, а то ведь как придут — грядки потопчут, горох пооберут... Пошел я, значит, проверить. Чем ближе подхожу, тем громче шепот... Только неладное с ним что-то. Словно один человек говорит. Оно ведь как бывает: если один говорит — другой отвечать должен? А тут все без устали один голос бубнит, будто молитву зачитывает. И молитва странная

какая-то. Замер я у калитки и стал прислушиваться.

Человек я не трусливый, но тут меня мороз пробрал. Голос женский был и повторял одно и то же. «Актриса из меня никакая». Что за черт, думаю?.. А у меня на той калитке засов только изнутри, с той самой стороны, где я и стоял. И скрипит он страшно, на всю округу. И вот я услышал скрип засова! А кто его открывать-то мог, если я не трогал?! Перепугался я, кинулся в хату и заперся там.

Утром сходил проверить. В палисаднике грядки не потоптаны, следов нигде никаких, а вот калитка и впрямь открыта! Я уж грешным делом подумал, что сам её накануне закрыть забыл, а остальное — так, причудилось. Может, даже во сне.

Боюсь, в тот момент я не осознавал всей опасности. Ведь речь шла об убийстве шести... Или, возможно, семи (если Семен тоже мертв) человек! Что мешало мне стать очередной жертвой?! Но что-то вело меня. То же самое чувство, которое заставило поверить словам Семена.

Пока я шагал в задумчивости по лесу, туман рассеялся. Размытая дорога уходила вперед, где начиналась новая чаща, захваченная исполинскими деревьями, а вправо шла протоптанная тропинка, которая далее вновь разветвлялась, уходя с одной стороны в такой же темный лес, а с другой — к выкошенному полю. Я вспомнил примерное описание дороги, которое мне дал Виктор Иванович и повернул в лес.

Там пахло сыростью и болотом. Деревья стояли так плотно, что закрывали и без того скудный свет затянутого тучами неба. Мягкая земля утопала под подошвой кроссовок, и они мгновенно промокли от сырой травы. Тропинка затерялась. Меня окружали неизвестные грибы, трухлявые пни, холмы муравейников и жирные пауки, свисающие на блестящей от влаги паутине между деревьев. Не знаю, так ли часто ходили сюда местные, как об этом говорил Виктор Иванович... Не желая заблудиться, я шел строго по прямой, упорно перебираясь через гнилые бревна и поникшие тонкие осинки. Казалось, среди хвойных гигантов, устремившихся в небо, этим хиленьким новичкам не было места, и они погибали, едва начав жить.

Я внимательно осматривался, чтобы отыскать хоть какие-то следы Семена: лоскут одежды, личную вещь — хоть что-то... Заслышав громкий треск, я вздрагивал — разве кто-то мог невидимым идти рядом со мной и наступать на сухие ветки? Когда внезапно налетающий ветер шумел в ветвях, я замирал и вглядывался в чащу, готовый броситься прочь при первом признаке опасности.

Затем густой запах леса одурманил меня, и я забыл о страхе, погружившись в почти медитативное состояние. Всякие мысли о плохом ушли.

Когда под ногу подвернулось что-то твердое, я пнул это что-то в сторону, и встал, пытаясь разглядеть предмет. Это оказался стоптанный ботинок, старый, но еще не покрытый паутиной и не успевший сгнить в здешней сырости. Ботинок был явно брошен тут недавно. Я поднял его и рассмотрел внимательно. Зажав улику в руке, я с удвоенным упорством принялся пробираться сквозь чащу и вскоре заметил еще кое-что. В траве черной змеей поблескивала

размотанная киноплёнка. Идя по её следу, я и нашел Семена.

Он лежал в траве, разбросав руки и ноги в стороны, словно бы просто прилег отдохнуть. Плёнка уходила в бобину, валявшуюся у его ног. На куртке темнело пятно и, подойдя ближе, я понял, что это.

Значит, я опоздал.

Мой друг убит. Корка засохшей, почерневшей крови покрывала его шею, скрывая от глаз небольшую аккуратную рану. Остекленевшие глаза Семена уставились в небо. А лицо... оно как будто не изменилось с того дня, как я видел своего друга в последний раз.

Присев рядом, я осмотрелся, но не заметил никаких следов, кроме собственных.

— Как же так? — прошептал я вслух.

От усталости я почти не испытывал горечи, как и удивления. Чего-то подобного я уже ожидал. К тому же, после стольких лет, чувство близости притупилось. Но все-таки — ведь именно я приехал, когда он попросил о помощи. Именно я пошел в этот лес, чтобы найти его...

Что же делать теперь? Нельзя Семена оставлять здесь. Я взглянул на часы: с момента, как я покинул деревню, прошло уже два часа. Я забрался довольно далеко, а возвращаться обратно, неся на себе мертвое тело, получится еще дольше. Пожалуй, без помощи не обойтись. Надо вернуться, позвонить от кого-нибудь из местных в полицию, сообщить о случившемся. Кажется, в доме Светланы есть телефон.

На всякий случай я осмотрел карманы погибшего. В них нашлись несколько купюр, горстка мелочи, связка ключей, мобильник с севшим аккумулятором и сложенный пополам лист бумаги. Все вещи я убрал на место, взял только бумагу. Развернул листок и прочел.

Виктор Иванович

...Ну, извини! Ну, не так я тебя понял. Значит, с Сёмкой вот такая история была... Десять лет назад наш клуб целехонький еще стоял. Молодежь летом приезжала к старикам. Все они в этот клуб и ходили. Где тут молодым отдохнуть еще? Ну, танцульки устраивали, да в бильярд играли.

Но клуб-то наш не просто так сгорел. Не очень любят об этом болтать. Одни не верят, может, а другие — побаиваются. Когда-то в клубе фильмы крутили. Зал там был отдельный. В последние годы он все закрытый стоял. Фильмов новых не завозил никто. Так вот, в ночь пожара, Семен пришел в клуб и давай подначивать Верку-заведующую, чтобы она фильм какой включила старенький, если пленки остались. Народ его поддержал. Верка сначала противилась, а потом сдалась. Открыли зал. Нашли какую-то пленку неподписанную в закромах. Некий умелец разобрался с аппаратурой. Не сразу, но удалось им запустить фильм.

Я, знаешь, слукавил немного, сказав, что случайно тогда в клуб заглянул. Я, бывало, выпью — и так и тянет меня туда. Приставал все к молодым... Не со зла, конечно! Так, по-дружески. Ха! Душой-то я еще молод! Знаешь, бывает и сейчас, как лишку хватану, так ноги меня туда и несут. Прихожу к пустырю

и соображаю, что ведь нету тут давно ничего. А ноги все равно каждый раз сами ведут. Но подолгу я там не бываю: жутко.

В ту ночь Верка и погибла. Замешкалась, когда все побежали, ну, и затоптали её. А когда полыхнуло, она там осталась. Семен сразу куда-то убежал. Может, испугался сильно: виноватым себя почувствовал. Но другие-то против него ничего не имели. И то сказать — откуда ж ему было знать?

В тот день, видать, Бог меня отвел. Подоспел я, когда пожар уже начался. Так что все, что до этого было, только по чужим рассказам знаю. Фильм, который они пустили тогда, больно странным оказался. Черно-белое кино, очень старое. В начале даже названия нет. А вместо него — сразу картинка: девка молодая. Сидит на экране, значит, у зеркала, прихорашивается. А показывают её сзади. Затылок и спину немного видно, а лицо в зеркале отражается. И вот в отражении кто-то еще показался. Прямо у девки за спиной. Она как будто и не видит его, взялась ресницы подкрашивать, а тот, у нее за спиной, приближается, и в руке нож блестит. Все решили, что это фильм ужасов какой-то старый, хотя их у нас отродясь не крутили.

Ну, молодежь любит нервишки пощекотать, смотрели с интересом. Подошел, значит, этот мужик к ней сзади, а она уже веки чем-то мажет, глаза закрыты — не видит его. Лица того мужика не разглядеть, оно вроде как под капюшоном. Он проводит рукой по ее волосам, девка глаза открывает, улыбается... И вот на этом-то месте все из зала и рванули. Точнее, не совсем. Кто-то, наоборот, оцепенел от страха и остался сидеть, но ненадолго. И увидел, как она ему шею подставляет, пока он гладит её. Выходит, знала, что он там. А маньяк — хрясь! Нож ей в шею и всадил! Вот тут и остальные сбегли. А испугались, конечно, не убийства. Девка та, в фильме, при свечах сидела. И когда убийца ее ножом пырнул, шарахнулась и свечу уронила. И все там загорелось. И экран тоже загорелся.

— Как это?

— А вот и думай! Началась толкучка, Верку придавили. Все сбежали. Самые расторопные кинулись за водой, но ведь старое-то дерево горит ого-го как! Вспыхнул клуб как спичка. Когда с водой соорганизовались, тушить уже нечего было. А вот почему народ до пожара еще побежал? Они потом наперебой всем рассказывали, что, когда тот мужик в фильме по волосам девчонке провел, к ним будто тоже кто-то к затылку прикоснулся. А те, кто сразу не убежали, а уже сидеть остались — у тех на другой день все шеи в синяках были. Как раз в той точке, куда девчущку убийца заколол.

«Привет, Кирилл!

Если ты читаешь это, то все плохо. Пожалуй, я был обречен с того самого дня, как посмотрел этот фильм. Я долгое время не понимал, что виной всему — та пленка, а с тех пор, как понял, не переставал корить себя, что обрек на мучения столько людей. Не спроста вышло так, что пленку в ту ночь нашел именно я... Бабушка рассказывала мне много странных... жутких историй, но я думал, что это обычные деревенские побасенки. Прошло много времени, прежде чем я смог узвать одну из её историй с этим фильмом. Думаю, многие из местных еще

помнят... Спроси их про старого фокусника, что приезжал в деревню в 69-м!

Я заметил неладное не сразу, лишь спустя два года после пожара в клубе. Сперва почувствовал, что за мной кто-то следит. Затем... я стал видеть этого человека. Клянусь, он появлялся повсюду! Он словно играл со мной, возникая то тут, то там. Я встречал его на улице, в автобусе, в других городах и даже за границей. Эта тварь преследовала меня, но никогда не нападала, выжидая, видимо, что я окончательно свихнусь. Я потерял всех друзей, девушку. Даже родители начали думать, что я сошел с ума и почти перестали со мной общаться. Чем больше проходило времени, тем чаще я видел его, и понимал, что грядет что-то страшное. Не знаю, видели ли его другие, из тех у нас, кто видел фильм, но почти уверен, что да. В ту ночь он на каждом из нас оставил свой знак...

Когда я понял, что дело в фильме, я попытался избавиться от пленки. Она не сгорела, как все думают. Я забрал её. Не знаю, что меня на это подтолкнуло, но в ту ночь, когда я пришел в себя и был уже далеко от клуба, оказалось, что пленку я унес. Я сжимал ее в руке! Я больше никогда не смотрел этот фильм и даже боялся узнать, чем же он кончился. Может, если бы я узнал, смерть настигла бы меня раньше. Я пробовал утопить пленку в реке, но по возвращении нашел ее на столе в своей комнате. Затем я пытался сжечь её. Видел, как она сгорела дотла... И... И снова вернулась. Я разрезал ее на мелкие кусочки ножницами. Но это тоже не помогло.

Три дня назад я услышал, как он зовет меня... Скорее — почувствовал. Меньше всего мне хотелось возвращаться в деревню после стольких лет, но я не мог противиться его воле. Очнулся я уже здесь. Первым делом направился к Витьке, зная, что он не оставит меня на улице. Утром хотел уехать, но автобусы ходят лишь дважды в неделю. Я собирался попросить кого-нибудь из местных отвезти меня в район, но снова услышал зов. И тогда позвонил тебе... Не смотри, ладно? Не смотри...»

Я убрал письмо Семена в карман. Что за безумная история?

— Прощай, — прошептал я, глядя на мертвое тело.

Подняв бобину, я принялся сматывать пленку, а когда с этим было покончено, отправился в обратный путь. Все так же, держась ровно по прямой, через чашу.

Я боялся, что мог сбиться с направления, но обратная дорога заняла куда меньше времени, и вскоре я вышел на поляну. После темной чащи возвращение под хмурое небо, с затерянным где-то в его глубинах солнцем, было почти прекрасным. Хотя было пасмурно и мрачно, даже птицы молчали, а со стороны деревни не доносилось ни звука.

Пройдя мимо кладбища, я заметил, что на окраине, над одним из домов, поднимается густой черный дым. Я узнал дом. И побежал.

Света

...Все дело в старой аппаратуре. Ею до того просмотра Бог знает сколько не пользовались, вот и загорелось. А уже люди навидумывали всякого!

— Но почему загорелся экран?

— Да кто его знает? Я что, эксперт? Не мое дело такие вопросы решать.

Перетрухнули там все, от фильма этого. Я вот Машке, дочке моей, вообще не разрешаю ужастики никакие смотреть. Ничего там доброго нет. Вот раньше кино хорошее снимали... А чего вы так за эту историю схватились? То, что Семка там был, так это ничего не значит. Ему откуда знать, как оно все кончится? Ну, захотелось молодежи кина посмотреть, и что?! Они ж по вечерам сплошь самогоном заливались, да танцульки под одни и те же кассеты устраивали. Вы тут можете и дальше копать, но ничего нового не выкопаете.

— А вот вы сами мне рассказали историю про ведьму. Вам не кажется все это странным?

— Странно, конечно, странно! Да только я-то знаю, где правда, а где выдумка! Наши же наговорят вам, взбаламутят почему зря. Синяки у них там появились, по волосам кто-то гладил. Друг дружку пугали и только. А синяки их кто видел? Вы видели? И я не видела... Вы тут можете долго копать — ничего не накопаете.

Виктор Иванович курил самокрутку и глядел на огонь, пожирающий мою старенькую «Тойоту». Пламя хрипело, свистело и завывало. Воняло жженой резиной и пластиком. Когда я вошел во двор, старик обернулся и кивнул с таким видом, словно ничего необычного не происходило. Затем он отбросил самокрутку и наклонился к земле. Его правая рука скрылась в густых зарослях крапивы, а через секунду появилась оттуда с ружьем. Наставив оружие на меня, Виктор Иванович снова кивнул и громко сказал:

— Давай сюда!

Тяжело дыша, я смотрел на полыхающей автомобиль, теряясь в догадках от происходящего.

— Что это ты наделал? — изумился я. — Старый ты козел!

— Давай фильм, — спокойно ответил он.

Я посмотрел на катушку с пленкой у себя в руке, словно увидел её впервые и, вскинув взгляд на Виктора Ивановича, спросил:

— Зачем ты убил их?

— Они уже, считай, были мертвы. Просто смерть немного припозднилась.

— Кто ты такой?

— Просто отдай мне фильм и уходи на все четыре стороны.

Считать, что он меня отпустит, было глупо, и я просто шагнул к огню.

— Неа, — сказал он. — Ты же знаешь, что ничего с ней не сделаешь! Разве Семен тебя не предупредил? Она все равно вернется, так что давай избежим лишнего проблем, и ты просто отдашь пленку по-хорошему.

— Почему ты сам не забрал её? — спросил я, рискуя сделать еще один шаг в сторону горящей машины. И тут меня оглушило. Выстрел пришелся в землю под ногами, но на секунду я подумал, что меня зацепило. Сердце рвануло галопом.

Максим

...Черт его знает, что там по правде случилось. Но не верить тем, кто там был, не могу. Видел своими глазами синяки эти: у пятерых были. На одном и том же месте! В то лето родители всю молодежь увезли от греха подальше, как

только слышали про эту историю. Да и... Сами подумайте! У нас в деревне и прежде всякое случалось, но после того фильма — будто под откос кинулось. Вот хотя бы убийства эти. Говорю — это дело бесов, ей Богу! Ну, не просто же так были убиты все, кто фильм той ночью смотрел! Мне почему-то кажется, что этим ребятам суждено было погибнуть еще тогда... Просто судьба их только теперь настигла. Бог знает, что это за фильм проклятый, но уж точно, что не обычное это кино. Нельзя его никому показывать! Я на Семена ничего не скажу... Только зря он все это с фильмом затеял! Может, и сам не понимал....

— Вы уверены, что никаких копий пленки нет? Кто вообще фильмы в клуб привозил?

— Кто привозил — не знаю. Говорят, Верка, когда её Семен уговаривал зал открыть, сказала, будто фильмов там нет давно, а пленки все у неё дома. А он настоял — сказал, мол, что-то да найдется. Я вот и думаю, может он с собой пленку ту притащил? Парень тот, что фильмы крутил — Санькой зовут, Максимов пацан, говорил, что именно Семка фильм отыскал. Кто бы тебе что не говорил, но Семка ведь не зря вернулся. А где теперь его искать? Мертвые есть, а Семки нет? Вот и думайте сами, кто виноват, а кто прав...

Виктор Иванович перезарядил ружье.

— Ладно. Наверное, ты имеешь право узнать, раз уж помог мне, — сказал он. Деревенский тягучий говорок его сменился грубыми, резкими нотами в голосе. — Витька был довольно труслив, а мне приходится мириться с его повадками. Такова моя участь. Все могло бы обойтись проще и даже без твоего участия, если бы это тело было попроворнее, а Семен податливее. Но он был непростым малым: мне удалось его только ранить. Рана, понятное дело, его все равно добила, но до фильма я добраться не смог. Ты не представляешь, каково мне было все эти годы...

На секунду он отвлекся, но я не рискнул сделать вперед хоть шаг. От выстрела в ушах все еще звенело.

— Так долго ждать, не имея возможности добраться до них! Все, на что хватало сил — медленно сводить их с ума. Запугивать. Пока, наконец, я не обрел голос. Они последовали на зов как послушные овечки.

Я слушал его и прикидывал: получится ли сжечь пленку? Что, если из этого ничего не выйдет, и она снова вернется к своему владельцу? Но почему тогда этот лже-Виктор так боится, что я брошу её в огонь? Может, он сам не уверен...

— Ну ладно, хватит болтать. Отдай фильм, и мы распрощаемся.

— И ты просто отпустишь меня?

— Конечно, — искренне ответил он. — Ты мне ничего не должен. Свое дело ты выполнил.

На какое-то время я задумался, затем кивнул и направился в его сторону.

— Вот правильно, — подбодрил он. — Ты умный парень.

Он стоял ближе к огню, и когда до него оставалась пара шагов, я протянул вперед бобину. Он вытянул руку, которой придерживал ствол, тем самым потеряв возможность прицеливаться. Этого мне было достаточно. Я рванул

в сторону, одновременно откидывая пленку. В огонь ее! Виктора Ивановича это ошарашило. Я кинулся через открытые ворота во двор и спрятался за поленницей — за миг до того, как выстрел выбил полено у меня над головой. Присев, я рискнул выглянуть, но новый выстрел чиркнул по полену рядом с лицом.

— Выходи! — выкрикнул он. — Ну, почему же ты такой дурак?!

Я попятился в глубину двора, отыскивая глазами выход. Единственный открытый путь — огород впереди, но калитка закрыта, и бежать надо через весь двор. Я окажусь прямо на линии огня.

— Я не люблю долгие игры! — прокричал он. Голос прозвучал совсем близко.

Виктор Иванович

...Семен тебе не просто так звонил. Не думаю, что вина его тут есть. Видать, чувствовал, что беда близко. Дай Бог, он жив еще и найдется. Может, расскажет чего. Менты-то всю деревню перерыли. Нету его тут. Он точно в лес подался с испугу. Сам видел. Кто бы по грибы да по ягоды пошел, могли бы и отыскать его... Но после такого в лес теперь не скоро сунутся. Я бы и сам шукать пошел, но боязно, такой уж я человек. Собралось бы с десятков мужиков... Но только не поднять их никому. Ни тебя, ни меня слушать не станут. Может, и родители погибших ребят помогли бы? Так нет — они ж теперь все в районе... Горе какое. А Семена никто искать не поедет. Некому искать его... Кроме тебя.

Поленница заметно шаталась — похоже, настоящий Виктор Иванович не утруждал себя аккуратной укладкой. Я невольно вспомнил, как однажды, собравшись с друзьями в баре, мы играли в «Дженга». Только здесь правила немного другие... Заметив полено, которое пока еще удерживало всю конструкцию, я прикинул, в какую сторону произойдет обвал. Полной уверенности у меня не было, как и других вариантов.

Я подскочил к полену и ухватился за него в тот самый момент, когда на встречу вышел Виктор Иванович. Дернул полено, но оно держалось крепко, придавленное большим весом. В отчаянии я дернул снова и тут — громохнуло. Боли я не почувствовал. Меня отбросило назад, двор наполнили грохот и треск, в котором потонул крик мужчины.

Ощущая жгучую боль в левом плече, я поднялся и взглянул на развалившуюся поленницу, похоронившую под собой Виктора Ивановича. И вдруг заметил движение. Верхние деревяшки затряслись и покатились по бесформенной куче. Послышался стон. Я бросился к горящей машине. Сунул сухое дерево в огонь, и когда оно занялось, швырнул обратно в кучу, откуда доносились стон и неразборчивое бормотание. Чем он поджег машину? Я оглянулся по сторонам. У палисадника стояла канистра. Подбежал к ней, схватил, отвинтил крышку и, вернувшись, выплеснул содержимое на кучу дров. Вспыхнуло. Яростный вопль раздался из-под завала. Пальцы с побелевшими от напряжения костяшками выбрались наверх, но их охватил огонь.

Дикий рев прокатился по деревне.

Света

...Ту историю не забыть — сама была на том представлении. В наши края в те времена артисты редко заезжали. Ну, если только хор районный выступит или ребята сами спектакль устроят. А тут, вишь чего — из самой Москвы фокусник приехал. А на афишах-то написали, что прямо маг настоящий, потомственный.

Фокусы он хорошие показывал, руки у него — сразу видно — ловкие. После представления наши разбрелись по домам, и я тоже пошла со своими. Часов в одиннадцать, когда мы уже спать легли, приперся к нам Яшка. Говорит, Саша пропала. А Саша — это дочь Витальки Макарова, покойничек он уже. Красавица девка была. Ей тогда только шестнадцать исполнилось, а ребята за ней уже ухлестывали, да морды друг другу били. А она только, знай, в сторонке стоит и улыбается. Никому прямого отпора не давала, но и близко не подпускала.

В общем, поперся Васька мой искать её вместе с другими. Деревню всю перерыли. Часа два убили, пока не нашли на Витькином сеновале. Сам Витька дрых спокойно, а этот фокусник заезжий приволок Сашку на сеновал и устроил ей там отдельное представление. Притащил реквизит какой-то, аппаратуру даже поставил, вроде как кино снимать собрался. Она-то дурочка молодая, прости господи, на москвича глаза вылупила, да уши развесила. Вот там он её и прирезал, и на пленку заснял. Мужики, когда на сеновал пришли, увидали Сашку с ножом в шее. А убийца... Он там везде свечей поставил. Сеновал-то пустой был, но все-таки кой-какая солома на полу валялась. Ну, и вспыхнуло. Убийец этот огонь затоптал, но тут как раз по его душу пришли.

Мужики-то сильно взбесились: забили фокусника этого прям на месте, а там и сеновал сожгли вместе с телом. История вся так и осталась в тайне, хотя фокусника этого, мага, искать приезжали, но — не нашли. Трупку свою он раньше отпустил, они в район уехали, а мы все сказали, что спали по хатам.

— А Саша?

— Про Сашу сказали, будто пропала она в ту ночь. Похоронили её на кладбище сами, в могиле без имени.

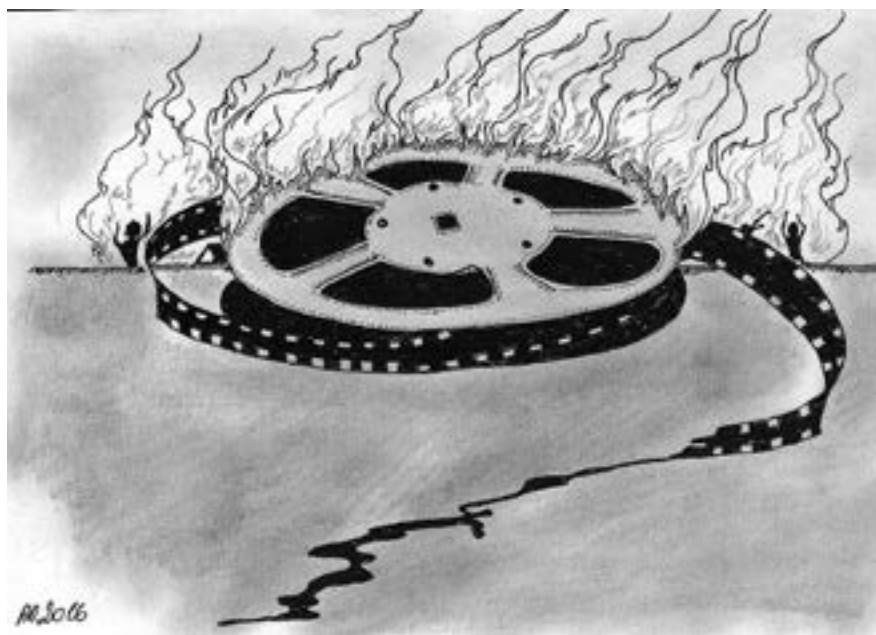
— Почему вы же сразу не рассказали, откуда фильм?

— А что ж, всякому нужно о таком говорить? Мы эту тайну берегли сколько лет! С ней и умрем

— А мне рассказывать не боитесь?

— Дак ты теперь видел сам побольше нашего. Я тебе еще вот что скажу: другие будто и не заметили, а, может, только вид сделали. Но ты знай: всех, кого он в этот раз погубил — это все внуки тех, прежних... Кто в ту ночь на сеновале был. Кроме Семки...

Вишь как. Одно зло за собой другое тянет. Может, и не стоило нашим так поступать? Да только кто об этом тогда думал? Ладно, тебе пора уже. Если что — никто тебя тут не видел. О Семке мы позаботимся. Я там сложила тебе кой-чего поест в дорогу, сумку возьми. А Васька тебя на мотоцикле подбросит до района. О ранении своем не волнуйся. Это так, царапнуло только.

Поездка в жесткой люльке старого «Ижа», где вместо кресла были пристроены изодранные одеяла, вымотала меня вконец. Приняв сумку и немного денег от молчаливого Василия, я поблагодарил его за все, получив в ответ лишь неопределенный взмах руки.

Автобус прибыл через пару часов. Заняв свое место на вмятом скрипучем сиденье, я, наконец, остыл, расслабился и даже подумал, что удастся вздремнуть. Пока вокруг гомонили пассажиры, рассаживаясь по местам, я полез в сумку, стоявшую в ногах, с желанием перекусить. Долго шарил там, нащупывая пакет. Достал несколько бутербродов. И снова полез в сумку — за водой, но наткнулся пальцами на что-то металлическое. Вынув предмет, рассмотрел его под тусклыми автобусными лампами и понял, что уснуть не смогу.

В руке я сжимал катушку с пленкой.

БАСИЛИЙ РУЗАКОВ

Автор о себе: «Рузаков Василий Викторович, 39 лет. Родился в Москве, окончил отделение журналистики филфака Ивановского государственного университета. Живу в Иваново, занимаюсь переводами фильмов и являюсь бессменным редактором музыкального раздела вебзина „Даркер“, где состоялся и мой литературный дебют с рассказом „Теперь мой труд окончен“. Время от времени пишу обзорные статьи и рецензии для „Мира фантастики“, веду сайт bloodsexcult.org».

ПРАЗДНИК

Не нравился мне этот трактирщик. Его глаза были спокойны и серы, как небо над морем. Он знал, что нам больше некуда пойти.

— Цены выросли, людей приезжает все больше, — мой собеседник пожал плечами, — мы со старухой и так едва успеваем готовить. Наш святой становится все популярнее.

Ну, еще бы! Этот купеческий город знал себе цену... По слухам, даже в столице входило в моду этак небрежно обронить: я в этом году на Ночь Длинных Ножей собираюсь. Ехать, правда, решались немногие — слишком изнежен тамошний народ, для настоящего-то веселья.

— Милый... — протянула моя подруга. Менее чуткое ухо не уловило бы, но я по интонации понял: если сейчас мы пойдем искать другую гостиницу, то там я буду спать на полу. А мне бы этого не хотелось.

Я катнул по прилавку монеты и получил ключи.

В Священном Городе, из которого мы происходили, подростков не поощряли к путешествиям за границу. А вот молодоженам, наоборот, предписывалось вместе постранствовать — чтобы убедиться, что жрецы-правители знают, как лучше жить.

— Так, дорогой, мы поедem в купеческий город, — заявила моя супруга с ходу — в первое же утро после нашей свадьбы. Обычно молодожены проводят его иначе. Если, конечно, верить тому, что они говорят...

Заметив мое недовольство — все-таки, у мужа должно быть право голоса, а? — она потянулась (и сделала это так, чтобы я обо всем забыл) и мечтательно промурлыкала:

— Подумай, мы оба из Священных Городов. Здесь на каждом углу — по храму, нами правят священники и все расписано за нас — на страницах книг самого почтенного возраста...

Такое начало заставило меня нахмуриться — не стоит сомневаться в Отцах Города и их учении — это опасно и глупо.

— Да нет же, — она взмахнула руками и повернулась ко мне точеным бедром, — я знаю, что мы живем лучше всех, но интересно же увидеть и другие

порядки. Только представь: те, кто живут там, надеются на силу тел, а не молитвы, ими правят не жрецы, а торговцы. Неужели тебе не интересно?

Я улыбнулся...

— А куда именно мы собрались? Ты уже решила?

Тогда-то я и услышал впервые о Городе Священных Ножей.

— Есть один город, — сказала она грудным, волнующим голосом, — в нем жили торговцы, они плавали по морю. Их город столько раз завоевывали, разрушали вражеские набеги... У жителей уже не было сил его восстанавливать. Но однажды их молитвы были услышаны...

— Ага! Вот видишь, и они не живут без молитвы! — воскликнул я. Как муж, я обязан заботиться о благочестии жены.

Она облизала губы — и мои мысли сразу поменяли направление...

— Не прерывай, я еще не закончила, — сказала она. — Ответ на их молитву был ужасен. Когда город снова осадила вражья армия, купцам был послан Святой Покровитель. Вооруженный двумя тяжелыми ножами, ночью он прошел по лагерю напавших, убивая всех. С тех пор и возник этот странный обычай: в Ночь Длинных Ножей, раз в году, Святой Покровитель возвращается в город и убивает всех чужаков, которых найдет.

— Но ты же не хочешь?..

Она даже подпрыгнула от восторга.

— Конечно, хочу! Мы поедем на этот праздник. По обычаю, мы можем защищаться и, если его убьем, то нас не будут судить. Наоборот: нам дадут ключи от городской сокровищницы. Подумай: этот город торговал веками, а нам позволят взять оттуда все, что мы сможем унести в руках.

Я задумался. Но все же спросил:

— А что, если он нас убьет?

Как она смогла с места прыгнуть в мои объятия — я не знаю, но... Ее поцелуй был влажным и страстным, способным отстоять ее правоту в любом вопросе. Но когда у нас кончился воздух, она спросила:

— Разве ты не сможешь защитить меня — от чего угодно?

Дом и правда был полон, хозяин не соврал. За ужином, кроме нас и хозяев, собралось еще трое. Пестрое, скажу я вам, вышло сборище. Был наш земляк-северянин, плотный, с усами подковой — настоящий мужик «из лесов». Никого не дожидаясь, он уплетал свой завтрак — но по сторонам посматривал. Парочка других жильцов, как и мы, только что спустились к трапезе и теперь по очереди умывались в железном рукомойнике.

В кресле во главе стола, к моему облегчению, сидел не уже знакомый нам бирюк-трактирщик, а пожилая женщина. Присмотревшись, я понял, что к ее креслу приделаны колесики. Перехватив мой взгляд, хозяйка пожала плечами:

— Ноги у меня больные, сынок, приходится вот кататься, а не ходить. Вы проходите, располагайтесь, но сначала помойте руки. А потом я покажу вам южное гостеприимство. Боюсь, мой сын обошелся с вами сурово?

— Да, госпожа, — с неожиданной кротостью отозвалась моя супруга — наверное,

пожалела больную. Старушка покачала головой:

— Он знает, что если вы не согласитесь, то найдутся другие. Так и есть, милые, так и есть: наш Святой Покровитель очень популярен. Но я никак не могу вколотить в башку своему сыну, что это еще не повод грубить гостям. Все мы, люди, такие, все со своими причудами. Давайте, давайте — руки мыть и за стол.

Молодая пара, умывавшаяся перед нами, уже принимала тарелки: круглые, высокие, почти как чашки без ручки, только шире. От нежных отбивных из свежайшего мяса, поднимался пар и распространялся такой дразнящий аппетитный аромат, какой бывает только на Юге.

— А что, — спросила девушка — ухоженная, но одетая слишком вызывающе, — ваша Ночь Длинных Ножей — сегодня?

Наша хозяйка улыбнулась — тепло, словно бабушка внукам.

— Видишь ли, дорогая, наш Святой Покровитель навещает нас не только ночью — с ним и днем вполне можно повстречаться — там, где людей немного. А потом и не одна это ночь... Он посещает нас несколько дней, чтобы все успели себя испытать.

— Да, — улыбаясь приятным мыслям, кивнула хозяйка, — наш Святой Покровитель очень добр. И я рада, что к нам на праздник приезжают молодые семьи — это так мило.

Девушка улыбнулась — как мне показалось, немного нервно.

— А мы не женаты. Я — его наемная спутница.

Улыбка нашей хозяйки не дрогнула. Она лишь сказала характерное «а!», которым южане могут выразить так много. А вот моя жена быстренько отодвинулась от соседей: в Священных Городах о любви внаем не то, что не говорили — ее там никогда не встречалось, я уверен. Положение спас наш земляк с усами подковой — видимо ему, как и нам, было несколько неудобно.

— Хозяюшка, помнится, у вас есть задний двор? Он тихий? Там никто не ходит? — он вопросительно поднял бровь.

— Да, белье только висит там себе, сушится. А вам зачем, уважаемый?

— Я, понимаете ли, охотник. У меня дома все стены трофеями увешаны: головы, рога, — он сыто рыгнул и откинулся на спинку скамьи. — Раз, говорите, он и днем появлялся, и все равно никто не знает, где — посижу-ка я там в засаде. Может, получится не голову его — так хоть оружие на стену повесить. Люблю такие украшения! — добродушно улыбнулся он. — Страсть, знаете ли.

Мне стало не по себе от такой непринужденной кровожадности, но старушка только благодушно покивала.

— Хорошо, поговорим после еды. Думаю, смогу уступить вам свой двор...

Я решил перебить их неприятную беседу.

— А если, наоборот, хочется среди людей побыть — куда сходить посоветуете?

— На рынок, конечно! — старушка всплеснула руками. — Вы нигде не увидите столько рыбы — поверьте мне на слово! Ну, и кроме нее — там такие

изумительные редкости встречаются...

Слово «редкости» задело нужную струну. Моя благоверная заторопилась побыстрее окончить завтрак.

Базар и, правда, впечатлял. Дома у нас бывают ярмарки — чинные, в заранее отведенное время, с продавцами, утвержденными законом. Здесь же, рядом с гладью природного моря,

бушевало море человеческое: все торговались, пытались переманить покупателя соседа — или вовсе отвлечь его от чужого товара, чтобы всучить свой. Целые улицы торговали — всем, что только можно пожелать. Удалось раздобыть даже курительную смесь. Она совсем недавно вошла в моду в столице и стоила бешеных денег. Курить ее считалось признаком тонкого вкуса. Жена не прошла мимо этой привычки. В пути ее запасы истощились, и покупка при-
шлась кстати...

Когда мы вернулись, я пошел отнести тяжелые сумки с покупками наверх, а жена выскользнула на задний двор покурить.

И вернулась почти сразу же — бледная, дрожащая, с незажженной курительной палочкой, прилипшей к нижней губе.

— Милый, зачем я притащила нас сюда?! — шептала она. — Пойдем! Только тихо, я тебе кое-что покажу.

На юге темнеет быстро — удивительно быстро для нас, северян. Хотя сумерки были еще того прозрачного сине-

го цвета, что держится всего не-

сколько минут — теплый свет из гостиницы уже разбавляло холодное сияние первых звезд. Легкий ветерок играл с простынями на заднем дворе, заставляя

Я даю вам шанс

**Шанс нужен всем. Вторая
попытка, чтобы все исправить.**

**Однако не все осознают, что
поступают неправильно.**

**Именно таким и ниспослан
он — Мессия, дарующий шанс.
Он придет, и тогда — нечестивца
ждет настоящий ужас...**

Читайте в черной серии MYST!

их колыхаться. Двор выглядел уютно, как на картинке из сказки — но вот с деревом во дворе что-то было не так.

Среди листьев — обычных, казалось бы, листьев — качались длинные, тонкие полосы. Здесь же были и плоды — они свисали на тонких стеблях и все, кажется, были немного разными. Сумерки наливались силой, и разглядеть все четче не получалось, но... Что-то там было не так. Я испугался этого дерева.

Мы, мужчины, часто идем туда, куда не хотим, и делаем то, чего не хотим делать — если на нас смотрят наши женщины. Моя жена смотрела — глаза ее расшились так, что занимали, кажется, пол-лица. Пришлось идти.

Мой взгляд притягивал один из плодов — крупнее других и не свисавший с ветки, а растущий прямо из развилки, словно жуткий гриб-чага.

Плод этот влажно блестел в бледном звездном свете. Неожиданно я понял, что вижу глаза и зубы, часть которых уже выбита...

Это был не плод, а голова охотника — того самого, что несколько часов назад хвастался любовью к засадам и трофеям. Теперь он и сам стал частью чьего-то собрания: тяжелые ленты, свисавшие с веток, были ремнями из кожи, а «плоды» — внутренними органами, которые кто-то развесил по веткам. При всей жестокости зрелища была в нем какая-то безумная изысканность, отточенное умение.

Я повернулся к рыдающей жене и, еще не понимая, как поступить, не зная, что здесь принято делать в подобных случаях, увидел нашего хозяина-трактирщика.

Тот подошел, глянул. И, хмыкнув, сказал:

— Полагаю, можно вывесить знак «сдается». Комната ему больше не понадобится.

Мы были напуганы, но все же решились выйти к ужину. Возле очага и среди других людей думать об этом зверстве (Святой! О, боже, они называют его — Святой Покровитель!) было не так страшно.

Те, кого накануне мы приняли за супружескую пару, повели себя очень странно. Парень, излучавший вчера самодовольство, поник и нервничал, а девица, его наемная спутница, злилась. Отщипывая тонкими пальцами куски хлеба, она мяла их в руках, а потом ела, запивая бульоном.

— Хотите пирожки с мясом? — спокойно, как ни в чем не бывало, спросила хозяйка. Меня передернуло, а старуха в кресле на колесах рассмеялась. — Ах, да! Вы же впервые здесь.

— А что? — спросила моя жена. — Есть такие, что решают не раз пройти через это кошмар?

Старуха нахмурилась с притворной строгостью:

— Ну-ну, дорогая! Не надо так говорить о нашей почтенной, веками чтимой традиции. Вы приехали сами, зная, что здесь происходит. Теперь, пока Святой Покровитель в городе, ворота будут закрыты — и никто из наших гостей не уедет. Может быть, Святой Покровитель вас и не встретит. Может быть, вы сумеете победить — хотя пока такого не случалось. Вы можете даже прятаться от него! Словом, у вас есть выбор. Но, приехав сюда, вы заключили соглашение — так чему вы теперь удивляетесь? Вот вы, милочка, бывает ведь, заключите

соглашение, которое вам не по вкусу? Мало ли, чего захотят мужчины...

Девушка выпустила из рук очередной шарик и улыбнулась — холодной, обнажившей мелкие острые зубки улыбкой.

— Вопрос не в том, чего он хочет, — сказала она. — А в том, сколько он готов заплатить. Пока цена оговорена, и он не пытается получить что-то сверху — все идет, как идет. Но если он переходит границы... Уверю вас, мы, продажные женщины, умеем постоять за себя.

Наша хозяйка только улыбнулась в ответ.

— В любом случае, как бы вы ни решили провести следующие несколько дней, вам понадобятся силы. Советую поесть как следует.

После завтрака мы решили сходить на пляж — вряд ли Святой Покровитель нападет на нас в толпе. К тому же, морская вода — сама по себе лекарство. Плынешь — размеренно, гребок за гребком, закрыв глаза — и, неожиданно оглянувшись, понимаешь, что, мерно качаясь на волнах, заплыл гораздо дальше, чем думал. В этот момент самое главное — не удариться в панику, а все так же размеренно плыть, но теперь — обратно. И, когда ты доплывешь и вылезешь на теплый песок, облегчение и усталость заставят все заботы отступить. К обеду мы вернулись, перекусили чем-то, купленным по дороге, и решили поспать: местные всегда так поступали, укрывшись за ставнями и шторами от зноя. Мы нашли эту привычку разумной.

Но из прохладной дремоты нас вырвал истошный крик.

Ей зашили рот — видимо, чтобы она не кричала от боли. Оглушили и... Странно, что нитка выдержала, не дала ей заорать во все горло, когда она очнулась.

Убийца взял ее — ту девушку, которая говорила, что умеет постоять за себя — и насадил на кол.

На тот высокий деревянный кол у дверей гостиницы. Святой Покровитель, насадив девушку так, чтобы острое вышло далеко из горла, с мрачной иронией прибил сверху табличку, торчавшую на этом столбе и прежде. «Сдается внаем» — гласила надпись.

Конечно, теперь табличка казалась шуткой, но смеяться никого не тянуло. Ее парень, тот, что оплатил услуги и притащил девушку в этот проклятый город, блевал в кустах неподалеку. Это он и кричал — когда проснулся от полуденной дремы один и выглянул в окно.

Вокруг потихоньку собирались зеваки из соседних гостиниц, стражники, горожане, а я стоял и смотрел, как тело снимают со столбика, стараясь не дать ему развалиться на части, и думал о том, что она чувствовала, умирая. В какой момент ее дикая боль ушла? Когда кол входил в ее чрево, а тело осело под собственной тяжестью? Или позже, когда кол прошел дальше и раздирал уже внутренности, прорываясь вверх, ко рту? Я надеялся, что она умерла быстро, оставив палачу насладиться лишь зрелищем поруганного тела, но не муками

обитавшей в нем души.

Следствия не будет, так как всем понятно, что произошло — приехав сюда в это время, девушка сама отказалась от защиты закона. Святой Покровитель мог убить ее безнаказанно — и именно это он и сделал. С холодной уверенностью я осознавал, что с нами он может сделать то же самое. Каприз жены заманил нас обоих в ловушку.

Мы сидели в кухне — слишком обессиленные, чтобы попытаться уйти к себе, слишком потрясенные, чтобы понимать хоть что-то. И тут в кухню ввалился тот самый парень...

Наверное, будет не правильно назвать его вдовцом? Он явился не один, а с девушкой. Но — какой?!

Подобных мы видели возле рынка — издалека, у куч отбросов, где они рылись. Нечесанные волосы, бледная, нездорового цвета кожа и одежда, состоявшая из слоев непонятно каких одеяний, чудом еще державшихся вместе.

— В моей комнате кровать освободилась, — заявил парень, раскачиваясь на пороге, — вот она и будет там спать. — Мы вступили в брак, понимаешь? Теперь я такой же горожанин, как и все, и ваш проклятый Святой не может меня и пальцем тронуть. А? Хорошо?

— Нет, никогда хорошо не будет, — сказала хозяйка. — Я не сдаю комнаты горожанам и уж тем более — не портовому отрепью вроде нее. Так что выметайтесь оба, живо!

— Да ладно, бабушка, — улыбнулся пьяный, — Ну, что ты злишься? Это вредно. Я же тебе плачу — чего возмущаться?

— Северяне, — сказала старуха, точно сплюнула. — Вы все привыкли мерить деньгами — особенно приезжая сюда отдохнуть.

И хозяйка затрезвонила в колокольчик, который всегда держала под рукой. Ее сын, угрюмый здоровяк, выполз откуда-то из подсобки — видимо, он там спал. Спросонья он был еще неприветливее — пьяный парень даже будто протрезвел от одного его взгляда, а счастливая новобрачная немедленно куда-то испарилась. Вслед за ней смылся и новоиспеченный горожанин — тихо, бочком и кланяясь, бурча что-то себе под нос.

Старушка уже не казалась мне милой. Когда она следила, как пьянчуга покидает ее кухню — у нее аж пальцы побелели. Ее трясло. Лишь когда он выбрался на улицу, ее немного отпустило — она кивнула сыну, и он устроился рядом помогать ей с готовкой.

— Если бы вы только знали... Сынок, Расскажи им. Расскажи им историю о Святом Покровителе.

— Мы знаем, госпожа, — отозвался я, — мы знаем, что он был великим воином, который остановил вторжение.

— Мы даже понимаем, — тихонько продолжила моя жена, — что те, кто грабил ваш город — это наши предки.

— Да, — наш бирюк-трактирщик вместо привычной грубости внезапно заговорил просто, с мягкой печалью в голосе. — Это были северяне. Но насчет остального — то, что вы знаете — не совсем верно. Я расскажу вам, как все было.

Здесь, на море, мы, может, и не на границе живем — но уж точно на перекрестке. Сюда приходят разные люди... И те, кто вел себя странно и не мог ужиться там, у вас. В нашем городе они находили приют, строили дома, заводили семьи... А потом, вслед за ними, пришли Инквизиторы.

Старушка грустно кивала, блестя глазами, а рассказчик, слишком крупный, казалось, чтобы быть ее сыном, ссутулился на табурете, сидя на своих ладонях, как это часто делают дети, и раскачивался в такт словам — он, должно быть, уже заучил их наизусть.

— Они сказали, что те пришедшие к нам люди были Мерзостью, хотя мы не видели от них зла. Инквизиторы жаждали их уничтожить — вместе с новыми родичами, которых они завели уже здесь. Мы не знали, что делать. Наш Покровитель, тогда еще не Святой, а обычный выбранный градоначальник, был в отъезде. Мы не хотели никого отдавать: наш народ, словно море, которое нас кормит: мы принимаем все, но принятое назад без труда или боя не отдаем.

Наши старейшины ответили, что не отдадут людей. Тогда северяне встали осадой и начались Страшные Ночи — их палачи проникали в город и убивали всех, кого хотели; всех, кто не мог за себя постоять. Тех, кто мог, они тоже убивали — не с первой попытки, так с третьей, не с третьей, так с десятой. А потом пришел Покровитель. Он бросил вызов Инквизиторам — и бился с каждым из них, один на один.

— Он победил? — осмелилась спросить моя жена. Сумерки сгустились в комнате, и пламя очага плясало на лицах, как отсветы давних пожарищ и войн.

— Нет, госпожа. Конечно же, нет. Он погиб, перебив при этом много Инквизиторов — сражаясь и днем, и ночью, без передышки. Убив его, чужеземцы наложили на город Проклятие. Вы понимаете, что это значит?

У меня пересохло в горле.

— Это значит, что раз им не выдали тех, кто был запятнан Мерзостью, то они уничтожили всех — мужчин, женщин, детей, — хрипло прошептал я.

— Вот здесь? — с ужасом спросила жена, — На этом самом месте?

— Нет, дорогая, — с горечью усмехнулась старушка, — ведь это было Проклятие Инквизиции, так что город они тоже уничтожили. Стены разрушили, а поля засыпали солью, чтобы никто и никогда не мог больше жить там, где были брошены без погребения наши предки, объявленные Мерзостью. Мы — те, кто успел уйти в леса и смотрел, как Инквизиторы рушат наш дом, их дети и внуки, сумели снова отстроить город, но на новом месте — здесь. Каждый дом на каждой из улиц был восстановлен таким, как был, как мы его помнили. Этот город — давняя, горькая память, воплощенная в дереве и камне. Прошли годы, и мы снова стали торговать с вами, и даже принимать северян в своих домах.

— А потом, — прогудел трактирщик, — вернулся Покровитель. Наверное, он не хотел, чтобы потомки убийц ходили по этим улицам — и он начал убивать их. Первые северяне, на которых он напал, были воины. Они сумели отбиться и заключили договор с отцами города: Святой Покровитель может убивать, но и жертва может защищаться. И если северянин победит, то судить за убийство его не будут. В конце концов, Святой Покровитель мертв уже не один век, настолько давно, что даже историю его на Севере уже забыли. Сначала это

было испытанием воинов, потом приезжать стали и другие удалцы. Уезжали немногие, но некоторые возвращались для новой попытки.

Мы помолчали. Трактирщик встал и принялся зажигать свечи — огонь в очаге уже не мог прогнать из комнаты сгустившуюся тьму.

— Но... Почему вы были так грубы с ними, с той девушкой?

— Милочка, она вышла замуж за нашего гостя, и теперь он «снят с крючка», как говорят у нас в народе. Но это жульничество. Она продала свой народ и его обычаи — за деньги этого северянина.

Все замолчали. Потом я все-таки осмелился спросить:

— А если мы не хотим участвовать в этом кошмаре? Если хотим просто переждать и уехать? Сколько еще ваш Святой Покровитель будет ходить по городу и убивать приезжих?

— Недолго, — сказал трактирщик, — Он будет убивать два дня — ровно столько, гласит легенда, он смог сражаться в поединке за свой народ. Вам осталось пережить одну ночь.

Старушка покивала головой.

— Закройтесь в комнате и никуда не выходите. Хотите, я согрею вам тепло-го молока с медом, чтобы лучше спалось?

Мы с благодарностью приняли предложение. Хотя мы и родились в одном из Священных Городов, какое отношение имела к нам эта давняя война?

Утром, когда я проснулся, солнце светило вовсю, словно тоже радовалось, что кошмар окончен. Из кухни доносился аромат утреннего кофе, и сопротивляться ему не было сил. Моя жена, видимо, и не сопротивлялась — ее уже не было в постели. Я решил последовать за ней и, благодушно щурясь, спустился по лестнице.

Кухонный стол был завален кусками мяса, и старушка-хозяйка, сидя в своем кресле, рубила их большим ножом. Она была вся залепана кровью, и я понял, что кошмар еще здесь. Потому что то, что лежало на столе, отнюдь не походило на свинину. Или говядину, или — что там возможно еще... Нет. Я не сомневался, что это тело еще недавно дышало рядом со мной в супружеской кровати. Приглядевшись, я увидел на краю стола до ужаса знакомую одежду, а на шее у старухи — дорогую и толстую золотую цепь, знак моей любви к жене.

— А, вы поднялись! — старушка с тесаком мило улыбнулась мне. — Извините, ночью я успела покончить только с женщиной. Конечно, правила этого не одобряют и нам придется заплатить в казну города штраф, но вы не переживайте. Сейчас вернется мой сын и по-быстрому вас убьет. Больно не будет — я бы дольше возилась.

— Чт... Что? Как? — только и смог пролепетать я. — Что происходит?

— Так и не поняли? — старуха всплеснула руками и встала с кресла. С наслаждением потянулась, подмигнула мне... — Да, я не калека. Поздоровее многих молодых буду, знаешь ли. Просто так проще входить в доверие, сынок... Так вот, о чем я? Ах, да! Что происходит?.. Видишь ли, история Святого Покровителя — чистая правда, насколько ее можно знать века спустя. Вот только правосудие небесное к нам не спешило. Он не вернулся, чтобы отомстить.

Но... Мы решили взять дело в свои руки.

Я замер, не понимая. А хозяйка, не обращая на меня особого внимания, вернулась к разделке мяса.

— Главное — знайте, молодой человек, что мы не дикари какие-то. У нас всё расписано, всё по обычаю, по порядку. Кто сколько приезжих убил — обязан доложить в ратушу, квитанцию оформить. Иначе как мы потом наградим самых умелых патриотов? Как решим, кто сумеет войти в Верхний Город, переехать на улицу повыше? Награда за все положена, а как же? Ведь дело-то непростое — надо уметь заманить, войти в доверие, да и убить неплохо бы поинтереснее — за это отдельно платят. Вот, например, с охотником или шляхой в этом году — разве не весело получилось? Разве не справедливо?

Я не находил это веселым — хоть плачь. Впрочем, плакать время еще будет — если получится сбежать.

— А самое смешное, — продолжала хозяйка, разрубая кости точными ударами ножа, — что вы, северяне, сами приходите к нам, да еще и платите за право быть убитыми. Ну, разве вы не тупые? Знай вы, что происходит — с нами давно покончили бы! Но мы придумали красивую легенду — и вы идете, как скот на бойню. Хотя, о чем я? Скот-то мяснику не платит!

Она небрежно подняла отрубленную руку моей жены и вгрызлась в мякоть у запястья. Причмокнула.

— Н-да, самое нежное мясо. Сыну все равно, ему лишь бы побольше, а у меня уже зубы не те. И вообще я всегда была гурманкой. Да ты не дергайся, сиди, а то молотком получишь.

Молоток, заскорузлый от крови, стоял у нее под рукой — видимо, дляготовки отбивных, вроде тех, что мы ели на днях, подумал я, борясь с приступом тошноты. Рисковать не хотелось, и я молчал. И думал.

— Да, бывает, кого-то не успеешь убить, особенно в крупных гостиницах — мы-то ладно, семейное предприятие, маленькое. Если они ничего не видели — могут и уехать: расскажут, что пережили, новых любителей острых ощущений приманят. А свидетелей, конечно, отпускать нельзя — приходится убивать даже после срока, как тебя.

Она вздохнула.

— Штраф придется заплатить, конечно. Но мы не дикари — попади в такое положение бедняк — он отдаст свою жертву другим, обеспеченным. А уж те прикончат, когда захотят.

Она захихикала.

— Некоторые, говорят, даже долго живут — но очень мучительно. Мы-то семья старая, с Верхнего Города, чем и гордимся — мы всегда убиваем сразу и сами. И квитанции у нас всегда в порядке — сколько гостей вселилось, столько трупов и приберем. Так что сейчас сын вернется, забудет тебя и сядем ужинать. А потом — на улицу, праздник отметить, перед соседями похвастаться. Я сыну уже праздничную одежду приготовила...

Тут, наконец, в голове у меня что-то щелкнуло, детали сложились. Я бросился на старуху. Она, видимо, следила внимательнее, чем показывала мне —

и кинулась наперерез. Облапила меня, как будто воспылала страстью — а мне этого и надо было. Я нащупал цепь у нее на шее, перекрутил — и начал душить ее щуплое горло. Мы упали, и она билась подо мной всем телом, так, что к ужасу своему, я почувствовал не только страх, но и вожделение.... Потом мне удалось схватить какой-то тяжелый предмет — что именно, я не видел, старухины волосы застили мне глаза — но я начал гвоздить старуху этим предметом — по голове, как дубиной. Бабка хрипела и уже не пыталась удерживать меня, наоборот — старалась уползти. Но поздно — я не отпустил ее до тех пор, пока не услышал влажное хлопанье из ее затылка и не увидел, как гаснут мертвые глаза.

Я отбросил свое оружие — это оказался молоток, скользкий от крови. Хотелось немедленно сбежать — но я сдержался. Я изрубил старую ведьму, убрал все те части ее тела, по которым старуху можно был опознать — и смешал с останками своей любимой.

Пускай сынок закусит и своей мамашей — жаль, что я этого не увижу.

Я даже удивился, как быстро справился с работой — видимо, ярость придавала сил. Я умылся их питьевой водой, вытерся их лучшими простынями и понял — пора. Если я хочу отсюда уйти, то пора. Праздничный костюм бирюка-трактирщика пришелся мне почти впору...

Я шел по улицам к воротам, раскланивался с прохожими, одетыми в такие же одежды победителей. Шел и боялся: а вдруг меня заподозрят?

Но... Раз вы читаете эти строки, то, наверное, догадываетесь: мне все удалось.

ВАЛЕРИЙ ТИЩЕНКО

«Обычно я не помню, что меня вдохновило написать рассказ на ту или иную тему. Идеи созревают, когда приходит их время, вот и все. Но этот рассказ наверняка родился из моей любви к музыке. Ну, и мысль о загадочной и опасной притягательности таланта, думаю, тут тоже присутствовала...»

Клуб был заполнен под завязку. Володя посмотрел на часы — через три минуты начнется. Со злостью он оглядел зал: «Несправедливо, нечестно! Она моя, только моя! Только я могу понять ее!» В нетерпении он покосился на сцену — две девицы, одна со скрипкой в руках, другая с виолончелью, выводили на инструментах залихватскую мелодию. Чтобы скрасить ожидание, Володя принялся пристукивать ложкой по столу в такт девицам.

Клуб «Шум прибой» позиционировался как элитное заведение: вход по приглашениям, строжайший дресс-код, вышколенные и обходительные официанты, и превышающие все разумные пределы цены. Недоступное для простых смертных заведение, где молодые усталые бизнесмены могли отдохнуть от повседневных хлопот и показать себя высшему обществу.

Хозяин клуба, безусловно, пытался обыграть красивое название, однако, ни черта у него не получилось; разве бестолково расставленные фонтанчики с мраморными дельфинами могут навевать мысли о морях? Скорее, об отдыхе в советском санатории. Единственным удачным решением дизайнера было разместить в проеме стены большой аквариум с морскими рыбами. Володя любил рассматривать, как снуют туда-сюда эти причудливые яркие создания.

Наконец, свет погас. Музыканты заняли свои места. Вслед за ними на сцену поднялась женщина в узком сером платье, сверкающем, как рыба чешуя.

Афина!

При ее появлении у Володи мгновенно пересохло в горле. Кто-то громко чихнул, раздались редкие хлопки. Певица подошла к микрофонной стойке. Красномордый мужик лет пятидесяти что-то шептал на ухо своей молодой спутнице, девушка хихикала с довольным видом. Тетка в синем платье с неприлично глубоким декольте громко болтала по мобильному.

Володю это бесило. Как он могут так нахально вести себя в присутствии его богини?!

Афина стояла, не обращая внимания на шум. Потом прикрыла глаза, как делала каждый раз перед тем, как запеть. Зал перестал существовать для нее; слушатели — превратились в обитателей чужого мира. Отделяющий сцену от зала небольшой порог был границей, ведущей

в другую вселенную — чарующую, безмолвную и безлюдную. Это и пугало, и влекло одновременно.

Володя почувствовал пристальный взгляд холодных синих глаз. Она смотрела прямо на него. Афина приподняла края губ в улыбке. В ответ Володя расплылся глупой ухмылкой. Повернувшись к музыкантам, Афина кивнула.

Бородач клавишник коснулся инструмента. Начатую им печальную мелодию поддержал скрипач. Зал постепенно затих.

Вступление было долгим и пронзительным. Афина стояла неподвижно.

Когда, наконец, она запела, тетка в синем выронила мобильный. Красно-мордый мужик, безуспешно пытавшийся подкурить сигарету, выронил ее в пепельницу и заворочено уставился на сцену, отвернувшись от своей подружки.

Глубокий и холодный, как океан, голос Афины пробирал до костей. Володя не знал языка, на котором она пела — певучий и мелодичный, он, казалось, вообще не имел отношения ни к одному земному наречию. Он был из другого мира.

Музыка стихла. Володя открыл глаза. Посмотрел на часы — прошло сорок минут. Ему же казалось, что всего несколько мгновений...

Закончив выступление, Афина, не удостоив слушателей ни прощанием, ни благодарностью, покинула сцену. К Володе подсел знакомый — Валентин Павлович. Мужчины пожали руки.

— Ну, как вам выступление? — спросил знакомый. — Больше получаса пела без остановки! Володя потянулся к вороту рубашки — ему вдруг стало жарко.

— Как всегда отлично. Но мало! — расстегнув верхнюю пуговицу, ответил он. Валентин Павлович понимающе кивнул, достал из кармана брюк пачку сигарет, закурил, и доверительно склонившись к Володе, сказал вполголоса:

— Я тут, кстати, пытался что-нибудь откопать про нашу любимицу.

— И как? — полюбопытствовал Володя.

— А никак. Ни адреса, ни имени, ни возраст — ничего не удалось узнать. Хотя кучу связей задействовал.

— А так вообще может быть?

— Честно?... Понятия не имею.

— Странно, — промолвил Володя. Признание Валентина Павловича подстегнуло его решимость — он должен узнать больше о ней. Приблизиться. Посмотреть в глаза...

Он просто не был полностью уверен, что готов на этот шаг.

Первое же появление Афины всколыхнуло в городе всю местную богему и творческую интеллигенцию. На певицу посыпались многочисленные предложения: выступить и на других площадках, дать интервью для радио и газеты, участвовать в утренней телепрограмме... Ответа никто не дождался. Певица хранила строгое молчание. Но по-прежнему дважды в неделю выступала в «Шуме прибоя». Делать студийные записи Афина категорически отказывалась — по неизвестной причине. Получалось, что услышать ее можно было только на концертах. И никакие письма и просьбы поклонников так ничего и не изменили в этом.

Быстро поползли слухи: кто-то утверждал, что Афина — калека, и ловко прячет свое уродство, не показываясь на неподготовленных площадках.

Особой популярностью пользовался слух о ее связи с владельцем клуба, которого многие считали «голубым». Втихую судачили и о происшествии с Алишером Мирзояном — владельцем крупной горнодобывающей компании.

Молодой Мирзоян, прибыв из Армении в самом начале девяностых, сразу нашел себе достойное занятие — рэкет. Злоба, жестокость и звериная хитрость помогли ему высоко подняться в криминальной иерархии города. Но пережив два неудачных покушения, Алишер решил не испытывать судьбу и легализовался. Заручившись поддержкой областных чиновников, он захватил контроль над одним из самых доходных предприятий. Но даже приобретя высокий статус и общественное положение, Мирзоян не избавился от старых привычек.

«Что-то хочешь — бери. Не дают? Бей в лицо!» — любил говаривать он в компании друзей.

Случайно оказавшись на выступлении Афины, бизнесмен решил, что певица, несомненно, украсит его день рождения, до которого оставалась пара дней. Подозвав к себе менеджера клуба, он потребовал устроить ему встречу с Афиной. Немедленно. Менеджер ответил, что певица никого не пускает к себе в гримерку, даже персонал. Лично общается только с владельцем

клуба. Услышав отказ, Мирзоян вспылil. Коротким ударом в лицо опрокинул молодого человека. Парень, всхлиывая, сел, размазывая по лицу кровь. Держась одной рукой за нос, другой протянул Мирзояну мобильный, умоляя позвонить и поговорить с хозяином. Подбежавший охранник, увидав красного от бешенства Мирзояна, отступил, и тот беспрепятственно направился к незаметной двери за сценой, ведущей к подсобным помещениям и гримеркам. Охрана бездействовала.

Свидетели утверждали, что Мирзоян вошел и оглушительно хлопнул дверью. Отсутствовал он недолго. А вернулся сам не свой: резко побледнел, говорил мало и неохотно, отказавшись от выпивки, заказал чаю с лимоном, часто протирал лицо платком. Просидев таким образом час, отправился домой. Утром жена нашла его мертвым в кабинете — Алишер вышиб себе мозги выстрелом из ружья.

Конкурс рецензентов

Страшный суд

Дарим альманах
за лучшую рецензию

Подробности в группе
new.vk.com/redrum_mag

Со временем эта история обросла подробностями: в частности, утверждали, что певица загипнотизировала бизнесмена. Подобного бреда Володя наслушался не мало. Но это не смущало его. Он знал — Афина будет принадлежать ему. Любой ценой.

Выслушав просьбу Володи, Алексей Петрович Кагарлицкий некоторое время сидел молча, рассматривая элегантные антикварные часы, мерно тикающие на столе. Пауза затягивалась. Володя тихо запаниковал — что я, дурак, делаю?!

С другой стороны — к кому же было и обратиться, как не к собственному начальнику охраны? Человеку проверенному, которому, к тому же, можно, в случае чего, и пригрозить увольнением с теплого местечка.

Усилив воли Володя подавил панику, надеясь, что Петрович его страха не заметил.

— Ну, так что? Согласен?

Кагарлицкий, повернув голову, посмотрел на Володю. Загорелое лицо его не выражало никаких эмоций.

— А почему бы тебе с ней просто не встретится? Ну... Поговорить? — спросил он. Володя фыркнул:

— Цветами, письмами заваливал. С менеджментом договориться пытался. И даже настоящее имя не узнал! Ни-че-го!

— Ты не сказал мне главного: что делать с ней потом? Ну, допустим, похитил я ее. На съемную хату отвез. Что дальше?

— Не похитил, а доставил на дружескую беседу. На частное выступление для одной персоны.

— А если она в полицию заявит? Знаешь, что будет?.. Вернее — чем это станет для твоей репутации, если дело получит огласку? Не дорого ли тебе такая «свиданка» обойдется?

Володя промолчал. Он не представлял, как обернется его первая встреча с ней. Что он ей скажет? Как она отреагирует на его появление? Но желание сделать это — приблизиться, прикоснуться к ее белоснежной коже — пересиливало все разумные доводы. Сколько раз он представлял, как Афина поет для него одного...

— Неважно, что потом будет, — сказал он, как отрезал. — Мое дело. А твое — организовать мне эту встречу.

— Понятно. С ума ты сошел... Извини, конечно! Ну, так... Цену придется увеличить втрое. И через пару месяцев я ухожу. Но подыщу себе хорошую замену. Такие мои условия, — сказал Кагарлицкий. Володя кивнул: его все это вполне устраивало.

Закурить хотелось дико. Не сдержавшись, Кагарлицкий потянулся к бардачку и вынул мятую пачку «Кэмела».

Открыв окошко, выпустил наружу сизый дымок. Хлопнула дверь, и в салон дорогого внедорожника залетел Синий.

— Ух, холодно! — сказал он, потирая руки и мелко вздрагивая. Алексей

Петрович повернулся к нему.

— Ствол нашел?

Синий расстегнул куртку и показал кобуру с пистолетом.

— Полная обойма. Даже «чистую» пушку надыбал.

Петрович повернул ключ зажигания, мотор глухо заурчал. С Синим он был знаком со времен своей службы в полиции. Еще по молодости вдвоем провернули немало делишек. Особенно любили вспоминать случаи с генеральским «уазиком». Кагарлицкий тогда занимал должность начальника гаража. Для вышестоящих чинов было приобретено несколько новых машин. План аферы созрел быстро: они нашли разбитый в хлам «перевертыш», после чего списали одну из новых машин, как попавшую в аварию и не подлежащую восстановлению. В итоге новенькая тачка благополучно покинула пределы части, а ее место занял перевертыш с заблаговременно поменными номерами. Приварок к зарплате оказался жирным. Более чем.

Внедорожник остановился во дворе жилой девятиэтажки. Пустой двор. Разбитая детская площадка. Одинокая бездомная собака, грызущая кость у помойки. Синий усмехнулся:

— Это здесь? Хреновенькое место для квартиры популярной певички. Какой подъезд?

— Вон тот, на углу, — указал пальцем Петрович. — Странная баба какая-то. Из дому почти не выходит. Пару раз вышла вечером — и все. Ее повсюду хахаль возит, жрачку тоже он доставляет. Как раз сейчас появиться должен, на концерт повезет.

— Ага, — Синий открыл клапан кобуры и достал пистолет. — Ну, тогда — согласно плану... Ты хватаешь девку, я даю по морде мужику. Ничего сложного.

Не успел он закончить фразу, как к дому подкатила черная «тойота». Из машины выбрался долговязый хлыщ в очках и кожаном пальто. Петрович напрягся:

— Вот он. Выходи.

Синий вылез, громко хлопнув дверью, и вразвалочку направился к дому. Уселся на хлипкую скамейку у соседнего подъезда.

Петрович перепарковал автомобиль поближе. По уговору, Синий должен был отвлечь хахалю и ждать, когда он схватит девчонку, потом разобраться с лубовничком. А пока — надо было ждать.

Время текло нестерпимо медленно. Секунды ползли, перебирая нервы. Синий на скамейке курил, украдкой поглядывая на двери подъезда. Хлыщ в плаще тоже ждал. Открыл капот автомобиля и ковырялся в нем. Петрович барабанил пальцами по рулю — выходи уже! Ну!..

Афина вышла спустя целую вечность. Одета она была в модную, отороченную мехом короткую куртку и голубые джинсы. Хахаль, услужливо улыбаясь, открыл дверь тойоты, но, не успела певица сесть, как Синий материализовался рядом.

— Братишка, закурить есть? — обратился он к хлыщу и захолопал себя по карманам куртки. Это послужило сигналом для Петровича. Кагарлицкий выскочил из машины, в три прыжка настиг певичку и схватил ее за талию. Хахаль непонимающе хлопал глазами, глядя, как его женщину тащат в другую машину.

— Не двигайся, сука! — Синий поднял пистолет и угрожающе произнес:

— Мобилу сюда и на колени!

Хлыщ не подчинился. Он будто и вовсе не заметил, что кто-то стоит перед ним. С протяжным воплем: «Верниии...», он скакнул в сторону и бросился вслед за Петровичем. Синий успел схватить дурака за воротник плаща и рвануть на себя. Оба упали в грязь. Ужом выскользнув из захвата, хлыщ навалился всем весом на Синего и сжал руками его горло. Синий захрипел, ударил противника рукояткой пистолета по скуле. По лицу очкарика потекла тонкая струйка крови, но он только усилил хватку. С его рта закапала пена. «Вееернииии ееее!» — снова заорал он. У Синего перехватило дыхание, кровь прилила к голове. Собравшись с силами, он еще раз врезал рукоятью по башке очкарика. Удар пришелся в висок, и хахаль завалился на своего победителя мертвым грузом. Убегая к машине, последнее, что увидел Синий — чернеющая на черепе хлыща вмятина и багровая лужа под колесами тойоты.

Выслушав краткий доклад Петровича, Володя схватился рукой за голову. Впрочем, все это детали... Важно другое.

— Твой приятель на месте? Сторожит ее? Ты уверен, что тот мужик помер? — спросил он.

— Не знаю, — Кагарлицкий пожал плечами. — Синий говорит, что если сразу не умер, то помрет позже. В новостях потом узнаем. — Андрей Петрович никогда не терял самообладания. — Бабу доставили в целости и сохранности, сидит в своих хоромаш. Только, знаешь, не нравится мне она. Представь, я вкатил ей дозу снотворного — хорошую такую дозу — а она так и не уснула! Странная какая-то. Я ей руки скотчем замотал, чтоб драться не полезла, если что...

Володя понял только одно: богиня не пострадала. И совсем скоро она будет его.

Еще месяц назад он приобрел загородный домик, оформив сделку на подставное лицо. Весь второй этаж был отведен под апартаменты Афины. В оконные рамы вставили особо прочные стекла, которые даже битой нельзя было выбить. Попасть на этаж можно было только через одну дверь со стороны лестницы. На этом настоял Петрович:

— Нельзя, чтоб она сбежала. Не в игрушки играем...

Володя плеснул себе в стакан бренди. Мысли у него путались.

— Что предлагаешь делать? — спросил он.

— Синий пусть отлежится недельку, присматривает за девкой, пока все не утихнет. А потом отправим его куда-нибудь в теплые страны. Если нужно — сделаем новый паспорт. Посмотрим по обстоятельствам.

Голос Петровича звучал буднично и спокойно, будто он каждый день занимался подобными делишками. Обливающийся потом Володя нехотя ему позавидовал.

— Что она там?.. Афина? — спросил он, отхлебнув бренди. — Психует?

— Молчит. Как рыба об лед. Ни звука не издала. Говорю — странная баба. Очень странная. Ладно, шеф, ты извини. Пойду-ка я тоже дерябну стаканчик, да домой поеду. Вызвал в помощь Синему надежного пацана. Они там последят за девчонкой. А я на связи буду.

Володя кивнул. Тяжело плюхнулся в мягкое кресло. В душе угнездились два

чувства: удовлетворение от осознания того, что он вскоре увидит свою богиню и страх от понимания, что ставки резко выросли.

Он решил на встречу только через три дня. «Пусть у нее шок сперва пройдет, — думал он. — А там и разговор легче получится.»

Отпустив на выходной своего личного водителя, Володя сам сел за руль, что делал крайне редко. Почти на час задержался в дорогом цветочном магазине, выбирая подходящий подарок для Афины. Выбрал белые розы с красными прожилками на лепестках.

Пока что ему везло. СМИ сообщили только об убийстве молодого человека во дворе жилого дома — о похищении певички не было ни слова. Петрович осторожно прощупывал почву по своим каналам, на случай, если вдруг объявятся какие-то нечаянные свидетели.

К загородному дому он подъехал уже в темноте. Петрович поджидал его у ворот. — В Багдаде все спокойно, — буркнул он, — Иди к своей подружке, герой—любовник.

Войдя в дом, Володя поднялся по лестнице, на второй этаж, вставил в замок ключ и открыл дверь.

Афина сидела на кожаном диване в просторной гостиной, читала книгу с яркой обложкой. На появление Володи она не обратила ни малейшего внимания. В доме царила мертвая тишина.

Володе сделалось неуютно. Он неуверенно приблизился к певице. Только сейчас он мог разглядеть ее в мельчайших деталях. Вблизи Афина выглядела заметно старше, чем на сцене, хотя лицо ее было безупречно гладким, без единой морщинки. Старили лишь глаза — переменчивые, глубокие — то ли темные, то ли светлые, даже это — и то не разберешь... Длинные волосы лежали на плечах, собранные в толстую косу.

Володя ощутил легкое разочарование — певица предстала перед ним... Слишком обычной. Не такой он видел ее в своих фантазиях. Он с трудом выдавил из себя фразу:

— Здравствуй. Что читаешь?

Афина подняла глаза и — не ответила. Переменила позу, закинув ногу за ногу, и снова уткнулась в книгу.

— Меня Володя зовут, — сказал он и протянул ей розы.

Снова взгляд и молчание.

Володя продолжил задавать вопросы; говорил, что ему нравится ее творчество, рассказывал, как он мечтал с ней встретиться. Объяснял, что он в курсе о том, что случилось с ее молодым человеком, и искренне сожалеет... Все попытки вести разговор разбивались о стену молчания. Тогда Володя присел на диван и коснулся плеча Афины. Его будто ударило током, а в ушах зашумело.

Женщина отложила книгу и взглянула прямо на него. В ее глазах Володя увидел пенящиеся, бурные морские волны, огромный опыт и свет позабытых знаний. Этот взгляд не мог принадлежать простому человеку. В груди расплозлось вязкое, противное чувство. Страх.

Женщина изучающе смотрела на Володю, а ему хотелось выть от ужаса. Со всех ног убежать куда подальше. Будто прочитав его мысли, Афина улыбнулась.

Володя отстранился и, спотыкаясь, покинул комнату. Сойдя с лестницы, он побежал. Не прошло и минуты, как он запрыгнул в автомобиль.

Тем временем Афина вернулась к своей книге; букет белых роз остался лежать на полу.

Все последующие дни Володя не мог закрыть глаза, не мог расслабиться. Он снова и снова прокручивал в своих мыслях эту картину встречи с Афиной. Уснуть не помогало даже снотворное. Бесцельно он бродил по квартире, старался отвлечься от того груза, что неожиданно свалился на его плечи. Пробовал работать, разбирая бумаги, но — тщетно. То и дело в мозгу проскальзывал образ бьющихся о камни волн, сырой пещеры, в гудящей тишине которой нельзя слышать собственных шагов.

Безумно болела голова. Желая унять армию разъяренных молотков, разбушевавшихся внутри черепной коробки, Володя проглотил три таблетки цитрамона сразу. Боль слегка утихла.

Затрезвонил телефон, на экране мобильного высветился номер Кагарлицкого.

— Шеф, ты куда пропал? Какого хрена на звонки не отвечаешь?

— Решил отдохнуть чуток. Устал.

Ответ был дурацким, необидительным, но — плевать. Володе хотелось просто забыть.

— Быстро дуй сюда. У нас тут гости, — обычно уравновешенный Петрович казался сильно взволнованным. Володя не понял:

— В смысле?.. Кто?

— Какой-то хрен с горы. С утречка пораньше пробрался в дом с ножом, порезал Синего. Все рвался на второй этаж к твоей подружке. Хорошо, что другой мой парень, Васек, вовремя среагировал: вдвоем скрутили того пацана. И знаешь что? Я у него в кармане нашел бейджик «Шума прибоя», он там в охране работает. Не представляю, что с ним делать. Бригаду санитаров вызвать, разве что?..

Молоточки в голове загрохотали вдвое усерднее. Володя кинулся одеваться.

Ворота открыл неизвестный ему молодой человек в красном спортивном костюме. «Помощник Петровича. Как его там? Васек?» — вспомнил Володя. Он подошел к дому, открыл дверь. На пороге возник здоровенный седовласый мужик. Смерив Володю злобным взглядом, он молча рубанул его кулаком в живот. От удара в глазах заплескали огоньки.

Схватив Володю за шею, седовласый бросил его на пол, не забыв приложить еще ногой в пах. Всю нижнюю часть тела опалило болью. Седовласый ударил еще раз — в лицо — и, схватив Володю за руки, втащил в дом.

Он очнулся на холодном полу в гостиной. Выплюнув кровавую слюну, поднялся. Перед ним стояли трое мужчин: Синий с перебинтованной рукой, улыбающийся Петрович и тот седовласый боец. У двери, засунув руки в карманы,

разместился спортсмен в красном.

— Какого черта, вы, ублюдки?! Что вы тут устроили? Что это за чертов заговор?! Вы что, охренели? Вконец края потеряли?!...

Володя ругался, угрожал, смачно материл каждого из присутствующих — ни один не отозвался, не ответил, не раскрыл рта. Разве что Петрович разочарованно качнул головой.

Володя умолк только, когда в горле пересохло. Закашлявшись, он без сил свалился на диван, почти лег. Ему не мешали.

Он не заметил, когда в комнате появилась Афина. Седовласый опустился перед ней на колени, женщина провела ладонью по его лицу. На лице здоровенного мужика застыло странное выражение боязни и удовольствия одновременно.

Володя словно почувствовал это. Он был уверен: мужик испытал экстаз от одного ее прикосновения. Синий заворожено пялился на Афины глазами преданного пса. Петрович, сделав два коротких шага навстречу ей, застыл в почтительной позе.

Афина приблизилась к Володе, положила руку ему на голову. Адский грохот обрушился на его барабанные перепонки... Это она говорила с ним. Язык ее был стар, как сама вселенная, но почему-то Володя понимал все. Каждое слово.

— Однажды я создала вас — мужчин, чтобы вы развлекали меня. Вы были игрушками — злыми, грязными, непослушными. Вы — моя презренная ошибка. Кукла никогда не станет чем-то большим. Веками я остаюсь причиной раздора. За столько лет впервые смогла найти покой, а ты его нарушил. Не жди прощения.

Шум нарастал. Накатывал волной, отступал ненадолго и бил снова, еще сильнее. Володя заплакал. Шум разорвал его разум на тысячи осколков.

Лейтенант Карпухин с трудом отыскал нужный дом среди однотипных поселковых построек. На месте поджидал участковый — грузный мужчина с усами и папкой в руке. Поглубже запахнув воротник форменной куртки, он ждал у дороги. Завидев служебную машину, замахаля Карпухину рукой.

— Леонтьев, — участковый протянул руку Карпухину. — Что-то вы долго добрались?

Карпухин не ответил. Пожал протянутую руку.

— Ну, что? Говорят, тут все у вас запущено?

Леонтьев проворчал:

— Более чем! Соседи пришли — ворота открыты, входная дверь распахнута, внутри никого нет... Участковый сунул замерзшие руки в карманы и вздохнул:

— Ну, я и пошел проверять. На свою голову...

Мужчины поднялись на крыльцо, вошли. Весь первый этаж дома был залит водой.

— Все в воде, — сказал Леонтьев. — Хотя трубы не повреждены, я смотрел. Откуда столько воды — убей Бог, не пойму! Да что там! Это еще не самое интересное. Идем, покажу.

Леонтьев провел лейтенанта в гостиную. Там в луже воды лежали два трупа — полный мужчина с очень дорогими часами на руке — его лицо приобрело

синюшный оттенок, губы и веки были словно изглоданы рыбами. Глаза отсутствовали. Из груди второго мертвеца торчал кухонный нож, загнанный в сердце по самую рукоять.

— На каждом теле — следы порезов от ножа, синяки, гематомы, — словно бы удивляясь собственным словам, рассказывал участковый. — Жесткий махач они тут устроили. Мутузили, видать, друг дружку до полного помрачения. Этот вон, — Леонтьев кивнул в сторону толстого покойника — убил своего дружка, а потом самого его... Утопили... Так выходит. Только убей Бог — не пойму: откуда вода-то?!

Карпухин осмотрел мертвецов. Оба — хорошо одеты, одна только обувь — раза в четыре больше стоит, чем вся его месячная зарплата. Но что особенно смущало: состояние труп толстяка. Выглядел он так, будто пару недель пролежал под водой. Но тогда зачем вкладывать утопленнику в руки свежие розы?

— Не повезло тебе, лейтенант, — Леонтьев сочувственно подмигнул Карпухину. — Стопроцентный глухарь попался! К гадалке не ходи.

Лейтенант вздохнул.

— И не говори. Мало мне будто... Вот вчера певицу известную убили в ее примерке. Фанат. Ее пристрелил и себе башку с близкого расстояния раскучричил. Вроде как картина ясная. Ан нет! Пока бумажки оформляли, труп этой певички из морга исчез. Представляешь?! И единственный этому свидетель — санитар в морге — с глузду съехал: дрожит, слюни пускает, в полном неадекватате. Какой с ним разговор? В психушку отвезли. Вот как хошь, так и веди следствие!

Леонтьев кивнул.

— Да-аа. Чего только на этом свете не бывает... Или на том. Кто его разберет?

СТАДИЯ
РАЗМНОЖЕНИЯ

АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ

«Вам же снятся страшные сны? Один такой приснился мне. Под самое утро, зимой, в темноте. Ко мне в сознание забрался один урод, в каком-то смысле — вампир, только очень извращенный...»

Денис спустился в подсобку — провести рабочий холодильник, где в желтоватом мраке хранились бутерброды и зеленела огромная бутылка самогона. Но пить в душной и прокуренной подсобке не хотелось. Он перелил немного мутной жидкости в литровую банку и понёс наверх, на пятый, где из старых развороченных стульев собрал тахту и стол, а под табуретку приспособил погрызенный крысами ящик с какими-то безымянными таблетками. Проходя мимо зеркала, втянул живот, надул грудь и, сложив пальцами пистолетик, щелкнул языком. Глядя на своё отражение, подумал: «Ну и дуры вы, девки, такой парень!». А затем, уже поднимаясь по лестнице: «Хоть одну бы сейчас, хоть какую... вот же отстой».

В это пыльное место судьба занесла его после побега из армии, где Денис оказался, будучи отчисленным со второго курса института. Правда, сбежав от дедовщины, он не вернулся домой, боясь справедливого гнева отца, а обратился за помощью к его другу, которому во времена институтских семестров не раз помогал с компьютером. Тот разозлился, но всё же выручил — устроил Дениса в свой огромный и наполовину секретный НИИ, вроде бы в охрану. Теперь благодетелю надо было подёргать старые связи, чтобы не осталось никакого дезертирства, а был перевод в приписанный к НИИ взвод охраны. И пока друг отца нащупывал нужные ниточки, Дениса записали подсобным рабочим, поручив расчищать от завала огромный пятый этаж старого лабораторного корпуса.

Денис не боялся тяжелой работы, но в промежутках между делом отчаянно скучал по женщине. Сделав глоток из банки с мутным самогоном и закусив ледяным бутербродом, он запустил руку в штаны, вытянул пенис и принялся внимательно его разглядывать. По организму разливалось алкогольное тепло и спокойствие, но даже несмотря на это, и уже в который раз, собственный член показался ему непростительно мелким, и вообще каким-то невыдающимся, не соответствующим его соблазнительной внешности. Одним словом — серость, а не член.

В завале мусора под стеной зашуршало.

Денис швырнул туда подобранный с пола кусок кафеля, и попал плиткой в самый угол, где стена сходилась с полом. За треском и хрустом

оттуда раздался отчаянный писк.

— Да заткнитесь вы! — заорал Денис.

Он взял швабру и подойдя ближе, раздвинул картонки и доски. Плитка, брошенная им совершенно наугад, точно пуля, отправленная в небо, во что-то всё-таки попала.

— Че за н-на?

В сгустившихся сумерках он разглядел нечто странное. Оно было бы сто-процентной крысой, если бы не огромный лысый нос, округлый и совершенно гладкий, который занимал едва ли не половину головы и заканчивался такой же лысой, но немного морщинистой приподнятой каёмкой. На кончике носа краснело, то сжимаясь, то расходясь, одно единственное небольшое отверстие. Остальную часть головы покрывала темно-серая короткая шерсть, из которой блестели черненькие икринки глаз, и торчали нежные полупрозрачные уши. Всё кроме странного носа вполне крысиное. Существо истощено пищало, дрожало и пыталось убежать, но задние лапы его не двигались, а передние беспомощно дёргались, слабея с каждой секундой.

Денис присмотрелся к необычной морде, поднял доходягу за хвост и перенёс в раковину. Затем притащил снизу большой замызганный ящик с инструментами, упаковку слипшихся советских лезвий, аптечку, фонарик, и еще немного холодного самогона. Закрепив фонарик над раковиной на торчащей из разбитого кафеля загогулине, он разломил лезвие надвое, одну половинку отложил в сторону, а второй принялся делать крысе операцию. Замкнув надрез вокруг крысиного уха, он потянул его вверх. На внутренней части оторванного островка кожи неторопливо собралась черная кровь. Денис изучил трофей под желтым светом фонарика и положил отрезанное ухо в нижнюю половину разбитой колбы, куда предусмотрительно плеснул самогона.

Над раковиной собирались хмельные испарения кисловатого пойла. Со вторым крысиным ухом он повторил ту же операцию. Затем вынул крысу из раковины и швырнул ближе к выходу — спустить потом в мусорный контейнер. Сделав еще один глоток из мутной банки, он снова выудил из штанов пенис, подёргал его, и когда тот затвердел, принялся тереть тяжелым плоским напильником кожу с правой стороны у самого основания, сразу за тем местом, где заканчиваются лобковые волосы. Тёр до тех пор, пока не выступила кровь. Затем так же натёр с левой. Макнул указательный палец в самогон и, стиснув зубы в предчувствии обжигающей боли, поднёс каплю к растёртому на коже кровавому пятну. Капля упала, Денис зашипел. И так дважды. После этого он приложил к растёртым местам крысиные уши, и, замотав бинтом, спрятал пенис в трусы, и махом допил остатки самогона.

Через четверть часа его стошнило, и он уснул.

Ему снился прожитый день и девушка из заправки под окном НИИ. Вот она выходит покурить. Короткая юбка, широкий вырез на блузке. Правая рука Дениса тянется к ширинке. Круглые пуговицы. Под ними трусы. Пальцы касаются горячей пупырчатой кожи. Девушка берёт в рот тонкую белую сигарету, и сосет фильтр, складывает губки трубочкой и выпускает дым. Берёт в рот и сосёт. Снова и снова. Денис мастурбирует у окна, впирается глазами в своды её бровей, в ресницы над глазами, в причёску, его возбуждает даже её ноздри,

и треугольная острота носа, и припухлость напмаженных губ, и сигарета во рту, и тонкие пальцы с длинными розоватыми ногтями, и пышные сдобные булочки груди. Девушка достаёт тонкой кистью левую грудь, поворачивает соском вверх, присматривается к чему-то, и привычным движением быстро заправляет на место. Финиш.

Утром Дениса разбудила шумная крысиная драка за останки дохлого сородича. Держась за голову, он сел на тахту и зажмурился. Болела не только голова, но и член. Распух под преграждавшим к нему доступ крови бинтом, пульсировал тупой и какой-то волнообразной болью, начинавшейся где-то глубоко в паху, чуть не в самом мочевом пузыре, и добиравшейся до самого кончика.

— Блииин, — простонал Денис, вытаскивая со всей возможной осторожностью пострадавший орган на поверхность. Руки его слегка дрожали, и боль переливалась под кожей раскалённым свинцом. Он осторожно снял бинт.

У основания пениса торчали, именно торчали, окруженные остатками грязной крысиной шерсти слегка помятые шелковистые ушки. Они были до того тонкие, что если бы Денис наклонился, то рассмотрел бы в них крохотные кровеносные сосудики. И увидел кровь, что по ним бежит. Свою кровь.

Всё тело ныло, во рту мешались остатки недопереваренного бутерброда. Он прикоснулся к нежному крысиному ушку и рванул, и сложился пополам от пронзительной боли, от нижних ногтей до подбородка.

— Блииин, — простонал Денис еще раз, прижимая назад ушко и пряча его под огрубевшим от крови бинтом.

Два дня он с трудом поднимался и спускался по лестнице. Опухоль спала лишь на третьи сутки, оставив за собой жесточайшую и нестерпимую чесотку. Еще день Денис готов был лезть на стену, прогрызая ступеньки в штукатурке зубами...

Неизвестно, чем бы это кончилось, если б на четвертый день боль, мучившая Дениса, не утихла, наконец. Крысиные ушки прижились и перестали донимать его. Фокус, о котором с недоброй ухмылкой рассказывали солдатские деды, кажется, удался. Крысиные ушки срослись с его кожей, и впервые в жизни неожиданно для самого себя, Денис почувствовал себя чем-то особенным, необычным, и сразу начал живо предвкушать развратное удивление попавших в его постель девчонок.

Однако с появлением у его пениса ушек, в голову стали пробираться и какие-то странные, не совсем естественные, чересчур кровожадные сексуальные фантазии. Денис списал всё на весну и похоть, блуждавшую по его организму еще со школы. Возможно, именно она заставила его в десятом классе вытатуировать на плече лицо Джейсона, точнее, его маску, и проколоть уши, запихнув туда два тяжелых стальных черепа.

Теперь новая похоть, уже совсем другого порядка, росла и поднималась в нём, как пивная пена в горячем стакане, и девушка с заправки уже не помогала. Несмотря даже на то, что Леха стал «душить змею» едва ли не чаще, чем эта девица выходила покурить. Легче не становилось. И Денис снова был готов выгрызть в стене лестницу, чтобы забраться на самый потолок и повиснуть там членом вниз, как летучая мышь. Но на этот раз причиной тому была невыносимая, почти осязаемая похоть. Он смертельно хотел женщину.

В подсобке женщин, разумеется, не водилось, а в столовке было так много голодных мужиков, что напасть на повариху, выбив из её рук алюминиевый черпак с гороховым супом, не было совершенно никакой возможности. Подкараулить у выхода — тоже. Её жилистый муж — крепкий и задиристый токарь шестого гвардейского разряда — не спускал с жены глаз.

Ему оставалось только одно: Денис изливался в пыль пятого этажа от вида курильщицы с заправки. Его трясло, бросало в жар и в холод, разум крутила на вертеле сильнейшая из когда-либо являвшихся людям потребностей. Отчаянное желание быть рядом с женщиной, лёгкой, упругой, с мягким тёплым животом и слегка прохладными сосками, быть с ней так близко, чтобы касаться бёдрами её пружинистой попки. Чувствовать объём её грудной клетки — да, именно клетки, где колотится птичка её испуганного сердца, и слышать её горячее дыхание, отзывающееся на его движения в ней. На его настойчивые входы и выходы. На его власть над ней. Его право сильного мужчины — находиться внутри слабой женщины, пьянящая власть над слабым женским телом, возможность сделать хорошо и больно, ей и себе, или только ей. Вызвать в ней тихие крики или дикие стоны. Возбудить в ней желание запихнуть тебя глубже — глубже, глубже, глубже — о, это давление её когтистых пальцев на твоих окаменевших ягодицах, эти царапины на спине, её тонкие заточенные ноготки у тебя под кожей — доказательство твоего мужества и её маленькая месь, и отметина, её экслибрис.

И снова холостой выстрел, и серая пыль глотает его в тишине забытой на пятом этаже лаборатории.

Дождавшись, когда все разойдутся по домам, Денис вышел из подсобки и, нарвав рядом со ржавой цистерной одуванчиков, отправился на охоту. Холодная вечерняя тень накрыла опустевший двор. Денис был небритый, грязный и пьяный.

Через завал мусора между строениями, ползком по распаханной контрольно-световой полосе, через вонючий и скользкий подкоп, в котором сдохла собака.

У будки он заглянул в небольшое квадратное окошко, куда обычно обращались водители, чтобы просунуть деньги и заказать бензин. Оттуда смотрела некрасивая толстая женщина с большой шоколадной родинкой на мохнатом подбородке.

Денис облизал губы, сделал вдох, но слова будто приклеились к языку.

— Тебе что?

Денис задумчиво уставился на женщину, беззвучно шевеля губами, затем едва слышно произнёс:

— Где она?

Продавщица выругалась. Переваливаясь и позвякивая на выбоинах, подкрыло заправки подкатил цветущий ржавчиной «Москвич».

— Она здесь? — спросил Денис.

Продавщица уставилась на него, как на сбежавшего психа, затем глянула на клиента за спиной у Дениса, покачала головой и сообщила, что у Вали закончилась смена и до утра её не будет, так что — проваливай!

Денис отошел и растворился в сумерках за углом заправки.

Ночная смена текла за смолой ночи, машины приезжали, управлялись и уезжали, кассирша привычно подворовывала на сдаче. К двум часам поток

полуночников иссяк, и она задремала. Через полчаса её разбудил нервный стук в окошко и озверевшая губастая рожа со сросшимися бровями:

— Ви там совсем очуметь, что ли?

— Что надо? — нахмурилась продавщица.

— Собака дохлый убери, да? Как я встать бензин брать, а? Иде? Мне шланг штоли тянуть, да?

— Назовите номер колонки.

— Ты рехнуться, да? Собака, говорю, убери. А-а, — рожа покинула квадратное окошко, укоризненно взвизгнули колёса и, громыхая подвеской, «ше-стёрка» упорхнула в ночь.

Продавщица привстала, моргая, и увидела, что сбоку от одной из колонок, на самом въезде, на асфальте валяется дохлая собака — пустые глазницы, желтые клыки, шерсть клочками. Как следует проматерясь, женщина надела резиновые перчатки и отперла дверь. Но стоило ей высунуться, как Денис навалился на неё, напористо вдавливая назад в будку. Он толкнул её в открытую дверь заправки — продавщица упала, стукнулась головой о припрятанный под стулом обогреватель и начала извиваться, как потревоженный холодец, размахивая руками и возмущенно крича.

Мужской разум помутился, Денис будто сидел на высокой наблюдательной вышке и с удивлением смотрел на сражение, разворачивающееся у её подножия. Его руки рвали одежду и лупили по щекам, его коленки толкали студенистое тело, пытаясь раздвинуть мягкие толстые ноги. Ладонь собралась в кулак и звонко ударила по красному лицу. На напояженных губах появилась кровь, но губы продолжали вибрировать и кричать, тогда его рука схватила голову за волосы, потянула на себя и с силой ударила об пол. Женщина затихла. Из-за неровных желтоватых зубов выполз фиолетовый язык. Денис очистил белую женскую грудь от одежды, как апельсины от кожуры, и принялся облизывать её и мять, словно тесто, присасываясь поцелуями к огромным темным соскам. Похоть переполняла его тело, а член, казалось, вот-вот взорвётся — болел так, будто его свело судорогой, но Денис знал, что стоит ему войти в это женское тело, как нестерпимая боль отступит, превращаясь в лучшее за его жизнь наслаждение.

Облегчение вспыхнуло сверхновой, вторым Солнцем. Оно росло и приближалась, оно рассеивало тепло и удовольствие, пока внизу живота тёплыми складками собирались вибрации. Жирная продавщица тряслась под ним, как стиральная машинка, а её лицо бледнело и гасло. Денис наслаждался этими совместными вибрациями, ему хорошо знакомыми, но в этот раз было в них что-то новое, необычное...

На горизонте за домами уже светлело небо. Возвращаясь к себе на пятый этаж, Денис чувствовал себя тяжелым и сытым, хотя не ел ничего с вечера, а всю ночь провёл на ногах. Кроме этой незначительной странности, его смущало то, что не получилось кончить. Он пыхтел минут пятнадцать, пока вдруг не делась куда-то вся его ненасытная похоть, освободив место отвращению и брезгливости к вонючему рыхлому телу.

Всё утро в окно хлестал дождь. Обильный майский ливень, с грозой, молниями и ветром, и россыпями тяжелых капель по стеклу.

Денис проснулся и встал, посмотрел на часы, потрогал голову, сморщился и подумал, что пора мыться. На пятом этаже корпуса располагалась, видимо, какая-то действительно серьёзная лаборатория — вокруг укреплённого двойными стенами центрального помещения сохранились душевые кабинки. Некоторые еще работали, но горячей воды не было. Зато холодная подействовала освежающе, и в прояснившуюся голову Дениса постучались память и ужас.

«Стыдно, стыдно, и что на меня нашло?»

«Ну, я же не грохнул её, верно? Подумаешь, натянул... Не убил же. Пара сиянков, шишка, может ей даже понравилось...»

«Жирная уродина».

Он вспомнил это потное красное лицо с распахнутым для пронзительного крика ртом, фиолетовый с белёсыми прожилками язык, мерзкие желтоватые глазки, щетину под носом и на мохнатом подбородке, и огромную волосатую родинку, похожую на вылупившуюся личинку овода. Денис скривился, вдавливая подбородок в шею, но при мысли о женщине в трусах у него снова потеплело.

Валька читала Кинга. Ужас пробирал до костей, сюжет затягивал, как зыбучие пески. Даже покурить было некогда. К двум ночи, когда роман вплотную приблизился к финишной развязке, а раздражающие посетители рассыпались на полях влажной ночи, напряжение достигло максимума, и ей отчаянно захотелось покурить. Она выключила забытый в туалете свет, набросила плащ, глянула, не подъехал ли клиент, повернула замок и открыла дверь. И кто-то толкнул её и повалил на спину. Свежая сигарета выпала из руки, глаза округлились. Над ней нависал промокший насквозь парень с неаккуратно выбритым лицом, синими от холода губами, и с пучком изломанных одуванчиков в руке. Ко лбу его прилипли черные пряди волос, а глаза блестели, как у голодного вампира. В других обстоятельствах она бы, наверное, сочла его симпатичным.

— А где... — удивлённо спросил Денис.

Валька не отвечала. Она схватила ртом воздух и онемела.

— Эта... ну... была здесь вчера...

— А? — удивлённо выдохнула Валька.

— Ну, эта... с родинкой.

— Инна Фёдоровна? — шепотом спросила Валька.

Денис задумчиво облизал губы. Причем здесь вчерашняя уродина? Перед ним лежала та самая девушка в тёмной мини-юбке и кремовой блузке с широким вырезом... Она лежала перед ним на спине, хлопая огромными серыми глазами и едва дыша. С пятого этажа лицо её выглядело круглее, но сейчас она даже симпатичнее. Пышная грудь. Голые коленки почти сомкнуты, а между ними и юбкой — заманчивый треугольник. Зовущий, призывающий. Валька поймала его взгляд и, тихо ойкнув, поджала коленки. В голове у неё всплыла подсказка из книги — «не кричи, насильника это заводит, тани время». Дрожащими губами Валька спросила:

— А в-вас как, — сухо сглотнула, — зовут?

Денис промолчал, вместо ответа он выпустил из рук одуванчики, распахнул

пиджак и схватился за ширинку.

— Мамочки, — пролепетала Валька, — ой, мамочки.

Спустив штаны, он произнёс:

— Зацени.

Его член напомнил Вальке крысу: у основания розовели замшевые ушки, ниже висели сморщенные мешочки, один ниже другого, переминались внутри коричневой кожи. Почуввав открытое пространство и свет, пенис проснулся, зашевелился, разбух и приподнялся, и очень скоро окреп, но не встал колом, как это обычно бывает, а начал шевелиться и ёрзать, извиваясь. Крайняя плоть раздвинулась, и перед изумлённой Валькой появилось нечто еще более странное. Оно вылезло осторожно, неторопливо, точно озираясь или принюхиваясь, красное и гладкое, напитанное горячей кровью. Оно становилось больше и жилистей, раздалось в стороны и сделалось толщиной сначала с Валькино запястье, а затем почти в её шею. Девушка побледнела. Расправляя усики, перед ней открывалась зубастая пиявочная пасть. Валька увидела эти тонкие, полупрозрачные усики, похожие на щупальца кальмара, и обмякла, теряя сознание.

Денис встал на колени, разрывая, задрал Вальке юбку, раздвинул её опавшие ноги, проковырял в чулках отверстие, отодвинул в сторону белые хлопковые трусики с круглыми красными вишенками и подался к Вальке тазом. И снова он видел это будто со стороны, точно какая-то неведомая сила получила контроль над его телом и взялась командовать его ногами и руками. Сильный удар по голове прервал Алексея, и он повалился, зарывшись носом в белую и мягкую Валькину груду.

Двигателя было почти не слышно, он гудел где-то внутри, под капотом и словно в животе, заглушаемый скрежетом гитары, уханьем барабана и визгливым лаем Ангуса Янга, вырывавшимся непонятно откуда. По стеклу ползли змейки дождевых капель, оставляя за собой тонкий пунктирный след. Желтый свет скакал от одного фонаря до другого, бросая в салон серые ползучие тени.

Денис сидел на заднем сиденье, завалившись на дверь. Голова разрывалась от раскатов боли, глаза жгло от самого незначительного движения, запястья и лодыжки щипало от веревок. Между ногами у него упруго шевелилось что-то мягкое и приятное. Денис уже знал, что это. Кто это. Оно распространяло тепло и удовольствие, будто капля горячего масла, упавшая точно в пах, проникала теперь всё глубже, выше и ниже, пропитывала живот и яички приятным ожиданием неминуемого утоления похоти — рядом с ним сидела девушка. На ней были чулки в шахматный ромбик, красная глянцевая мини и белая короткая курточка с длинными рукавами и большим пушистым воротником.

— Главное, чтобы Гоха не узнал.

— Ну?

— Ну, типа Валька — его тёлочка, а мы как бы на охране, так что хрен там.

— Да уж... А ей чего?

— Ну, типа моральный сука ущерб, душевные блин страдания и вся херня.

— Очухался... — одна из торчащих за передними сиденьями лысых голов

повернулась и, подмигнула, сверкнув золотым зубом.

— Ну, будет Секачу посылочка, — отозвалась другая лысая голова, — обернёт петушка по полной.

— Он целый? — первая голова качнулась из стороны в сторону.

— А то! — дёрнулась вторая.

— Уверен? Секач любит целых.

Ангус Янг заливался криком. Машина тряслась по дороге, совершала повороты, останавливалась на светофорах, летела мимо улиц и фонарей. Дождь закончился. Затем они вырулили на тёмное и узкое шоссе.

Денис пытался направить мысли в сторону поиска спасения, но голова болела нещадно, руки и ноги чесались и ныли под острой верёвкой, а пульс отбивал такты, приводившие в движения совсем неуместный в данной ситуации инстинкт. Рядом с ним сидела молодая и сочная девушка. Была ли она привлекательна? Вероятно да, потому что Денис боялся даже смотреть в её сторону — лишь запах её уже сводил с ума. Он втягивал её присутствие ноздрями, и облизывался, сглатывая скучную вязкую слюну, с ужасом понимал, что ни о чем другом думать сейчас не способен. Даже о собственном спасении.

Они остановили у небольшого загородного казино, которое будто плавало в черной и плотной сырой пустоте. Водитель заглушил двигатель, вынул ключ, обе лысые башки выбрались из салона и направились в обход мигавшего веселыми вывесками здания, бросив за спину что-то вроде — «без глупостей». Денис сразу принял с остервенением грызть верёвку. Девушка награждала его сочувственными взглядами, но помочь не решалась. Через некоторое время из леса донеслись хлопки, похожие на петарды. Девушка встрепелась и попробовала открыть дверь. Постучала в неё кулачком, но осеклась, увидев, что к машине, шатаясь, приближается одна из лысых голов.

Браток навалился на переднюю дверь, с трудом открыл её и бухнулся за руль. Кровь была у него на руке и текла из уха. Он завёл двигатель и, хрипло простонав, уронил голову на руль.

— Зажмурился, — шепотом произнесла девушка.

Денис испуганно посмотрел на неё, на замершего водителя, затем — в черные окна с остатками дождевых капель, и снова на девушку.

По радио читали новости, слишком громко, слишком навязчиво, едва заметная дрожь работающего двигателя гуляла по недрам заведённой машины. Денис вцепился зубами в верёвку. Она была наполовину пластиковая, никак

не поддавалась, только зубы заныли. Тогда он наклонился, пробуя освободить ноги. Темно и неудобно, на ощупь.

— Как тебя там, ты водить умеешь? — приоткрывая дверь, спросила девушка.

— Да, — кивнул он, протягивая к ней посиневшие руки, — развяжи.

Она села рядом с Денисом и принялась распутывать узел, подтачивая верёвку пилочкой для ногтей. Совсем рядом, расставив для удобства колени, склонившись к его груди, чтобы лучше разглядеть его руки. От неё пахло цветами и удовольствием.

— Ну, че, дальше сам? — спросила девушка, освободив запястья Дениса.

— Нет, — произнёс Денис и схватил её за руку.

В штанах у него зашевелилось, девушка заметила и закатила глаза:

— Ой, ну не сейчас же, дурак.

— Почему?

Одной рукой Денис потянул её на себя, а другой рукой принялся расстёгивать на ширинке пуговицы.

— Вот чиканутый, — испуганно хихикнула девушка.

— Ага, есть немного, — согласился Денис, — раздевайся.

— Да ну тебя, — брезгливо фыркнула, — не дам.

— Нет? — улыбнулся Денис, хватаясь обеими руками за её горло.

— Ладно, отпусти, я согласна, — прохрипела она, — только быстрее.

Она лихо задрала юбку, приспустила чулочки и, расположившись поудобней на заднем сиденье, раздвинула и задрала ноги. Трусики на ней не было. Она плюнула на ладонь и ловким движением смочила влагалище. Денис облизнулся и навалился на девушку. Он почувствовал, как его пенис выбирается из своей норки, как находит правильный путь, как проникает в её горячее лоно. Он услышал, как вскрикивает под ним эта худосочная проститутка, сначала тихонько и томно, затем громче и испуганней. И вот она уже хрипит и визжит от боли, уже царапается и рвётся прочь, пытается укусить, ударить ногами, но Денис всё крепче сжимает её, вдавливая тонкие женские кости в плотное кожаное сиденье, и вот уже лицо её бледнеет, и она тает под ним, словно снег под напалмом. А он жрёт её своим членом, проникая всё глубже и высасывая остатки крови. Путь к сердцу, как известно, лежит через желудок...

Водить машину Денис не умел. Он бросил её с двумя остывающими трупами, а сам двинулся по лесной дороге на вялый свет городского зарева. На пороге рассвета он добрался до какого-то пустынного перекрёстка, где за придорожными кустами пряталась вишнёвая девятка. В машине кто-то спал. Откуда-то из леса появилась высокая женщина, одетая в красную куртку. В этом ночном мире как будто только они и остались — бандиты и проститутки, упыри и оборотни. И он — кровососущее чудовище.

— Че надо? — устало жуя жвачку, спросила женщина.

Денис молча посмотрел на неё и протянул крохотную черную сумочку, прихваченную у девушки из бандитской машины. Проститутка взяла сумочку, надула белый пузырь из жвачки. Она выглядела противно — жирные ляжки в дырявых чулках, толстый слой косметики, кожа на руках дряблая, с сиреневыми

полосами набухших артерий. Она отрыла в сумочке небольшой кошелёк, заглянула в него и разочарованно фыркнула:

— За это отсос, если хочешь, на большее не рассчитывай. Идёт?

Под животом согласно зашевелилось, Денис кивнул. Они отошли к покосившейся осине, Денис прислонился к ней спиной, проститутка опустилась на колени, подсунув под ноги картонку из-под пиццы. Одну за другой, она расстегнула все пуговицы серых штанов Дениса, вынула изо рта жвачку, и, зажав её отведёнными в сторону пальцами, широко открыла рот и облизала языком губы. Его член еще не вырос, еще не вылез из своего дырявого мешочка, которое проститутка уже взяла в рот, пока небольшой и вялый, не рассматривая, и принялась сосать.

Чтобы добыча не убежала, Денис зажал её голову руками.

Через час рядом с сонной вишнёвой «девяткой» остановился большой чёрный джип. Просигналил. В «девятке» проснулись. Два мужика вышли, хрустя суставами и потягиваясь. Один направился к лесу, ковыряясь с ширинкой. Дошел до покосившейся осины и замер, промаргиваясь.

— Это че, че такое в натуре? Ох ё... Вот упоротая... блин... Шапка, Шапка, ноги. Валим, быро!

— Че там? — отозвался второй мужик.

— Она, кажись, хер откусила...

Их нашли какие-то дачники, гулявшие с собакой. Вызвали милицию и скорую, Алексея отвезли в больницу, в травматологию. За месяц, который он там провёл, к нему успели наведаться все: родители, сестра, бабушка, следовательно и какие-то друзья. Все спрашивали: «Как ты?». А он и не знал, что ответить — таз перемотан, пишет из трубочки. Когда ему меняли повязку, он успел заметить некоторые изменения. Член будто выскочил из мошонки и убежал, прихватив с собой еще и яйца. Ушел от него, точно посуда от Федоры. Причем сделал это почти бескровно, поэтому Денис и выжил. Без него крайняя плоть беспомощно свисала над промежностью, словно опустевший носок, и даже крысиные ушки поникли, точно завяли. Что делать дальше и что с ним сделают дальше, Денис не знал, думать об этом не хотелось. Заодно с членом его покинула невыносимая гнетущая тяжесть — огромная нечеловеческая похоть оставила его. И без неё мир представился Денису светлее и чище. Жизнь упростилась, а грядущие наказания показались не такими уж и страшными.

Проститутка пришла в сознание в «обезьяннике», после чего её несколько часов рвало. Стоя на коленях перед загаженным разбитым унитазом, она в очередной раз покланялась Богу завязать с проституцией. Из милиции её отправили в больницу. Там ей стало еще хуже.

К вечеру третьего дня она открыла глаза и обнаружила себя лежащей под капельницей. На соседней койке заливалось храпом чьё-то забинтованное тело. Была ночь, по палате стелился голубоватый мрак, запах йода и далёкие

всхлипы больничных коек. Внутри у неё что-то бурлило и копошилось.

Она подняла голову, отодвинула одеяло и увидела, как на животе один за другим вздуваются пузыри. Их было больше десяти, каждый размером в несколько сантиметров, они росли, и внутри них что-то царапалось. Сердце забило чаще, в голове зашумело, перед глазами рассыпались звёзды. Один из пузырей лопнул и вместе с кровью и желчью из него появился крысёнок. Из соседнего пузыря — второй, за ним третий, они ворочались внутри своих лопнувших пузырей и, перебирая лапками блестящую в больничной полутьме слизь, начинали объедать их рваную окровавленную кромку. Слепые фиолетовые крысята. Только вместо носиков проститутке почудились крохотные пенисы. Лысые, блестящие головки с единственной дырочкой на носу.

Проститутка тяжело вздохнула и умерла, а крысята вылуплялись и торопливо жрали её тело.

СЕРГЕЙ КОРОЛЕВ

Автор о себе: «Живу в Екатеринбурге. По образованию журналист. На деле — ведущий и сценарист утреннего шоу на местной радиостанции. Работаю с шести утра, не высыпаюсь, потому и мерещится всякое... :) Как правило, это „всякое“ потом и описываю в своих рассказах. Увлекаюсь кино, телевидением и озвучкой рассказов. Это мой первый рассказ, публикующийся на бумаге».

Кто-то танцевал в бледном свете уличного фонаря. Сквозь хоромы снежинок Клим видел фигуру в меховом пальто. Незнакомец кружился на ярком пятачке посреди ночи, который напоминал маленькую сцену.

Казалось, стены комнаты танцевали вместе с незнакомцем. На желтых обоях метались бесформенные тени, словно в комнате безмолвно гремел потусторонний бал. Пляски невидимок.

Боясь, что ночной танцор его заметит, Клим шагнул в глубину спальни, ставшей чужой в полуночном мраке. Но чем дальше он отступал от окна, тем неистовее становились танцы теней. Голова кружилась, к горлу подступила тошнота. Мгновение — и фонарь на улице погас.

Неожиданно в пелене белых снежинок прямо у окна возникла фигура в меховом пальто. Черном, с пушистыми отворотами и блестящими пуговицами. Нечто зависло в морозной дымке на уровне третьего этажа.

Клим застыл на месте, глядя туда, где у ночного танцора должна бы быть голова. Но над меховым воротником зияла черная пустота.

Клим не шевелился, боясь выдать себя. Надеялся, что танцор не увидит его в темноте.

Но нечто по ту сторону знало, что он стоит посреди комнаты. Следило и ждало, когда Клим двинется с места, чтобы закружить его в ночном танце. Пляске теней.

По подоконнику пробежал сквозняк. Легкий, едва уловимый, как дыхание спящего ребенка. Ветер проник с улицы, сквозь вату и пыльные полосы скотча ворвался в теплое пространство квартиры вместе с блестящими крупичками снега. От сквозняка затанцевали цветочные красные занавески. Сперва нехотя, колыхаясь над полом от легкого шелеста зимы. Спустя секунду они бились яростно и неудержимо, как полотнища флагов в бурю.

Из-под ног ускользнул ворсистый ковер, сбежал к занавескам, что плясали в ночи. Клим не упал, не споткнулся. Ноги его, зависнув над самым полом, затанцевали, не подчиняясь хозяину. Дрыгались в стороны, извивались бледными змеями в такт безмолвной дудке злобного факира.

Проснулись вещи, проснулась мебель. Со всех сторон прыгали и начинали резвиться предметы: старые книги, одежда, ржавые инструменты. С постели

слетело покрывало, дернулось вперед — выписывать пируэты вокруг хозяина. Следом взлетела подушка, но зацепилась за острый угол стола и теперь осыпала комнату снегопадом из перьев.

А Клим продолжал безумствовать под надзором ночного гостя. Вслед за ногами затанцевали руки, голова. Бесконтрольно, произвольно, словно невидимый кукольник дергал Клима за скрытые ниточки.

Скрипнули зубы, крик отчаяния застрял глубоко внутри. С застывшей на кровавых губах гримасой боли Клим танцевал в тишине комнаты, в такт снежинкам за окном. В такт бешеному биению сердца, которое грозило взорваться в груди. В такт бесконечно длинным рукавам черного пальто, которые дергались, словно дирижируя полномуночному балу теней в комнате. В такт пляске невидимок.

Игорь шел по заснеженной тропе, глядя, как его бульдог трусит вдоль дремлющих фонарных столбов и орошает сугробы дымящими струями. Мужчина сладко зевал и ежился от мороза, опустившегося на город ледяным покрывалом.

Неожиданно у самой границы усталого сознания промелькнуло что-то черное, мохнатое и блестящее. Взгляд зацепился за окно стоящей во дворе пятиэтажки. Там, в комнате на третьем этаже, не спали. Игорь остановился и сощурил заспанные глаза. В хороводе снежинок, заполнивших мир, он увидел странную картину. Кто-то танцевал в бледном свете уличного фонаря.

Вызов Алексея Жаркова (рассказ «Джинн строгого режима», 228 слов и 1485 знаков, полных черного юмора) принял Юрий Погуляй с пронзительной миниатюрой в 137 слов и 901 знаком по счетчику.

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ

У ВАС ОДНО НОВОЕ СООБЩЕНИЕ

(137 слов; 901 знак)

Начало всему есть действие особенное. Твоя жизнь это ведь череда твоих же решений, десятки маленьких начал. Пригласить на свидание, сделать предложение, завести ребенка, сменить работу. И вот полдороги позади, ты ждешь зеленого на пешеходном переходе: успешный, довольный, с букетом цветов в правой руке и с леденцом для дочурки за пазухой. В ладони мобильник с сообщением от жены. У тебя еще столько планов, столько идей. Построить дом, смотаться на Алтай, накопить денег на поездку семьей в Ирландию.

Но, в отличие от начала, конец — это хаос, а если и решение — то не всегда твое. И вот ты открываешь сообщение от жены и, холодея, смотришь на фотографию изрубленного детского тельца. Челюсть ребенка свернута набок, губы лопнули, щека превратилась в уродливый мешок для костей. Сквозь кровавые разводы на полу виден постеленный в прошлом году ламинат.

Под фотографией стоит подмигивающий смайлик.

МАКСИМ КАБИР

КОЗОДОИ

шёл дождь, козодои кричали в леске,
тянуло с торфяников гнилью.
аллея петляла, и дом вдалеке
надгробьем казался унылым.

и мы добровольно скакали к нему,
хранившему холод, таившему тьму
и память о красной живице,
струившейся по половицам.

и шутки смолкали. и кони пряли
ушами. я помню фронтоны
в тумане. я помню, как доктор ильин
сказал, что похожи на стоны

скрипенье порога, тяжёлых дверей.
а анна поёжилась: «право,
давайте же с этим покончим скорей».
...тот дом называли кровавым.

в нём располагался сиротский приют.
прошло, почитай, четверть века
с тех пор, как устроил побоище тут
безумный и злобный калека,

глухой никодим, что следил за скотом,
а ночью, под грома салюты
по спальням с огромным ходил молотком.
так сделался ныне заброшенный дом
могилой для бедных малюток.

и сам живоде́р, как велел сатана,
а, может быть, — лютая брага,
повесился в холле, левее окна,
но как утверждают, однако

остался навеки в доме заточён.
и медиум наша сказала,
что будто бы фибрами чувствует: он
за нами следит из подвала.

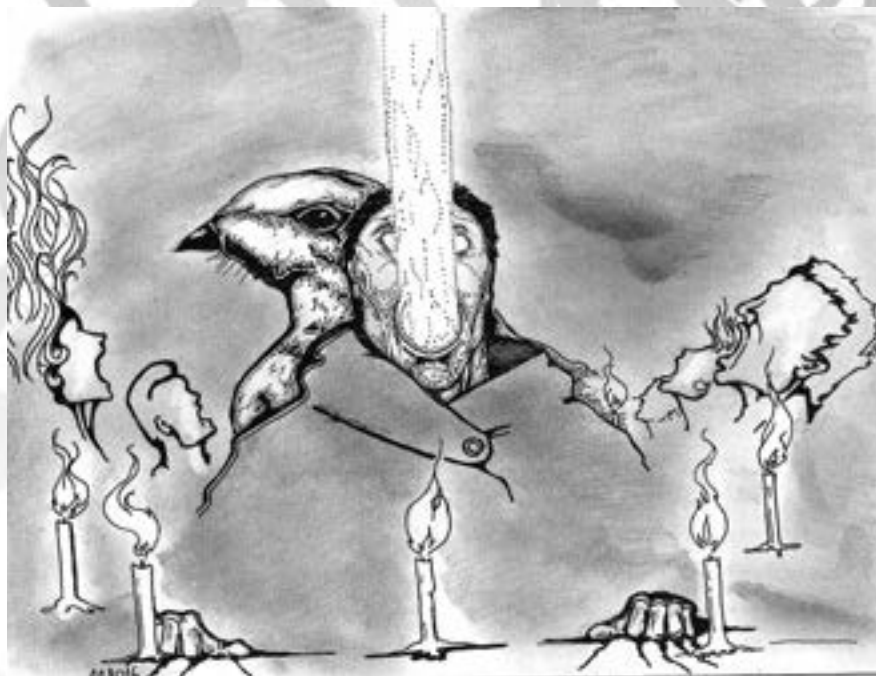
нас шестеро было, и кто-то седьмой
гремел в водостоках и топал в каминной,
шуршал, притворяясь безжизненной тьмой
мышьиной вознѐй, паутиной.

«согласно сенеке, — промолвил ильин, —
вся жизнь — размышление о смерти.
и что там — мы можем гадать до седин,
а можем сейчас же проверить.

живѐт ли вне немощной плоти душа,
и если ты умер, то умер, и — ша?
там черви и мёрзлые склепы
иль радости божьего неба?

а что до спиритов, что в моде теперь,
не есть ли молитва христова
сама спиритизм, отпирающий дверь
посредством господнего слова?»

«arcana coelestia», ню и дени
и кардека, и сведенборга
читали мы, чтобы себе объяснить
куда попадём мы из морга.

и анна, прекрасная анна моя
меня подхватила за локоть,
и тени густые, у лестниц роясь
нас пачкали в чёрную копоть.

шёл дождь, козодои кричали в ночи,
царапал сучок подоконник,
и мнилось, что молот, кряхтя, волочил
над нами оживший покойник.

мы сели за стол под охраной свечей,
под пристальным взглядом ничейных очей,
и знать о присутствии призраков чтоб,
настроил ильин спирископ.

в руке моей левой писателя кисть,
возлюбленной аннунки — в правой.
«коль есть в этом доме хозяин — явись», —
промолвил наш круг шестиглавый.

«явись и стучи, коли раз — это да,
а коль отрицание — дважды».
ильин перебил: «боже мой, господа!
смотрите!», и понял вдруг каждый
из нас, что свершилось: и вот изо рта
спирита сочится сама темнота,
та тьма, что мы издревле жаждем.

трещал спирископ, ледяная струя
трепала мне волосы, анна моя
мне стиснула руку. и слева
писатель затрещал. из зева

спирита торчал эктоплазменный столб,
эфирное тело. подрагивал стол.
и мел сам собой выводил на доске:
«шёл дождь, козодои кричали в леске,

и шесть простодушных скакали туда,
где свет это нет, темнота это да».
голодная липкая жуткая тьма
сочилась из медиума.

она колебалась, как чёрный муслин,
она разрасталось по залу.
«свершилось!» — кричал изумлённый ильин
«мы сдохнем здесь», — анна сказала.

нас шестеро было, и кто-то седьмой,
немой, как замшелые плиты
косматой фигурой вставал за спиной
уже неживого спирита.

и маревом адским окутало дом
и тени вскричали: «пришёл костолом.
тук-тук — это значит пришёл костолом.
вы сдохнете здесь за столом».

и рук не разъять, точно склеены мы
писатель с раздробленным рухнул затылком
сломался хребет иванова, из тьмы
безумная морда сверкала ухмылкой.

обмякла сначала жена ильина,
а следом — ильин: был снесён его череп
«прости меня, анна», — сказал я. она
кричала. шёл дождь, и мы ехали через

лесок, и в тумане ворочался дом,
шесть мёртвых сидели за круглым столом.
есть круг, и нельзя разорвать этот круг.
ты слышишь, родная?
тук-тук.

**Мария Артемьева и авторы
проекта «Самая страшная
книга» представляют:**

Темная сторона сети

**спрашивайте в книжных
магазинах!**

Писатель. Автор романов «Нежилец», «Дыхание зла», «Красный дождь». Живет в Санкт-Петербурге.

ВИКТОР ГЛЕБОВ

НЕЧТО НА РАНДЕВУ, ИЛИ ОТЛОЖЕННАЯ ВСТРЕЧА С УЖАСОМ

Конан-варвар шёл по лесу, и вдруг из кустов выскочил трёхметровый ящер с капающей из пасти зелёной слюной. Воин достал меч, и за пять минут порубил его в куски. Монстр был страшный, подробно описанный.

Мы могли бы нарисовать его, если бы нам в голову пришла подобная фантазия. Но она не придёт. Почему? Потому что, хотя ящер был страшным, встреча с ним нас не испугала. И дело даже не в том, что нам заранее известно: Конан непобедим. Дело в том, что совершенно очевидно: судя по объёму произведения, подобных встреч у героя впереди немало.

Кроме того, ещё Лавкрафт убедительно объяснил в своей статье, посвящённой обзору литературы ужасов, что пугает то, что нельзя представить. Детали и конкретика — это смерть монстра. Рубануть его топором по шее — чистая формальность.

Конечно, мы пишем хоррор ради чудовищ. Вообще антагонист, кем бы он ни был, двигает сюжет, потому что, если бы не он, не его ненависть, жадность, желание власти, неутолимый голод или страх — ничего не случилось бы, и писать было бы не чем.

Поэтому нам хочется поскорее перейти к нему, показать его читателю. Но нет большей ошибки в хорроре, чем ввести НЕЧТО слишком рано.

Даже если вы планируете слэшер, в котором героев будут мочить одного за другим, ритмично и разнообразно, нельзя показывать того, кто это делает. Чем меньше деталей вы назовёте, тем больше останется простора для читательского воображения, а ведь ничто не пугает сильнее, чем наши фантазии. Как известно, у страха глаза велики.

Однако, означает ли вышесказанное, что монстр должен появиться только в последней главе, неожиданно и непредсказуемо? Разумеется, нет. Случись такое, и читатель будет в шоке — ведь подобный поворот сюжета идёт вразрез со всем предыдущим повествованием. Значит, нужно постепенно вводить в произведение так называемые «тревожные звоночки», которые поначалу можно будет объяснить материалистически. Но чем дальше, тем эти объяснения будут менее убедительными — как для читателя, так и для героев.

С чего же начать? Первое, что приходит в голову, — предостережение. Семья

переезжает в новый дом, а пьяный в дупель сосед говорит: «Вы с ума сошли?» Дальше есть два варианта развития. Либо он рассказывает, что в этом доме уже три семьи скопытились, либо неожиданно отказывается объяснить свою реакцию (это предпочтительнее, потому что загадочнее). Данный «звоночек» заимствован хоррором из страшных народных сказок (например, «Женех-разбойник» из собрания братьев Гримм, где девушка приходит в гости к своему жениху, живущему с приятелями в бараке посреди леса, а её там встречает старуха, которая говорит, что она зря пришла, ибо жених её — душгуб, и сейчас отправился на очередное чёрное дело). В принципе, подобный сюжетный ход настолько растиражирован, что у читателя должен вызывать лишь усмешку — заодно с дежавю, конечно.

Второй «звоночек» — это предсказание. Герой пошёл к гадалке, или она сама подошла к нему на улице — в результате он получает предсказание, неясное, но тревожное. Здесь главное обставить ситуацию, в которой получено предсказание, максимально обыденно. Никаких карт Таро, свечей, колыхания тьмы по углам и так далее. Театральность превратит данный эпизод в нечто несерьёзное, ожидаемое.

Третий «звоночек» — это предмет-лейтмотив, то есть, предмет, регулярно

появляющийся на страницах произведения. Например, семья переезжает в новый дом и находит там среди старых вещей очки в роговой оправе. Их выбрасывают вместе с осталь-

«НУЖНО ПОСТЕПЕННО ВВОДИТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ „ТРЕВОЖНЫЕ ЗВОНЧКИ“».

ным хламом, но через пару дней снова натываются на них. Кроме того, очки так или иначе упоминались до этого момента и упоминаются после. Подобный приём использован в фильме «Тёмные воды».

Четвёртый «звоночек» — тревожное ощущение, охватывающее героев в определённых местах, или в определённое время суток, или при взгляде на предмет (пейзаж).

Пятый «звоночек» — знак. Символы, надписи, следы крови, царапины от когтей. Они могут быть видны всем или только некоторым героям.

Шестой «звоночек» — проявление сверхъестественного. Полтергейст, шёпот, свечение, предметы оказываются не на тех местах, где их оставили, из унитаза вылезает мертвец, из стен высовываются пальцы, в отражениях видятся бледные лица, и так далее. Это лучше припасать на середину действия.

Седьмой «звоночек» — необъяснимая смерть. Хозяйка сдала квартиру

молодой семье, и через неделю оказалось, что вся она померла, причём загадочно. Или та же участь постигла свежескупленного хомячка, найденного на дне клетки с выражением неописуемого ужаса на лице. Пардон! На морде.

Восьмой «звоночек» — животные и люди, отличающиеся от других. Кошки и собаки ведут себя странно, проявляют беспокойство или агрессию, прежде им не свойственную. Возможно, они даже нападают несколько раз на детей, и их приходится усыпить. Или сбегают из дома. Или не хотят заходить в какую-то комнату. Или не спят по ночам.

Таким образом подогревается читательский интерес, создаётся предвку-

шение встречи с аполотетом зла. Это что-то вроде спрута, распутившего шупальца. Видеть герои должны поначалу только кончики этих шупалец, постепенно подбываясь к голове. Но, разумеется, в результате читателю должно стать ясно, что все несвязанные, на первый взгляд,

«НУЖНО ВЫБРАТЬ НЕСКОЛЬКО ЯРКИХ ДЕТАЛЕЙ, КОТОРЫЕ ЛИШЬ НАМЕТЯТ ТОЧКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, НО ОСТАВЯТ МЕСТО ДЛЯ ВООБРАЖЕНИЯ».

проявления ужасного действительно являются частями единого целого.

И вот настал долгожданный час встречи с монстром! Здесь без описания не обойтись, однако не стоит увлекаться полной картиной. Нужно выбрать несколько ярких деталей, которые лишь наметят точки представления, но оставят место для воображения. Нужно следить за тем, чтобы читатель не смог нарисовать чудовище по данному в книге описанию! Глаза, пасть, когти — пусть. Но не целиком! Тогда читатель дополнит остальное сам и не будет разочарован.

Итак, что следует учитывать при написании хоррора? Цель повествования — не встреча с ОНО, это лишь логическая кульминация сюжета. Цель — создать атмосферу ужаса ДО встречи. Именно ради этого читатель берёт в руки роман ужасов, а значит, и автор должен уделять основное внимание именно этой части произведения. Саспенс, саспенс и ещё раз саспенс — вот залог успеха!

МАКСИМ ДЕККЕР

СПЛАТТЕРПАНК, ЛИТЕРАТУРА КРАСНЫХ БРЫЗГ

Автор о себе: «Родился 12.05.1998 г. в Одессе (Украина). Окончил гимназию, поступил в ВУЗ. На „творческом“ поприще выступаю публицистом, рецензентом, переводчиком.

Пишу рассказы.

С детства тяготею к жанру хоррора (особенно кровавого)».

„ «Девчонка без челюсти, лишившись чувств, откинулась в кресле и, как сообщил один свидетель, от удара буквально „взорвалась“. Ее голова отлетела на задний ряд... и приземлилась на колени зрителю, которому не пришлось вставать, чтобы увидеть происходящее. Бесплатные добавки попкорна его уже не интересовали. Кровь из туловища девчонки брызнула во все стороны, словно дождевая вода из-под колеса проезжающей машины. Ее подруга могла бы работать дублершей Сисси Спачек в фильме „Кэрри“ (помните сцену с упавшим ведром?), если б вместо ведра была ванна. Она стояла, прилипнув к месту от странного избытка крови... вырвавшегося из мешка плоти, с которым она пришла в этот кинотеатр. Несмотря на все это, мышечная память позволила ее пальцам набрать на клавиатуре телефона сообщение „Боже, вот это месиво!“ »

Райан Хардинг, из рассказа «Первые признаки», сборник «Генитальный измельчитель»

А теперь — начнем с банальностей.

Сплаттерпанк — вид литературы/кинематографа/живописи, в котором в избытке присутствуют циничные описания насилия и жестокости. Принято считать, что «отцом жанра» в литературе стал американский писатель Дэвид Дж. Шоу, который в 1986 году на двенадцатом «Мировом Конвенте Фэнтэзи» в Провиденсе, штат Род-Айленд, описал сплаттерпанк как «гиперинтенсивный хоррор без границ». Хотя «отцом-основателем» можно назвать и Эдди С. Бертина — издавал свои кровавые истории в антологиях Северной Америки и Европы с начала 70-х годов, или же — нуариста Гила Брюера. В просвещенных кругах бытует также теория, что новелла Майкла Ши «Вскрытие», номинированная на премию «Хьюго» в 1981 году, является «прото-сплаттерпанком».

Появился жанр — возник фурор, а с ним — и спрос. Литературные критики

отнеслись к такому типу искусства по-разному: одни называли его «эпатажной одой экстремальному насилию»; Роберт Блох и Вильям Ф.Нолан нарекали «инфантильным мясом ради мяса» (большинство авторов не согласны с этим), но ясно, что этот жанр стал одним из решающих шагов к «безграничному пост-модернизму», и ударом ножа в сердце священной литературной коровы.

Основными чертами сплаттерпанка и его более жестокой производной — экстремального хоррора, являются в большинстве случаев — простая, даже примитивная манера письма, преимущественное обращение к школе рационального страха (реальные опасности), мрачно-гнетущая стилистика в духе классического нуара, циничные интонации и яркие сцены кровавого насилия.

Как правило, героями жанра выступают маргиналы: маньяки, убийцы, психопаты, социопаты, представители различных субкультур и прочие «заблудшие души». Раньше было распространено сюжетное клише и все действия кровавой прозы велись в урбанистических декорациях и на их окраинах. Однако вскоре появились новые идеи, и авторы принялись устраивать кошмарную резню в стенах богатых особняков (Эдвард Ли и Рэт Джеймс Уайт — «Тератолог», рассказ Моника Дж. О'Рурк «Эксперимент в человеческой природе»), в лабораториях (Шон Хатсон «Отбросы», рассказ М. Дж. О'Рурк «Жасмин и Чеснок», цикл произведений Р. Д. Уайта «Мокрые секунды»), непроходимых джунглей (Ричард Лаймон «Остров»), темных лесах и неизведанных пещерах (Брайан Смит «Порочный»), на космических и морских судах и даже в подводных лабораториях-тюрьмах! Как видим, субжанр действительно не ограничивает себя ни в чем.

Нередок в подобных текстах чернушный юмор на грани абсурда. К примеру, Моника Дж. О'Рурк, Эдвард Ли, Кристофер Рафти, Рэт Джеймс Уайт и Ричард Лаймон, помимо избыточных кровавостей, могут удивить читателя циничным стебом вокруг ситуации и героев.

КРОВАВЫЙ ПАРАД НА ЗАПАДЕ

Старт шествию под алыми знаменами, как известно, положили Дэвид Дж. Шоу, С.П. Сомтоу, Клайв Баркер, Питер Страуб, дуэт Скипп-Спектор, Рекс Миллер, Джек Кетчам, Эдвард Ли (тогда известный как Филипп Стракер) и Ричард Лаймон. Именно эти авторы стали новыми звездами хоррора, обратившими в прах все культурные рамки, чтобы показать миру ненормальную сторону реальности. Их работы — эпатазирующая революция нового времени.

Невозможно писать о сплаттерпанке, не упомянув самого яркого представителя этого жанра — британца Клайва Баркера и его работы: «Восставший из Ада», «Проклятая Игра» и бессмертные «Книги Крови». Насилия, жестокости и эротизма у Баркера в избытке, но отвращения они не вызывают благодаря его таланту; Баркер поэтизирует все это, отчего его проза и вправду кажется «волшебством высшего порядка».

” «Тут же, как только ей пришла в голову эта нелепая мысль, его тело начало менять форму. К сожалению, это было не то превращение, которое случается в сказках, — его плоть сопротивлялась такому волшебству. Она вынудила его мужественную грудную клетку сформировать груди, и они начали соблазнительно вздыматься, пока кожа не лопнула и грудина не раздалась в стороны. Его таз, словно надломленный посередине, тоже стал расходиться; потеряв равновесие, врач упал на стол и оттуда уставился на нее: лицо его было желтым от потрясения, он вновь и вновь облизывал губы, пытаясь заглотить, но рот его пересох, и слова рождались мертвыми. Самое чудовищное происходило у него в промежности: оттуда брызнула кровь, и его внутренности глухо шлепнулись на ковер.

Она закричала при виде сотворенного ею чудовищного абсурда и отпрыгнула в дальний угол комнаты, где ее вырвало в горшок с искусственным растением.

— Боже мой, — подумала она, — это не убийство. Я ведь даже не дотронулась до него!»

Клајв Баркер, из рассказа «Ее последняя воля», сборник «Книга Крови. Том 2»

Если у Баркера необычный слог и эстетика перевешивают грязь, то у его соратников все наоборот. Большинство авторов, чтобы компенсировать отсутствие уникального стиля, в грубой манере потрошат все и всех направо и налево. И некоторые из них описывают смерть с восхищением.

Возьмем, к примеру, роман Поппи Зэд Брайт «Изысканный труп», изданный в 1996 году. Помимо обилия гомосексуальных и бисексуальных персонажей работы П. Брайт отличаются неподражаемым языком, атмосферой, пропитанной духом южной готики и кровопусканиями в режиме «нон-стоп». В гротескной и восторженной манере в своем третьем романе автор описывает грязь, мерзость и обыденный разврат Эндрю Комптона, серийного убийцы-некрофила. Наслаждаясь этим романом, читателю порой приходится бороться с подступающей тошнотой.

” «Джей разломал бы грудь, будь у него время; это сложная работа, требующая пилы и изрядных усилий, но ему нравилась симметрия разных мышц и мешочков, столь отличающихся от слизкого желе живота. А когда ломаешь соединительный хрящ, то ребра раскрываются, словно алые крылья, покрытые снегом».

Поппи Брайт, из романа «Изысканный труп»

Некоторые рецензенты утверждают, что поэтическая одухотворенность свойственна перу Райана С. Томаса, автору романа «Лето, когда я умер» — типичное «пыточное порно», бескомпромиссно жестокое и напряженное, но без особой «эстетики насилия».

Авторы жанра нередко обращались к криминальным колонкам, чтобы достоверно изучить психологию преступников, описать достоверную ситуацию или получить заряд вдохновения. Так, американский писатель и сценарист Джек Кетчам в 1989 выпустил свой роман «Девушка по соседству», в основе которого лежит убийство Сильвии Мэри Лайкенс.

В мрачном и тяжелом стиле Джек мастерски описал, через какие кошмары

прошла в юности эта девочка, и данную книгу можно назвать по-настоящему жестокой. В(2007 году вышло два фильма по мотивам этой книги: «Американское преступление» Томми О'Хэвера и «Девушка по соседству» Грегори Уилсона — они точно не оставят вас равнодушными).

В начале 90-х в Америке под руководством Пола М. Саммона вышла диалогия «Splatter-punks». Помимо ранних рассказов Джо Р. Лансдейла, Рэя Гартона, Бентли Литтла, Рекса Миллера и Джека Кетчама она включала в себя различные эссе, рецензии и интервью с кинематографистами, писателями, художниками, представителями различных сект. Рассказами экстремальной литературы наполнены антологии Стивена Джонса. Именно благодаря переводам его сборников русский читатель смог ознакомиться с короткой прозой Поппи Брайт, Юна Айвиде Линдквиста, Дэвида Дж. Шоу, Рэя Гартона, Эда Гормана, Элизабет Масси и других.

Ричарда «Дика» Лаймона можно назвать тем человеком, благодаря кото-

рому жанр набрал серьезные обороты. Его литературу высоко оценили Стивен Кинг и Дин Кунц, и по сей день в память о нем крупные издательства выпускают тематические антологии. Отличительными чертами его произведений являлись кровавое и жестокое насилие, восхищение деталями женской анатомии и всегда неожиданные повороты сюжета. Именно эти три элемента стали

«АВТОРЫ ЖАНРА НЕРЕДКО ОБРАЩАЛИСЬ К КРИМИНАЛЬНЫМ КОЛОНКАМ, ЧТОБЫ ДОСТОВЕРНО ИЗУЧИТЬ ПСИХОЛОГИЮ ПРЕСТУПНИКОВ».

ключевыми элементами так называемого «классического сплаттерпанка», авторов которого называют «носителями лаймоновского языка».

Эти же черты скандального жанра проникли и в прозу контркультурных авторов вроде Чака Паланика, Дэвида Вонга, Саймона Стронга, Ирвина Уэлла и Мэттью Стокоу. Последний чрезвычайно эпатазировал публику дебютным романом «Коровы», который многие назвали «одной из самых мерзких книг, когда-либо написанных». В этом тексте Стокоу, выступая этаким адским Достоевским, создает ад человеческого псевдобытия кровью, кишками и спермой, в завуалированной манере затрагивая ряд социальных и метафизических вопросов. Вторая работа автора — «Высшее общество» — представляет собой криминальный роман с элементами «torture porn», написанный в традициях американского нуара. Если сравнивать с «Коровами», то эта книга послабее в плане жести, но зевать все равно не придется. Это же Стокоу, друзья! А значит — яростный микс из беспощадных убийств, пыток, некрофилии, зоофилии, копрофилии, эметофилии и прочих «прелестей».

” *«Человек-бык стоял с прямо торчащим членом и ждал, когда она замолчит. Вскоре девушка только сопела. Человек-бык приподнял отбойный молоток, жестом приказал мужчинам раздвинуть ее ноги шире, и вонзил бур ей в ***».*

Затем нажал на кнопку.

Инструмент ворвался в нее, ударник залило кровью. Человек-бык направил его дальше, молоток пробил ее спину — я услышал звук трения металла о бетон».

Мэттью Стокоу, из романа «Высший Свет»

Помимо криминального нуара, на жанр оказал сильное влияние кинематограф. Например, дебютный роман Адама Сезара «Соплеменники» является неприкрытой «романизацией» и поклоном «Аду каннибалов» Руджеро Деодато. Причем, написанный здорово! Напряженный, с нотками сухой философии и умеренным, но впечатляющим насилием. Темы киноиндустрии и ее черты невооруженным глазом заметны в ряде произведений Дэвида Дж. Шоу, Джея Ф. Гонсалеза, Мэттью Стокоу, Роберта Деверо и многих других.

В 21 веке востребованный жанр получил довольно сильную поддержку западного общества. С начала 2000-х в Северной Америке, Канаде и странах Объединенного Королевства то и дело проводятся литературные фестивали и конкурсы критики вроде «Killerson», на которых как начинающие, так и авторы-ветераны представляют свои работы. Именно благодаря таким мероприятиям более широкому кругу поклонников жанра стали известны Рэт Джеймс Уайт, Шейн МакКензи, Райан Хардинг, Моника Дж. О’Рурк и Брайан Смит.

На примере Рэта Джеймса Уайта, второго после Эдварда Ли «короля американского сплаттерпанка», можно сказать, что новый сплаттерпанк окончательно уничтожил все моральные рамки и запреты.

Не вкусив удачи на боксерском ринге, Уайт подался в прозу и за пару лет усердной работы получил титул автора одних из самых кровавых произведений на планете. Его «пиком славы» можно назвать романы «Похититель трупов» (книга о безумном гении, который раз за разом убивал и воскрешал свою соседку-красотку) и «Сочная жертва» (о парне-психопате, который в детстве попал к маньяку) — они уже стали культовыми. Необходимо упомянуть и его остросоциальную гротескную повесть «Жизнь без людей». Одной из главных заслуг Уайта можно считать то, что он — второй после Эдварда Ли — андеграундный автор, работы которого изданы для мейнстримного читателя, в массовую продажу. Кроме того, Уайт цеpleяет жестокостью. Дикой, кровавой, циничной и чрезмерно брутальной. По сравнению с прозой Уайта то «добро», которым Мэттью Стокоу напичкал своих «Коров» и «Высшее общество», покажется детским лепетом.

” *«Женщина выпрямила ноги и встала ровно. Тодд обеими руками схватил детскую головку и резко дернул, словно собирался обезглавить младенца, оставив само тельце внутри матери. Ребенок выскользнул из женщины и упал на пол, все еще связанный с матерью пуповиной. Тодд вспомнил, как убил свое дитя. Если он смог сделать это со своим ребенком, если мать смогла убить*

его братика еще в утробе, он уже не мог испытывать жалости к чужим детям. Тодд поднял ногу и наступил ребенку на голову, раздавив как гнилую дыню. Из ушей брызнула кровь и мозговое вещество».

Рэт Джеймс Уайт, из повести «Жизнь без людей»

Своеобразным прорывом в экстремальном хорроре стал британский писатель Мэтт Шоу, который с 2004 года выпустил свыше 130 книг. Кому-то этот молодой автор покажется лютым графоманом, другим — «жемчужиной в океане жестокости», но бесспорно одно — Мэтт Шоу является автором самых нигилистических книг в мире, которые, тем не менее, по отзывам, оценкам и статистике «Амазона» являются своего рода бестселлером.

Мэтт — тот, кто доказал, что самиздатовские авторы могут достигнуть колоссальных вершин в продажах и популяризации своих работ при правильном подходе. Визитной карточкой Мэтта является роман «Больные уб*юдки» (издан в 2014 году). Про эту книгу на одном из Comic-Con'ов в СК лестно отозвался сам Грэм Мастертон, а по версии Goodreads «Больные уб*юдки» занимают 20-е место в списке «Самые популярные книги экстрим-хоррора». Постапокалиптическая Англия, некрофилия, канныализм, инцест, мат и прочие «прелести» нового мира, свободного от каких-либо устоев социума: что же может быть хуже лучше? По мотивам этой книги планируют издать серию комиксов (не удивлюсь, если это будут Avatar Press, порадовавшие глаз «Крестосносцами» и «Сшитыми»), а сам Мэтт вместе с известным независимым режиссером Дэном Броунли уже трудится над экранизацией своих произведений.

Рискнете ли вы с головой (если ее не отрубят) погрузиться в порочный мир Шоу?

„Я посмотрел на мясо, а мясо уставилось на меня и мою Сестру широко открытыми от страха глазами. Потом затрясло головой и замычало. Слов было не разобрать из-за разбухшей от слюны тряпки у него во рту, но я и так знал, что оно умоляет нас сохранить ему жизнь. Всегда одно и то же. Ничего нового.

Сегодня мясо было мужское. Я чувствовал некоторое разочарование. Предпочитаю „женскую“ кухню. Кожа у нее нежнее и ее легче жевать.

Я сел за стол, рядом с Матерью, и задул свечу. Тут в ней уже нет надобности. В трапезной свечи горели по всем четырем углам, хорошо освещая помещение. Оно всегда должно быть хорошо освещено, чтобы никто из нас случайно не проглотил осколок кости.

— Отец наш Небесный, благодарим тебя... — начала моя Сестра.

— Не знаю, зачем ты постоянно твердишь это, — сказал Отец. — Он все равно нас не слышит. — И с этими словами воткнул нож в ногу мяса.

Мясо закричало. Мясо всегда кричит. Когда мы сделали это с мясом в первый раз, его крик вверх меня в ступор. И мою Сестру. У Матери и Сестры потом вообще случилась истерика, но все знали, что мы должны его съесть, или все будет насмарку. Даже Отец выглядел так, будто его сейчас вырвет. Теперь для нас это просто часть ритуала. В том, прошлом мире, который не так давно умер, я бы сравнил это с писксом омара, брошенного в кастрюлю с кипящей водой...

Мясо закричало снова, когда Отец начал работать ножом, отрезая большой ломоть от его бедра».

Мэтт Шоу, из романа «Больные уб*юдки»

Пристальное внимание к «темно-багровой» продукции стало весомым аргументом для весьма именитых издательств (к примеру, Deadite Press, Sinister Grin Press, Festa Extreme и Camelot Books) и они активно издают и переиздают антологии и романы в жанре экстрим-хоррора.

Тут следует не забыть еще и про Карлтона Меллика Третьего и его «сына по перу», Андрэ Дузу, основателей жанра «bizarre fiction» и популяризаторов зомби-хоррора. Их творчество и идеи тесно перекликаются со сплаттерпанком. Карамельные роботы вторглись на Землю, чтобы заразить людей плесенью-пожирателем и обратить их в кровавое биотопливо? Отличная идея! Добро пожаловать в bizarre! Но это все-таки другая история...

АЛАЯ СТОРОНА РУССКОЙ ДУШИ

Если на Западе «сплаттерпанк» давно уже на марше, то на постсоветских просторах лишь редкие одиночные выстрелы пронзают тишину... Книги таких зарубежных авторов, как Поппи Брайт, Мэттью Стокоу, Ричарда Лаймона, Джо Р. Ланслейла и С. П. Сомтоу давно раскупили, но можно найти более массово изданных Клайва Баркера, Тесс Геритсен, Чака Паланика, Роберта Мак-Камона, Брета Истона Эллиса, Бентли Литтла и антологии Стивена Джонса.

И все-таки есть отечественный хоррор, которого так мало, но он тоже изобилует порой лютыми вещами!

К сожалению, сплаттерпанк и экстрим-хоррор в русскоязычной среде не особо приветствуются. Кто-то считает, что тут служат препятствием морально-этические рамки и консервативный менталитет нашего народа. Но ведь вышеупомянутый «консерватизм» на Западе намного сильнее (особенно в США с их католиками, мормонами, сайентологами и прочими религиозными/околорелигиозными течениями). Безусловно, какую-то часть аудитории корбит в принципе само описание мерзостей и ультра-насилия, но другой части читателей именно такие литературные извращения весьма по душе.

Согласно другой теории — читателей отталкивает низкий литературный уровень авторов. Чтобы читатель воспринимал подобную литературу, она должна быть мастерски написана, да к тому же содержать в себе социальный и идейный подтекст. Плюс к этому, думается, произведение должно быть грамотным в плане «матчасти» (анатомия, психопатология, химия и физика) — иначе все действо приобретает характер мультяшности.

„Неподалеку на можжевельнике висел труп безгрудой девушки. У ее ног пристроился мужчина. Погрузив свою руку почти по локоть в ее влажное лицо, он вытягивал из нее кишки. При этом глаза его озорно блестели, как у искусного фокусника, демонстрирующего какой-то замысловатый трюк. Внезапно он бросился на милиционеров, сжимая в руке широкий столовый нож. Алферов не колебался ни секунды, и через мгновение изрешеченный пулями дымящийся труп упал у их ног.“

Сергей Демин, из романа «Дикий пляж»

Первое, что приходит в голову, при мыслях об отечественном сплаттере — это, конечно, серия книг «Александра Варго». Серия эта она успешна, интересна и является безусловным лидером в жанре, но, с другой стороны, ее постоянно ругают за:

- невысокого качества тексты;
- плохую или отсутствующую редактуру со стороны издательства;
- незнание авторами «матчасти»;
- жестокость (ну, это было заранее понятно);
- часто — ужасные обложки (использование конвеерных, стоковых изображений или работ «чудо»-фотошоперов);
- откровенный плагиат абзацев или отрывков у зарубежных авторов, «калькирование с западных произведений».

Ругают «Варго» — достается всему русскому хоррору.

И все же — несмотря на некоторую брезгливость к «сплаттерпанку» в родных пенатах, наши авторы бесстрашно обращаются к школе литературного кровопускания.

Одной из самых удачных книг «Варго» можно назвать «Дом в овраге» авторства Сергея Демина. Роман представляет собой занимательный слэшер, действие которого происходит в суровых локациях Сибири. Присутствует некоторая «американизированность», но простой слог, динамичный сюжет, живой персонаж, неожиданный финал и первосортный садизм ставят свои точки над «ё». Столь же удачны романы, изданные в серии «Myst. Черная Книга»: «Дикий пляж» Демина и «Особь» неизвестного автора (одна из самых кровавых книг «Варго»).

Вторым автором, который заметно повлиял на отечественный сплаттерпанк, является Алексей Шолохов. Помимо активного участия в межавторском проекте «Варго», Шолохов издал три романа под собственным именем в серии «НЕРВ. Современный роман ужасов». К сожалению, серию закрыли в связи с неудовлетворительными продажами, однако Шолохов был, есть и будет фаворитом для многих. Его роман «Тело» представляет собой удачный сплав из элементов мистики, темного фэнтези и экстремального хоррора. Читателю следует обратить внимание и на такие рассказы Шолохова, как «Террор-ТВ», «Порно для шимпанзе», «Дон Гуан», «В свете полной луны». Если вы крепки желудком, конечно.

Следует замолвить словечко и про некогда многообещающий, но быстро почивший проект «Серийный отдел», который успел выпустить три запрещенно мясных романа Виктора Глебова и Бориса Ушакова с пометкой «жесть». Романы этого цикла представляют из себя остросюжетные детективы, рассчитанные на любителей трэша и жесткача. В этой же серии должен был выйти роман Алексея Шолохова «Я даю вам шанс» (с предупреждением на обложке: «супержесть»!) Однако, поскольку серия закрыта, он появится в серии Варго.

Ценителям советую так же поискать в книжных магазинах антологии «13 Маньяков», «Пазл», «Фрагменты», «Альфа-самка», «Хеллоуин».

В прозе отечественных постмодернистов, таких, как Илья Масодов и Владимир Сорокин, отчасти — Пелевин, сплаттерпанк также нашел уютное местечко. Первый, умело запрятывая в свои психоделические произведения советскую действительность, описывает в них педофилию, некросадизм (не педалируя подробности), сатано-большевизм и убийства, а для ознакомления

с творчеством второго рекомендую прочесть его новеллу «Настя», местами напоминающую «Пьесу без названия» Чехова, только сильно ужесточенную. Большинство произведений Сорокина не скупятся на всевозможную чернуху и откровенный бред.

«Слава говорил иногда Ольге, чтоб она успокоилась.

— Наконец-то ты меня послушала, — сказал он вслух.

Теперь она была спокойна. Из разорванного живота вывалились синюшные кишки и свисали между ее больших сисек, закрывая лицо».

Алексей Шолохов, из романа «Тело»

Яркие элементы жанра проникли и в прозу Виктора Точинова, Максима Кабира (его рассказу «Метод сборки» тоже подошло бы название «Генитальный расчлениватель»), Игоря Кременцова, Виктории Колыхаловой, Майка Гелприна, Александра Подольского, Марии Артемьевой, Алексея Жаркова, Владислава Женецкого и других отечественных авторов.

Наш кровавый андерграунд развивается медленно, но он есть, он живет. Поэтому — уверен — и на русских просторах появится вскоре свой Уайт, Ричард Лаймон или Эдвард Ли.

Свой, родной, талантливый и безжалостный.

«Лезвие медленно достигло головки. В рывке, которое оно оставило, набухали икринки крови. Потом, словно змея, пенис сбросил кожу. Внутри он оказался кричаще-красным, с белыми пятнами и розовыми прожилками. Сквозь желейную плоть просвечивалось что-то похожее на фиолетовую трубку.

Нина вытерла пот, вздохнула и аккуратно разрежала головку. Теперь рана рассекала пенис пополам. Из огибающей вены струйкой хлестала кровь, раздвоившаяся головка лилась алой мочой.»

Максим Кабир, из рассказа «Метод сборки», сборник «13 маньяков»

Рэт Джеймс Уайт — американский писатель экстрим-хоррора, автор книг «Похититель трупов», «Сочная жертва», «Жизнь без людей», «Тератолог» (в соавторстве с Эдвардом Ли) и других — дал эксклюзивное интервью для журнала «RedRum» Максиму Деккеру.

ДУМАЙ О ЗЛЕ. ПИШИ О ЗЛЕ. СМОТРИ НА СЕБЯ

Рэт, мы рады тебя приветствовать на кровавых страницах REDRUM'a! Для начала вкратце расскажи о себе, своих увлечениях и, конечно же, о творческой деятельности.

Приветствую! Я являюсь любящим мужем, отцом троих детей, бывшим бойцом, который продолжает держать себя в форме, и автором нутрораздирающих произведений в стиле экстрим-хоррора. Моя первая книга, «Сочная жертва», была выпущена в 2005 году. Затем я написал роман «Похититель трупов», который в 2013 был экранизирован (фильм «Come Back To Me» — «Вернись ко мне»). Когда я свободен от писательской рутины,

принимая участие в забегах на пять километров, тягаю тяжести, готовлю азиатскую еду и смотрю много-много порно-фильмов.

Твоя проза беспощадна и сокрушительна, как удар раскаленным молотком в лицо... А что ты можешь посоветовать авторам, пробующим себя в сплаттерпанке? Каким арсеналом знаний и талантами должен обладать писатель, чтобы написать грамотный, brutalный и кровавый хоррор?

Я смотрю много документальных фильмов о преступлениях. Помимо этого читаю — полицейские протоколы, медицинские пособия, независимые газеты и книги о криминале, созданные профессиональными следователями. В дополнение к этому я еще анализирую и сопоставляю материалы из научных ежедневников, вроде «Научной Америки», «Дискавери» и «Психология сегодня». Тут главное — чаще читать всякое-разное про всевозможные стороны нашего общества. Чем темнее и серьезнее материал — тем лучше. Чтобы писать качественный экстрим-хоррор, автору нужно с головой погрузиться в болота ужаса и жути нашего мира.

Какие авторы вдохновили тебя, натолкнули на мысль, что ты тоже можешь творить что-то свое, новое и уникальное?

Я черпал вдохновение из работ немецких и французских сюрреалистов,

а также философов-экзистенциалистов вроде Ницше, Камю, Достоевского и Сартра, но, конечно же, мои «зубы хоррора» прорезались благодаря Стивену Кингу и Клайву Баркеру, с чьими работами я столкнулся еще в детстве.

Как и чем, по-твоему, экстрим-хоррор полезен для мира? Вообще каких результатов ты хочешь достичь своими книгами?

Я пишу, чтобы и развлечь людей, и заставить их задуматься. Порой я обращаюсь к неким гипотетическим ситуациям, худшим сценариям развития социума, чтобы придать своим историям больше возмутительности. К примеру, в моей повести «Жизнь без людей» речь идет об экологическом активисте, убежденном, что человечество убивает и так перенаселенную планету, и, возмнив себя Богом, настраивается на уничтожение людей. В свое время я был готов атаковать проблемы общества любым способом, независимо от того, с какой стороны подойти к этому. Главное — донести мысль до читателя. Именно это я стараюсь делать — и наилучшим образом, когда пишу.

Героями твоих произведений выступали различные маньяки, садисты, сутенеры, скинхеды, педофилы, наркоманы, социопаты и прочие «заблудшие души». Чем так привлекают маргиналы? Ты им как-то симпатизируешь?

Я уверен, что каждый считает себя героем своей истории. Все верят, что они правы, в то время как другие — нет. Мне нравится представлять, на что способны самые худшие люди света сего, и пытаться выяснить, чем они стараются оправдать свои зверства. Почему они считают себя героями, а тех, кто пытаются остановить их — злодеями? Это очень интересно — и для меня, и для читателя.

В ряде своих работ ты затрагивал темы перенаселения планеты, «абберрантной стороны секса» (проституция, БДСМ-сообщества и т.п.), рабства, вопросы религии в обществе, и т.д. Как думаешь, может ли обычный человек противостоять негативному влиянию этих явлений?

Я никогда не слышал о каком-либо гнусном явлении, которое бы действовало само по себе и которое я мог бы остановить. Я считаю, что каждый, независимо от того, насколько он праведный или добрый, способен на великое зло. А те, кто свято верят, что никогда в жизни не совершили бы что-либо зверское, готовы к зверству более других. Зная о внутренней склонности к злу каждого из нас, человек должен стараться предотвратить это зло. Мы обязаны быть постоянно бдительными в отношении наших желаний, потребностей, «животных инстинктов», и т.д. Каждый из нас способен на убийство, изнасилование, воровство, обман — при определенных обстоятельствах, в условиях войны или при оскорблении... Чем ближе мы к уровню, на котором приходится бороться за выживание — тем меньше влияние на нас цивилизации. Нужно помнить об этом, чтобы защитить не только себя, но и своих близких от зла. Никто не может быть по своей природе исключительно добрым или злым; мы бываем кем угодно в зависимости от ситуации, и это надо контролировать.

Порой темы единоборств отчетливо проглядывают в твоих работах (роман «До смерти», например). И это закономерно, ведь ты кикбоксер

и тренер по ММА. Увлечение спортом повлияло на формирование твоей личности, на творческий стиль? Как удается совмещать писательство и боевые искусства?

Драки — это то, чем я всегда занимался еще до того, как вышел на ринг. Когда я рос в Филадельфии, я был известным уличным драчуном. Я люблю единоборства, и я был чертовски хорош в этом. Именно благодаря полученным знаниям описание драк мне даются проще, чем другим. Я знаю, что чувствует кулак при столкновении с лицом. Я знаю, что локоть может сотворить с человеческим черепом, или как один четкий удар ломает ребра. Это позволяет мне как можно ближе подойти к теме насилия в моих работах. Но за что я люблю борьбу — так это за то, что она делает человека скромным. Каждому бойцу суждено быть избитым в зале или в присутствии сотни зрителей. Это, как правило, делает человека менее высокомерными. К примеру, ребята в зале, которые тягают тяжести и тонут в объятиях собственных мускулов — они хороши только в показухе. Большинство из них сильно дерзкие, потому что они никогда не участвовали в настоящей драке. Они никогда не выступали против кого-то сильного и большего, как и они сами. Бойцы же сталкиваются с этим каждый день на тренировках. Именно бокс заставляет тебя понять, что всегда найдется кто-то сильнее тебя.

Этот закон также применим и к писательству. Всегда есть тот, кто лучше и талантливее.

Я вижу, как другие авторы расстраиваются, если другой достигает более высокого уровня успеха или же забирает награду, которую ты в мыслях уже присвоил себе.

У меня такого нет. Я счастлив, когда узнаю, что автор достигает новых высот. Точно так же я обнимаю своего противника после спарринга — независимо от того, выиграл я или нет. Это признание того, что мы вместе в этой игре, в которой оба вынуждены бороться за право на существование.

Как ты считаешь, есть ли авторы, которые могут посоревноваться с тобой по «уровню насилия и кровавости» в произведениях?

Я не думаю об этом, как о предмете конкуренции. Когда я читаю «жесть» от Эдварда Ли или же Ричарда Лаймона, содержимое моего живота буквально взбалтывается, и мне это нравится. Я вообще считаю, что шокировать людей — это круто, и у каждого на этот счет есть свои методы. Вот, к примеру, из более новых авторов я могу отметить Шейна МакКензи и Кристофера Рафти. Эти ребята могут с легкостью настроить совершенно ужасающие вещи!

Мои работы от схожих по жанру вещей отличаются отсутствием юмора. Большинство авторов, пишущих сплаттерпанк и экстрим-хоррор, в отличие от меня, не так серьезны в темах жестокости и насилия. А я склонен писать о реально темной стороне вещей. Но это не значит, что надо обязательно напихивать в книги насилие, где надо и где не надо. Напротив — надо хорошо чувствовать атмосферу и ситуацию, где это необходимо, где нельзя иначе построить сюжет.

Спасибо за увлекательный диалог, Рэт! REDRUM желает тебе всего наилучшего!

Это вам спасибо. Я желаю вашему журналу больших успехов!

Издательство «Бослен» представляет
новую книгу серии «Alter et idem/
Другой и тот же самый»

СБОРНИК РУССКОЙ ТАИНСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

СТРАННО И НАОБОРОТ

МИСТИЧЕСКАЯ...
ГОТИЧЕСКАЯ...
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ...
РУССКАЯ ПРОЗА
первой половины XIX века

Вступительное слово,
составление, комментарии
Виталия Бабенко

boslen.ru

Телефон отдела реализации
издательства «Бослен»: 8 495 971-89-09

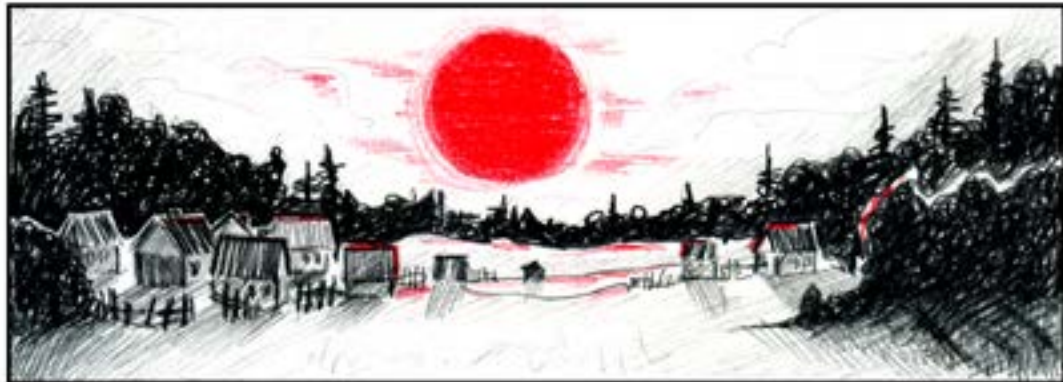

ПО РАССКАЗУ
АЛЕКСЕЯ ШОЛОХОВА

ХУДОЖНИК
М. АРТЕМЬЕВ

ДЕТСКИЕ СТРАШИЛКИ

Я ЗНАЮ ОДНУ
ИСТОРИЮ.

ЧТО, БАЙКА
ПРО МУЖИКА
С КЛАДЕНЩА?

Я ХОЧУ
ПОСЛУШАТЬ!

МНОГО ЛЕТ НАЗАД,
В ОДНОМ ИЗ ДОМОВ НАШЕЙ
ДЕРЕВНИ, ЖИЛ СТАРИК.

ВСЕ ЧЕГО ОН ХОТЕЛ,
ЭТО ЧТОБЫ ЕМУ
НИКТО НЕ МЕШАЛ.
ТАК ПОНАЧАЛУ И БЫЛО.

ЕСЛИ НЕ ОСТАВИТЕ
МЕНЯ В ПОКОЕ -
ВСЕМ БУДЕТ ХУДО!

ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ
ЕГО СПОКОЙСТВИЕ БЫЛО
НАРУШЕНО - В СТА МЕТРАХ
ЗА ЕГО ДОМОМ ПОСТРОИЛИ
КОНЮШНЮ.
СТАРИК БЫЛ ОЧЕНЬ ЗЛОЙ.

ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ
ВСЕ ЛОШАДИ СДОХЛИ
ЛЮДИ БЫЛИ В ШОКЕ,
НО НИКТО НЕ ВСПОМНИЛ
ПРОКЛЯТИЯ СТАРИКА

У ПАВЛЮКОВ
БЫЛ СЫН,
НАШЕГО ВОЗРАСТА.

ОДНАЖДЫ,
ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ
ДОМОЙ.

ЛЮДИ ОБЕЗУМЕЛИ.
ОНИ ВО ВСЕМ
ОБВИНИЛИ СТАРИКА.

ОНИ ВСПОМНИЛИ
ПРО ЕГО
ПРОКЛЯТИЯ.

ВЫВОЛОКАМ
ИЗ ДОМА...

И СОЖГЛИ
ЗАЖИВО,
ЗА КОНОШЕЙ.

ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА ПОСЛЕ
УБИЙСТВА СТАРИКА,
ПРОПАЛ СТАСИК
СМИРНОВ.

ВСЕ БРОСИЛИСЬ
НА ЕГО ПОИСКИ.
ЛИШЬ ЕГО МАТЬ
ЗНАЛА ГДЕ ИСКАТЬ...

И НАША СТАСИКА
В ДАЛЬНЕЙ КОМНАТЕ
МЕРТВОГО.

ОНА КИВУЛАСЬ
В ДОМ СТАРИКА,
ПЕРЕСИЛИВ СТРАХ.
ОДНА.

ОНА ВЫШЛА СЕДЛАЯ
И ПОСТАРЕВШАЯ,
УБАЮКИВАЯ ЕГО.

ПОСЛЕ ПОХОРОН
СМИРНОВЫ
УЕХАЛИ.

ЛЮДИ РЕШИЛИ СЖЕЧЬ
ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ.
ОБЛИЛИ ЕГО БЕНЗИНОМ.

НО КАК ТОЛЬКО
КТО-ТО ПОДНОСИЛ
К НЕМУ СПИЖКУ...

...ВСПЫХИВАЛ ОДИН ИЗ ДОМОВ
В ДЕРЕВНЕ.
ДОМ СТАРИКА ОСТАЛСЯ ЦЕЛ.

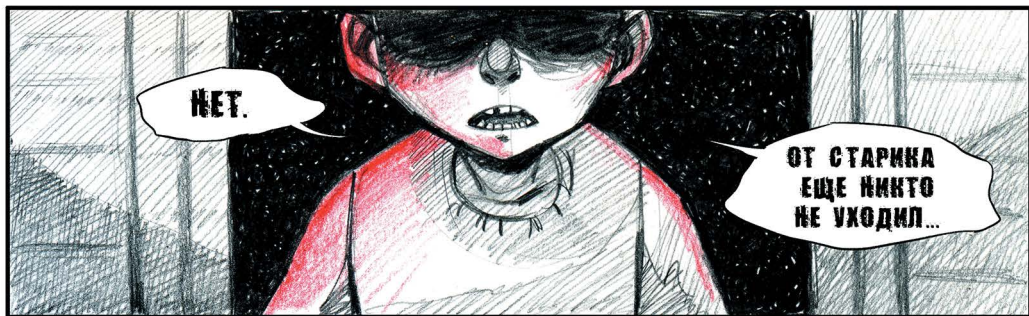
ЭТО БЫЛО
ЛЕТ ТРИДЦАТЬ НАЗАД.
ДОМА ТЕПЕРЬ СТОЯТ
НОВЫЕ...

НУ ТЫ И
ВЫАУМШЕК.
Я УЖ ПОЧТИ БЫЛО
ПОБЕРУЛ!

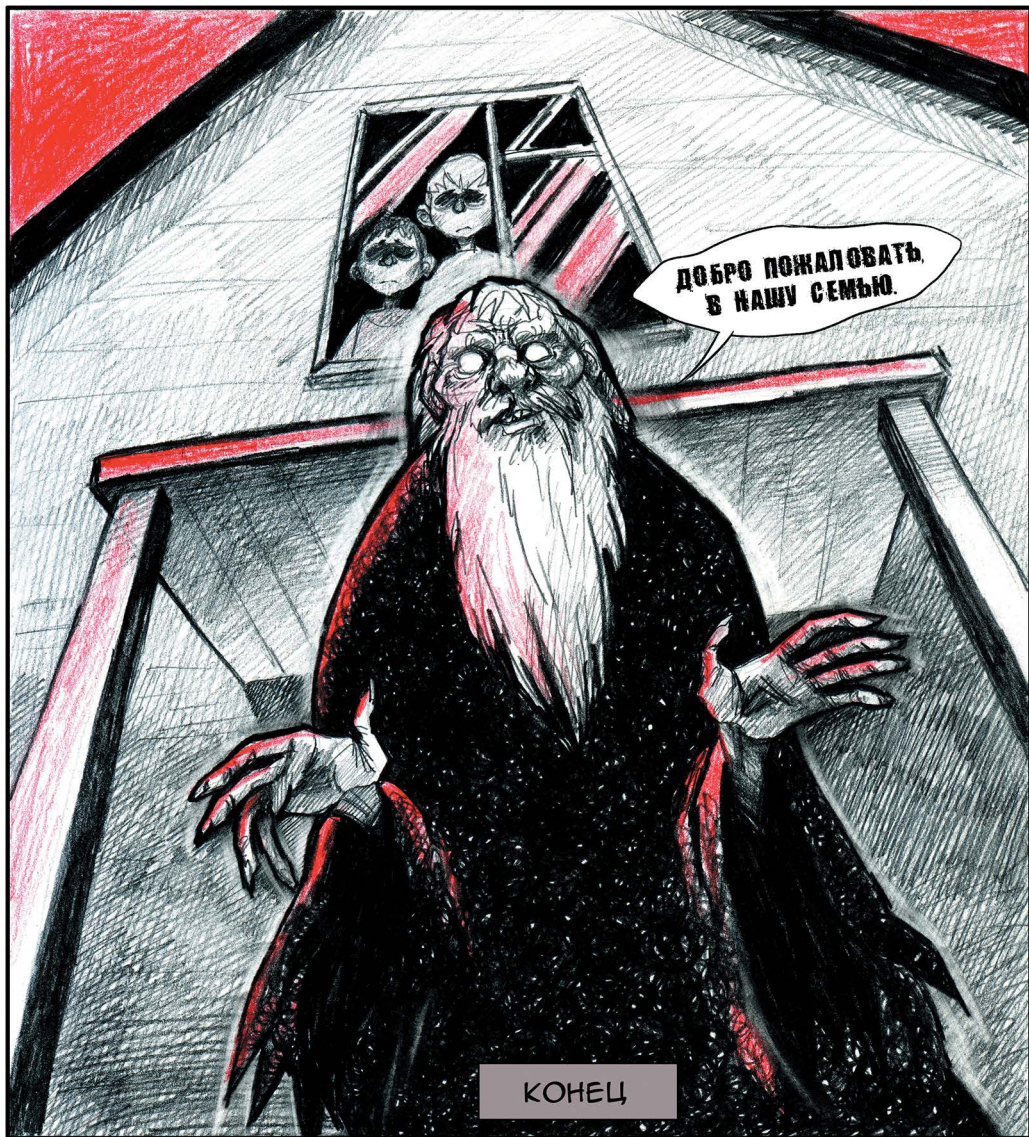
ОДНАЖДЫ
Я ПРОХОДИЛ МИМО
ДОМА СТАРИКА.

НЕТ.

ОТ СТАРИКА
ЕЩЕ НИКТО
НЕ УХОДИЛ...

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ,
В НАШУ СЕМЬЮ.

КОНЕЦ